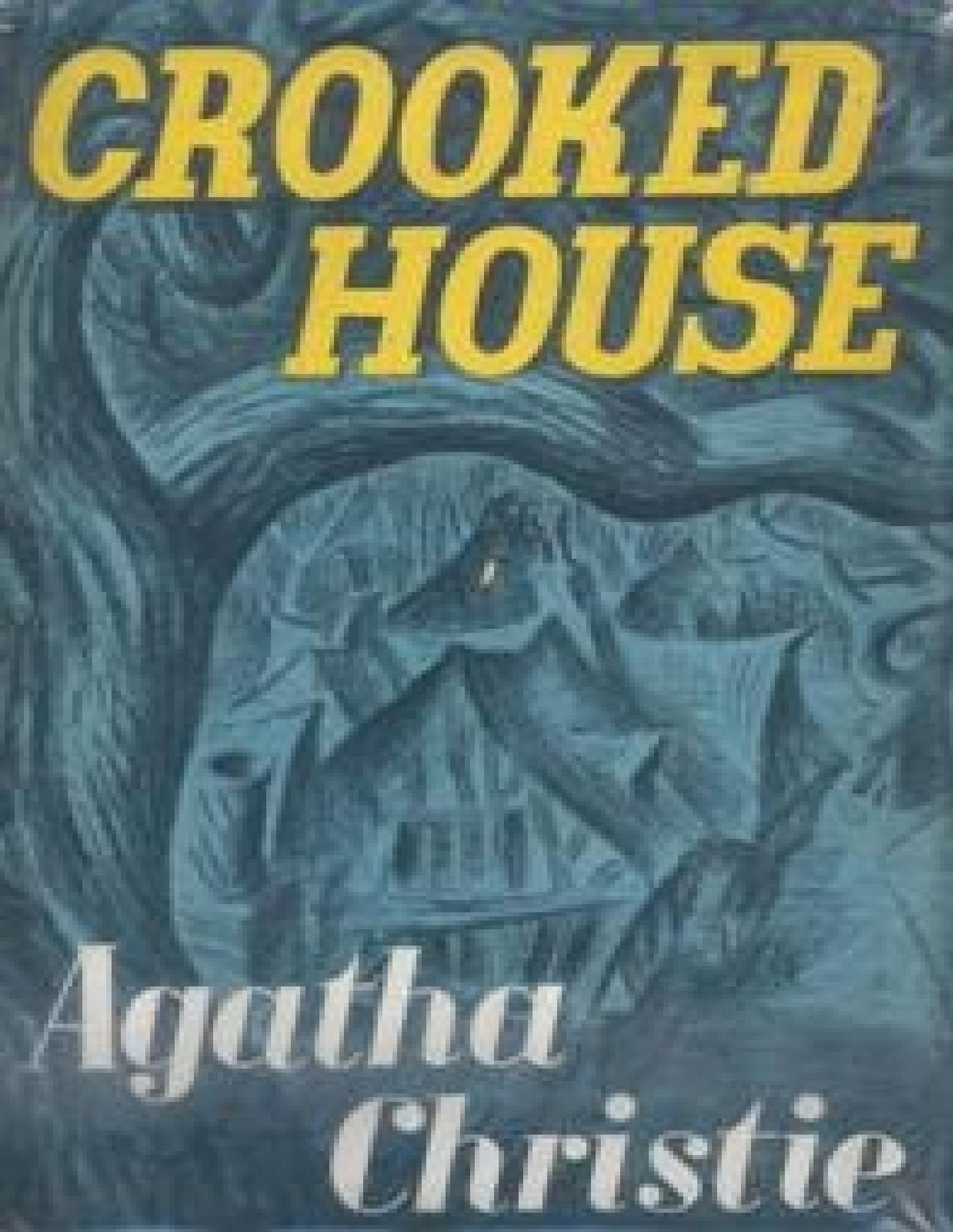

CROOKED HOUSE

Agatha
Christie

Annotation

Помните английскую песенку в переводе Корнея Чуковского: «А за скрюченной рекой / В скрюченном домишке / Жили летом и зимой/ Скрюченные мышки»? Для жителей особняка «Три фронтона» эта песенка весьма актуальна – разросшийся пристройками коттедж, населенный большой шумной семьей, действительно напоминает тот самый «скрюченный домишко». В таком доме просто обязана парить веселая кутерьма. Но однажды там стали совершаться убийства...

- [Кристи Агата](#)

-

Кристи Агата

Скрюченный домишко

Агата КРИСТИ
СКРЮЧЕННЫЙ ДОМИШКО

1

С Софией Леонидис я познакомился в конце войны в Египте. Она занимала довольно высокий пост в посольстве Англии, и мне довелось оценить ее деловитость, работоспособность и компетентность, благодаря которым девушка успела сделать блестящую карьеру, несмотря на свою молодость (тогда ей было всего двадцать два).

Кроме приятной внешности София обладала ясным, трезвым умом и сдержанным чувством юмора, которое я находил восхитительным. С девушкой исключительно легко общаться, и мы получали истинное удовольствие от совместных обедов и случайных походов на танцевальные вечера.

Но только к самому концу войны, уже получив назначение на Восток, я понял, что люблю Софию и хочу жениться на ней.

Это открытие я сделал во время совместного обеда в ресторане "Шеппардз", и оно не удивило и не потрясло меня - просто я как будто в полной мере осознал давно известный факт. Я посмотрел на Софию новыми глазами, но увидел только то, что видел всегда и что мне всегда нравилось: темные блестящие волосы, свободно откинутае назад с высокого лба, живые синие глаза, маленький упрямый подбородок и прямой нос. Мне нравился строгий серый костюм великолепного покроя и белоснежная блузка. София выглядела удивительно "по-английски", и это глубоко трогало меня, три года не бывшего на родине. "Никто на свете, - подумал я, - не может быть более англичанкой, чем мисс Леонидис." И тут же усомнился: а была ли девушка на самом деле настолько англичанкой, насколько казалась? Может ли реальная действительность обладать совершенством и законченностью театрального действия?

Неожиданно мне пришло в голову, что, сколько бы мы ни беседовали, обсуждая наши мысли, симпатии, антипатии, общих знакомых и планы на будущее, София ни разу не упомянула о своем родном доме или семье. Обо мне девушка знала все (слушать она умела), а я о ней - ничего конкретного и предполагал лишь, что ее происхождение и воспитание вполне заурядны.

И только во время обеда в ресторане "Шеппардз" я понял, что София никогда не рассказывала мне о своем прошлом.

Девушка спросила меня, о чем я думаю.

- О тебе, - честно ответил я.

- Понимаю, - кивнула она. И было похоже, что действительно понимает.

- Мы, наверное, не увидимся ближайšie год-два, - сказал я. - Не знаю, когда я вернусь в Англию. Но первое, что я сделаю по возвращении, это найду тебя и попрошу стать моей женой.

София и бровью не повела - просто сидела спокойно и курила, не глядя на меня.

На какое-то мгновение я растерялся, решив, что девушка не поняла смысла сказанного.

- Послушай, продолжал я, - единственное, что я твердо решил не делать, - это предлагать тебе руку и сердце сейчас. Почему? Ты можешь отказать мне, и тогда я с горя свяжусь с какой-нибудь гнусной девицей просто теша раненое самолюбие. Но даже если ты мне не откажешь, то что нам делать? Обручиться и приготовиться к долгому ожиданию встречи? Я не могу заставлять тебя идти на это. Ты можешь встретить другого человека, и я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной быть "лояльной" по отношению ко мне. Мы живем в странной лихорадочной "делай-все-быстрее" атмосфере. Вокруг заключаются и мгновенно расторгаются бесчисленные браки. Мне бы хотелось, чтобы ты вернулась домой свободной и независимой, осмотрелась бы как следует в новом, послевоенном мире и решила, чего ты ждешь от жизни дальше. Отношения между нами, София, должны быть п_о_с_т_о_я_н_н_ы_м_и_. Мне не нужна кратковременная связь.

- Мне тоже, - сказала София.

- С другой стороны, продолжал я, - думаю, мне следует объяснить тебе, как я... ну... отношусь...

- Но без неуместной лирики? - пробормотала София.

- Милая... разве ты не понимаешь? Я все время стараюсь не сказать, что люблю тебя...

Она прервала меня.

- Я все понимаю, Чарлз. И мне нравится твоя забавная манера делать предложения. И конечно, ты можешь навестить меня по возвращении... если еще захочешь...

Теперь наступила моя очередь прервать ее. - Захочу, вне всяких сомнений.

- Сомневаться можно всегда и по любому поводу, Чарлз. в любое время может появиться какое-нибудь непредвиденное обстоятельство, которое спутает все карты. Для начала ты не так уж много знаешь обо мне, верно?

- Я даже не знаю, где ты живешь в Англии.

- В Суинли-Дин.

Я кивнул при упоминании хорошо известного пригорода Лондона, заслуженно гордящегося тремя великолепными полями для игры в гольф при крышу... Но наверное... - Девушка задумчиво сдвинула брови. - Наверное, в некотором смысле мы всю жизнь жили одной большой семьей... под присмотром дедушки и под его защитой. Мой дедушка - это Л_и_ч_н_о_с_т_ь. Ему за восемьдесят, и росту в нем четыре фута десять дюймов, но любой обыкновенный человек просто тускнеет рядом с ним.

- Звучит интересно, - заметил я.

- А дедушка интересный человек. Он грек из Смирны. Аристид Леонидис. - И София добавила с озорным огоньком в глазах: - Он страшно богат.

- Неужели кто-нибудь еще останется богатым после этой войны?

- Мой дедушка останется, - убежденно сказала София. - Все эти попытки доить богатых ему не страшны. Он просто доит самих доильщиков. Интересно, полюбишь ли ты его?

- А ты его любишь?

- Больше всех на свете, - ответила София.

2

Прошло больше двух лет, прежде чем я возвратился в Англию, - нелегких для меня лет. Я писал Софии, она - мне. Ее письма, как и мои были не любовными посланиями, а скорее письмами близких друзей, полными мыслей о грядущем и прошлом и описаний текущих событий. Но тем не менее я знал, что наши чувства друг к другу стали сильнее и глубже за время разлуки.

Я прилетел в Англию теплым пасмурным сентябрьским днем. В голубоватом сумраке листья деревьев казались золотыми, дул легкий порывистый ветерок. Я послал Софии телеграмму прямо из аэропорта.

"Только что прибыл. Жду ужину ресторане "Марио" девять часов. Чарлз."

Двумя часами позже я сидел дома и читал свежую "Таймс". Просматривая колонку с сообщениями о рождениях, свадьбах и кончинах, я наткнулся на фамилию "Леонидис".

"19 сентября в своем особняке "Три фронтона" в Суинли-Дин на

восемьдесят восьмом году жизни скончался Аристид Леонидис. Бренда Леонидис глубоко скорбит о возлюбленном супруге".

Сразу под этим было еще объявление:

"В особняке "Три фронтона" в Суинли-Дин скоропостижно скончался А. Леонидис. Глубоко скорбящие дети и внуки. Отпевание состоится в церкви Сент-Элдрид, Суинли-Дин."

Соседство этих объявлений показалось мне довольно странным: очевидно, два повторяющих друг друга сообщения были помещены рядом по недосмотру работников редакции. Но в первую очередь я подумал о Софии и спешно послал ей вторую телеграмму:

"Только что узнал смерти твоего дедушки. Глубоко соболезную. Сообщи, когда сможем увидеться. Чарлз".

В шесть часов вечера на мое имя пришла телеграмма от Софии, гласящая: "Буду "Марио" девять часов. София".

При мысли о скором свидании с Софией я страшно разнервничался. Время еле ползло. В "Марио" я приехал за полчаса до назначенного времени. София опоздала только на пять минут.

Встретаться после долгой разлуки с кем-то, о ком постоянно думаешь, всегда немного страшно, и, когда наконец София вошла через вращающиеся двери в зал, все происходящее показалось мне совершенно нереальным. На Софии было черное платье, и это почему-то поразило меня. Большинство женщин в ресторане были в черном, но я решил, что София в трауре, и удивился этому: мне казалось, она не из тех людей, которые носят траур пусть даже и по близкому родственнику.

Мы выпили по коктейлю, потом отыскали заказанный столик и принялись торопливо и несколько бессвязно рассказывать друг другу о старых каирских знакомых. Это был несколько искусственный разговор, но он помог нам преодолеть первую неловкость. Я выразил сожаление по поводу смерти мистера Леонидиса, и София спокойно сказала, что все это случилось "совершенно неожиданно". Потом мы снова углубились в воспоминания. И тут я с тревогой начал ощущать что-то неладное. Но это была не та естественная неловкость, которую испытывают люди при встрече после долгой разлуки. Что-то неладное, что-то определенно неладное творилось с самой Софией. Может быть, она собиралась сообщить мне, что встретила другого человека, которого любит больше, чем меня? Что ее чувство ко мне было "всего лишь ошибкой"?

Но все-таки почему-то мне казалось, что дело не в этом. А в чем именно - понять никак не мог. Тем временем мы продолжали наш натянутый разговор.

Потом, совершенно неожиданно, когда официант принес кофе и, поклонившись, удалился, все вдруг стало на свои места. И мы с Софией опять сидели рядом за маленьким столом в ресторане, как когда-то в Каире. И словно не было этих долгих лет разлуки.

- С_о_ф_и_я!.. - сказал я.

И она тут же сказала:

- Ч_а_р_л_з_!

Я облегченно вздохнул.

- Ну, слава богу, все позади. Что это такое было с нами?

- Наверное это из-за меня. Я вела себя глупо.

- Но теперь все в порядке?

- Да, теперь все в порядке.

Мы улыбнулись друг другу.

- Милая, - сказал я. И затем: - Когда мы поженимся?

Улыбка сразу исчезла с ее лица, и непонятная отчужденность снова встала между нами стеной.

- Не знаю, - ответила София. - Я не уверена, что когда-нибудь смогу выйти за тебя, Чарлз.

- Но, София! Почему? Может быть, я кажусь тебе чужим? Тебе необходимо некоторое время, чтобы привыкнуть ко мне снова?.. Нет, - прервал я сам себя. - Я просто идиот. Дело не в этом.

- Да, дело не в этом, - кивнула София.

Я ждал. Наконец она тихо проговорила:

- Это все... смерть дедушки.

- Смерть дедушки? Но причем тут она? Какое значение может иметь смерть твоего дедушки в данной ситуации? Надеюсь... нет, тебе и в голову не могло такое придти... надеюсь, дело не в деньгах? Он что, разорился? Но, милая...

- Дело не в деньгах. - София быстро улыбнулась. - Полагаю, ты возьмешь меня и "в одной сорочке". А дедушка за всю свою жизнь не потерял ни цента.

- Тогда в чем же все-таки дело?

- Просто в его смерти... Видишь ли, Чарлз, похоже, он умер не своей смертью... Похоже, его убили...

Я ошеломленно уставился на нее.

- Но... что за странная мысль! Почему ты так решила?

- Решила не я. Но доктор вел себя очень странно. Он не подписал заключения о смерти. Медэксперты намерены произвести вскрытие. Совершенно очевидно: они подозревают что-то неладное.

Я не стал спорить с Софией. Девушка она была толковая и вполне могла отвечать за свои слова.

Вместо этого я серьезно сказал:

- Их подозрения могут быть и необоснованными. Но даже если они и подтвердятся, какое это может иметь отношение к нам с тобой?

- Самое непосредственное, при определенных обстоятельствах. Ты служишь в министерстве внешних связей, а там обращают внимание на репутацию жен сотрудников. Нет... пожалуйста, не говори мне ничего. Я знаю, что ты собираешься сказать, и верю в твою полную искренность... И теоретически я с тобой согласна. Но я - человек гордый. Я дьявольски гордый человек. Я хочу, чтобы наш брак был идеален с любой стороны. И не желаю быть дражайшей половиной человека, пожертвовавшего карьерой из любви ко мне. Кроме того, все еще может уладиться...

- То есть... доктор мог ошибиться?

- Даже если он и не ошибся, факт убийства не будет иметь значения, если только дедушку убил н а д л е ж а щ и й человек.

- Как тебя понимать, София?

- Конечно, ужасно так говорить. Но в конце концов, надо быть честной.

И София предупредила мой следующий вопрос.

- Нет, Чарлз, больше я ничего не скажу тебе. Вероятно, я и так сказала слишком много. Но мне просто необходимо было сегодня встретиться с тобой и попытаться объяснить одну вещь: мы не можем принимать никаких решений, пока не прояснится эта история.

- Так расскажи мне о ней, по крайней мере.

София покачала головой.

- Не хочу.

- Но, София...

- Нет, Чарлз. Я не хочу, чтобы ты получил представление о нашей семье с моих слов. Лучше взгляни на нашу семью беспристрастно, как сторонний наблюдатель.

- И как же я смогу сделать это?

- Ты расспросишь обо всем своего отца, - ответила девушка.

Еще в Каире я говорил Софии, что мой отец работает помощником комиссара в Скотленд-Ярде. Эту должность он занимал и по сей день. Я почувствовал, что какая-то холодная тяжесть навалилась на сердце.

- Неужели дела настолько плохи?

- Думаю, да. Видишь человека за столиком у двери? Довольно симпатичный флегматичный джентльмен, похожий на отставного

военного?

- Да.

- Я видела его на платформе Суинли-Дин сегодня вечером, когда ждала поезда.

- Полагаешь, он следит за тобой?

- Да. Я полагаю, все мы - как это говорится? - находимся под строгим наблюдением. Нам довольно прозрачно намекнули, чтобы мы не покидали дом. Но я твердо решила встретиться с тобой. - София вздернула маленький упрямый подбородок. - Я вылезла из окна ванной и спустилась по водосточной трубе.

- Милая моя!..

- Но полиция хорошо знает свое дело. Кроме того, я же послала тебе телеграмму. Но все это неважно... Ведь мы здесь... вместе... Но отныне и впредь мы будем играть в одиночку.

София помолчала и добавила:

- К сожалению... нет никакого сомнения, мы любим друг друга.

- Ни малейшего сомнения, - подтвердил я. - Но я бы не сказал, что "к сожалению". Мы с тобой пережили страшную войну, мы часто бывали на волосок от смерти... И я не понимаю, почему внезапная смерть старого человека... Кстати, сколько лет ему было?

- Восемьдесят семь.

- Ну да, конечно. Я же читал в "Таймсе". Я лично считаю - он умер просто от старости, и любой уважающий себя полицейский должен согласиться с этим.

- Если бы ты знал дедушку, - сказала София, - ты бы удивился даже предположению, что он может умереть от чего-либо.

3

Я всегда интересовался работой отца в Скотленд-Ярде, но никогда не предполагал, что однажды мой интерес может приобрести личный характер.

Я еще не видел Старика. По приезде я не застал его дома, а приняв ванну, побрившись и переодевшись, ушел на свидание с Софией. Но когда я возвратился поздно вечером из ресторана, Гловер сообщил мне, что отец ждет меня в кабинете.

Старик сидел за письменным столом и, нахмурившись, разбирал какие-то бумаги. При виде меня он порывисто вскочил:

- Чарлз! Да, давненько мы с тобой не виделись.

Наша встреча после пяти долгих лет войны сильно разочаровала бы эмоционального француза. Мы со стариком были скупы в проявлениях

чувств, но в действительности очень любили и прекрасно понимали друг друга.

- Есть виски, - предложил отец. - Скажи, если захочешь. Извини, не мог встретить тебя. Работы по горло. Веду сразу несколько дел.

Я откинулся на спинку кресла, закурил и небрежно поинтересовался:

- Аристид Леонидис? Отец сдвинул брови и бросил на меня испытующий взгляд. Голос его был вежлив и холоден.

- С чего ты взял, Чарлз?

- Я не прав?

- Откуда ты знаешь?

- Получил такую информацию.

Старик молча ждал.

- И получил непосредственно из семейного гнезда Леонидисов.

- Продолжай, Чарлз. Выкладывай все.

- Тебе это может не понравиться, - сказал я. - В Каире я познакомился с Софией Леонидис. Ялюбил ее и хочу жениться на ней. Сегодня мы с Софией ужинали вместе.

- Ужинали? В Лондоне? Интересно, как ей удалось вырваться в город? Всех членов семьи попросили - о, вполне вежливо! - не покидать Суинли-Дин.

- Да, конечно. Она спустилась по водосточной трубе из окна ванной комнаты.

Старик чуть заметно улыбнулся.

- Похоже, юная леди довольно находчива.

- Но и твои полицейские не ударили в грязь лицом, - - успокоил его я. - Симпатичный отставной военный проследил Софию до ресторана "Марио". Я буду фигурировать в рапорте, который ты скоро получишь. Пять футов одиннадцать дюймов, волосы темные, глаза карие, темно-синий костюм в тонкую полоску и так далее.

Старик посмотрел на меня тяжелым взглядом.

- У тебя это... серьезно?

- Да. Абсолютно серьезно, па.

Несколько мгновений мы молчали.

- Ты что-нибудь имеешь против? - спросил я.

- Я бы ничего не имел против... еще неделю назад. Это хорошо известное богатое семейство, и девушка унаследует крупное состояние. Кроме того, я знаю тебя - - ты не потеряешь голову из-за первой встречной. Но...

- Что, па?

- Впрочем, все еще, может и обойдется, если...

- Если что?

- Если убийцей является надлежащий человек.

Эту фразу я уже слышал сегодня вечером, поэтому заинтересовался.

- Но кто этот н_а_д_л_е_ж_а_щ_и_й человек?

Отец пристально взглянул на меня.

- Что ты знаешь об этой истории?

- Ничего.

- Ничего? - Он показался удивленным. - Девушка ничего не рассказала тебе?

- Нет. Она хочет, чтобы я узнал все от стороннего, непредвзятого человека.

- Интересно, почему так?

- Разве непонятно?

- Нет, Чарлз, по-моему, непонятно.

Отец прошелся взад-вперед по кабинету, хмуря брови. Сигара его потухла, но Старик не заметил этого, что показывало, насколько взволнован он был.

- Что ты знаешь о семье? - отрывисто спросил он.

- Черт возьми! Знаю, что у покойного Леонидиса была куча детей, внуков и прочей родни. Подробно с генеалогическим древом я еще не ознакомился. - Я помолчал и добавил: - Ты бы лучше ввел меня в курс дела, па.

- Да. - Старик сел в кресло. - Хорошо. Тогда я начну с самого начала, то есть с Аристида Леонидиса. Он приехал в Англию в возрасте двадцати четырех лет.

- Грек из Смирны.

- Ты даже это знаешь?

- Да, но это все, что мне известно.

Дверь кабинета открылась, вошел Гловер и доложил о прибытии главного инспектора Тавернера.

- Он ведет дело со мной, - сказал отец. - Пусть поприсутствует при разговоре. Он как раз занимался семьей и знает о ней гораздо больше меня.

Я кивнул, и вскоре в кабинете появился мой старый знакомый инспектор Тавернер. Он тепло поприветствовал меня и поздравил с благополучным возвращением.

- Ввожу Чарлза в курс дела, - сообщил Старик. - Поправьте меня, если я ошибусь в чем-то. Так вот, Леонидис прибыл в Лондон в тысяча восемьсот восемьдесят четвертом году и обзавелся маленьким

ресторанчиком в Сохо. Предприятие оказалось выгодным, и вскоре Леонидис приобрел еще один ресторан. А через некоторое время он владел уже семью или восемью подобными заведениями - и все они приносили значительный доход.

- Леонидис всегда действовал безошибочно, - вставил главный инспектор Тавернер.

- У него было природное чутье на выгоду, - продолжал отец. - В конце концов он оказался владельцем почти всех лучших ресторанов Лондона. После чего занялся широкомасштабными поставками продовольствия.

- Он занимался и другими видами деятельности, - заметил Тавернер. Комиссионная торговля одеждой, дешевые ювелирные лавки и прочее. Конечно, - задумчиво добавил инспектор, - он всегда был в некотором роде прохиндеем.

- Жуликом? - уточнил я.

Тавернер покачал головой: - Нет. Может быть, жуликоватым отчасти - но не жуликом в полном смысле слова. Никогда не позволял себе ничего противозаконного. Леонидис из тех ушлых ребят, которые могут придумать тысячу способов обойти закон. Он умудрился нажить даже на этой войне, несмотря на свой весьма преклонный возраст. Как всегда, он не совершал ничего противозаконного - но после каждой его деловой операции у властей возникала необходимость в принятии нового закона, если вы понимаете, о чем я говорю. Леонидис же тем временем уже занимался организацией следующего предприятия.

- В результате вырисовывается довольно несимпатичный тип, - заметил я.

- Как это ни странно, Леонидис был как раз очень даже симпатичным человеком. Личностью с большой буквы, понимаешь? И это сразу чувствовалось. Внешне - ничего привлекательного: безобразный коротышка, почти карлик. Но чем-то он привлекал людей, женщины всю жизнь влюблялись в него.

- Его брак произвел настоящий фурор, - сказал отец. - Он женился на дочери крупного землевладельца.

Я поднял брови: - Деньги? - Нет. Это был брак по любви. Она случайно познакомилась с Леонидисом на свадьбе подруги - и влюбилась в него по уши. Ее родители категорически возражали против этого союза, но ничего не смогли поделать. Говорю вам, у него был какой-то шарм. Девушку очаровала его экзотичность и скрытый в нем колоссальный заряд энергии. Ей до смерти надоели люди ее круга.

- И это был счастливый брак?

- Даже очень, как ни странно. Конечно, в высшем свете их не приняли (в те дни деньги еще не стирали классовых различий), но это мало волновало молодоженов. Они прекрасно обошлись и без высшего света. Леонидис построил довольно несуразный особняк в Суинли-Дин, и супруги счастливо зажили там и произвели на свет восьмерых детей.

Старый Леонидис поступил очень умно, обосновавшись в Суинли-Дин. Тогда этот район только-только начинал входить в моду, второе и третье поля для игры в гольф открылись позднее. Тамошние старожилы страстно увлекались садоводством. Им пришлось по душе и молодая миссис Леонидис, и заинтересованные в знакомстве с мистером Леонидисом крупные лондонские финансисты - так что новоиспеченные супруги могли выбирать себе знакомых по своему вкусу. Полагаю, они жили совершенно счастливо, пока миссис Леонидис не умерла от пневмонии в девятьсот пятом году.

- Оставив мужа с восемью детьми?

- Один ребенок умер в грудном возрасте. Двое сыновей погибли в последней войне. Одна из дочерей вышла замуж и уехала в Австралию, где и умерла. Другая, незамужняя, погибла в автомобильной катастрофе. Последняя же умерла год-два назад. В живых остались двое: старший сын Роджер, который женат, но бездетен, и Филип, женатый на известной актрисе и имеющий троих детей: твою Софию, Юстаса и Джозефину.

- И все они живут в Суинли-Дин в... этом, как его? - особняке "Три фронта"?

- Да. Дом Роджера разбомбило в самом начале войны. А Филип с семьей обосновался там с тридцать седьмого года. Еще там живет старая тетка Роджера и Филипа, мисс де Хэвилэнд, сестра первой миссис Леонидис. Мисс де Хэвилэнд всегда открыто ненавидела зятя, но после смерти сестры сочла себя обязанной принять приглашение мистера Леонидиса жить в его доме и воспитывать его детей.

- И ревностно исполняла свой долг, - сказал инспектор Тавернер. - Но эта женщина не из тех, кто легко меняет свое мнение о людях. Она всегда осуждала Леонидиса и его методы работы...

- Что ж, - заметил я, - интересная семейка. И кто же, вы полагаете, убил старика?

Тавернер покачал головой.

- Еще слишком рано говорить что-либо определенное.

- Да бросьте, Тавернер, - сказал я. - Бьюсь об заклад, вы знаете, кто это сделал. Мы же не в суде, дружище.

- Не в суде, - мрачно согласился Тавернер. - И вполне возможно,

никогда там и не окажемся с этим делом.

- То есть, возможно, никакого убийства и не было?

- О, старика убили, это точно. Отравили. Но ты ж понимаешь, что такое - дело об отравлении. Очень сложно раздобыть доказательства. Очень сложно. Все улики могут указывать на одного человека, а...

- Именно об этом я и веду речь. У вас уже составилось какое-то определенное мнение о ситуации, ведь правда?

- В этом деле все слишком очевидно. Ситуация вроде бы абсолютно ясна... Но все-таки я не уверен. Сложный вопрос.

Я взглянул на Старика.

- В деле об убийстве, - медленно проговорил он, - правильным выводом обычно является вывод очевидный. Видишь ли, старый Леонидис женился вторично десять лет назад.

- В возрасте семидесяти семи лет?

- Да, и женился на двадцатичетырехлетней женщине.

Я присвистнул.

- И что это была за женщина?

- Официантка, работавшая в одном из его ресторанчиков. Весьма приличная молодая особа, привлекательная в своем роде, но несколько вялая и апатичная.

- Она-то и есть та самая очевидность?

- Подумай сам, - сказал Тавернер. - Сейчас ей всего тридцать четыре года - а это опасный возраст. В доме же служит один молодой человек, учитель внуков Леонидиса. На войну его не взяли: то ли сердце не в порядке, то ли еще что-то. Этих двоих водой не разольешь.

Я задумчиво смотрел на Тавернера. Конечно, здесь вырисовывается хорошо знакомая картина. Вторая миссис Леонидис, по словам отца, весьма приличная дама. Во имя соблюдения приличий совершалось очень много убийств.

- И что же это было? - спросил я. - Мышьяк?

- Нет. Мы еще не получили медицинского заключения, но доктор считает - это эзерин.

- Несколько необычно, не правда ли? Вероятно, покупателя препарата будет легко проследить?

- Только не в этом случае. Видишь ли, эзерин принадлежал самому старику. Глазные капли.

У Леонидиса был диабет, - сказал отец. - Ему регулярно делали инъекции инсулина. Инсулин выпускается в маленьких пузырьках с резиновыми пробками. Пробка протыкается иглой для подкожных

впрыскиваний, и лекарство втягивается в шприц.

Я попытался продолжить сам:

- А в бутылочке оказался не инсулин, а эзерин?

- Совершенно верно.

- И кто же делал старику инъекцию?

- Его жена.

Теперь я понял, что имела в виду София, говоря о "надлежащем" человеке.

- Семья Леонидисов находится в хороших отношениях со второй миссис Леонидис?

- Нет. Они едва разговаривают с ней.

Ситуация все больше прояснялась. Но было совершенно очевидно: Тавернер не ликовал по этому поводу.

- А что вас, собственно, смущает? - поинтересовался я.

- Если старика убила миссис Леонидис, Чарлз, то ведь потом она легко могла заменить пузырек с эзеринном на нормальный пузырек с инсулином. Действительно, если убийца она, то разрази меня гром, никак не пойму, почему она этого не сделала!

- Да, это было бы вполне логично. И много инсулина у старика в аптечке?

- О, куча пузырьков - и пустых, и полных. И если бы миссис Леонидис подменила пузырек, ставлю десять против одного, доктор ничего и не заподозрил бы. О посмертных признаках отравления эзеринном медицине мало что известно. Но тут доктор проверил склянку с инсулином (на случай, если вдруг концентрация лекарства окажется слишком сильной) и, конечно, обнаружил, что это вовсе не инсулин.

- Итак, получается, - задумчиво проговорил я, - что миссис Леонидис либо очень глупа... либо, вполне возможно, очень умна.

- Ты имеешь в виду...

- Миссис Леонидис может делать ставку на то, что вы решите - никто не может быть глуп настолько, насколько кажется она в данной ситуации. Есть еще варианты? Какие-нибудь другие подозреваемые?

- Это мог сделать практически любой из домашних, - спокойно сказал отец. - В доме всегда большой запас инсулина - по меньшей мере на две недели. Можно было легко налить эзерин в какой-нибудь пузырек из-под инсулина - и знать, что в свое время его используют должным образом.

- И любой в доме имел более-менее свободный доступ к лекарствам? Да. Лекарства хранились в аптечке в ванной комнате старика. Любой в доме мог спокойно зайти туда.

- Какие-нибудь серьезные мотивы?

Отец вздохнул.

- Милый Чарлз. Аристид Леонидис был чрезвычайно богат. Он обеспечил каждого члена семьи большими деньгами, но ведь могло случиться, что кто-то возжелал большего.

- Но скорей всего, возжелать большего могла ныне вдовствующая миссис Леонидис. У ее молодого человека есть какие-нибудь средства?

И тут меня озарило. Я вспомнил процитированную Софией строчку, а затем и весь детский стишок:

Жил-был человечек кривой на мосту,
Прошел он однажды кривую версту
И вдруг на пути меж камней мостовой
Нашел потускневший кривой золотой.
Купил за монетку кривую он кошку,
А кошка кривую нашла ему мышку.
И так они жили себе понемножку
Все вместе в кривом и убогом домишке.

- Как вам показалась эта... миссис Леонидис? Что вы о ней думаете? спросил я Тавернера.

- Трудно сказать... очень трудно сказать, - медленно заговорил он. Она непроста. Чрезвычайно тиха и спокойна - нельзя догадаться, о чем она думает. Но миссис Леонидис любит безмятежную, размеренную жизнь - в этом я могу поклясться. Мне она напомнила, знаете ли, кошку. Такую сладко мурлыкающую, толстую, ленивую кошку... Не то чтобы я имел что-нибудь против кошек. С ними как раз все в порядке... - Тавернер вздохнул. - Что нам требуется - так это доказательства.

"Да, - подумал я. - Нам в с е м требуются доказательства того, что именно миссис Леонидис отравила своего мужа. И Софии, и мне, и инспектору Тавернеру".

И если они найдутся, все устроится самым лучшим образом.

Но София не была уверена в виновности миссис Леонидис, и, похоже, Тавернер - тоже.

4

На следующий день я отправился в Суинли-Дин вместе с Тавернером.

Я находился в странном положении. Его можно было назвать по меньшей мере совершенно небанальным. Но мой Старик никогда не отличался склонностью к банальным решениям.

У меня имелись некоторые формальные права присутствовать при расследовании преступления: в самом начале войны я работал в Особом

отделе Скотленд-Ярда. Эта работа, конечно, не имела ничего общего с деятельностью следователя по уголовным делам, но сам факт моего пребывания на службе в Скотленд-Ярде давал мне, как говорится, определенный официальный статус.

- Если мы хотим раскрыть это преступление, - сказал мне отец, - нам нужно обзавестись тайным осведомителем. Мы должны знать о Леонидисах все. И должны узнать эту семейку и_з_н_у_т_р_и - а не со стороны. И ты поможешь нам в этом.

Мне это совсем не понравилось. Я швырнул сигарету в камин и ответил:

- Ты предлагаешь мне стать шпионом? И добывать для вас информацию у Софии, которую я люблю и которая, хочется верить, любит меня и доверяет мне?

- Бога ради, - раздраженно сказал Старик, - не вставай на обывательскую точку зрения. Для начала, ты ведь не веришь, не правда ли, что твоя девушка убила своего деда?

- Конечно, не верю. Это абсолютно нелепое предположение.

- Хорошо. Мы тоже ее не подозреваем. Девушка несколько лет жила за пределами Англии, и, кроме того, она всегда была в прекрасных отношениях с дедом. У нее весьма приличный доход, а старый Аристид, надеюсь, был бы рад узнать о ее помолвке с тобой и, вероятно, выделил бы внучке богатое приданое. Мы не подозреваем мисс Леонидис. С чего бы вдруг? Но ты можешь быть уверен в одном: пока преступление не будет раскрыто, девушка не выйдет за тебя. После всего, что ты рассказал мне о ней, я в этом абсолютно убежден. И заметь: преступление подобного рода может н_а_в_с_е_г_д_а остаться нераскрытым. Мы можем сколько угодно подозревать жену убитого и молодого учителя в преступном сговоре, но подозрения одно, а доказательства - совсем другое. И пока мы не раздобудем неопровержимых улик против миссис Леонидис, в душе у всех останутся всякие гадкие сомнения. Ты ведь сам это понимаешь.

Да, я это понимал.

Потом Старик спокойно предложил:

- А почему бы тебе не ввести ее в курс дела?

- Ты имеешь в виду, спросить Софию, не будет ли она возражать, если... - Я осекся.

Старик энергично закивал.

- Да-да. Я вовсе не предлагаю тебе что-то вынюхивать за спиной у девушки. Посоветуйся с ней, узнай ее мнение по этому поводу.

И вот на следующий день я ехал в Суинли-Дин в компании с главным

инспектором Тавернером и сержантом Лэмбом.

Сразу за полем для игры в гольф мы свернули на подъездную дорогу, которую, по-видимому, до войны перегораживали импозантные ворота. Их смела волна патриотизма или безжалостных реквизиций. Мы проехали по длинной извилистой дороге, по обеим сторонам обсаженной рододендронами, и выехали на усыпанную гравием короткую аллею, ведущую к дому.

Потрясающее зрелище открылось моим глазам! Интересно, почему особняк назывался "Три фронтона"? Правильней было бы назвать его "Одиннадцать фронтонов". Здание производило странное впечатление: оно казалось несколько перекошенным с фундамента до крыши. И я понял, почему. С точки зрения архитектуры это был простой коттедж деревенского типа - но коттедж, раздутый до невероятных размеров, словно оказавшийся под огромным увеличительным стеклом. Косые балки крыши, дерево, кирпич, треугольные фронтоны - "кривой домишко" из детского стишка, вдруг выросший, как гриб, за одну ночь!

Но замысел архитектора я уловил. Я видел перед собой воплощенное представление выбившегося из низов зажиточного грека о чем-то английском. Сооружение призвано было являть собой дом истинного англичанина - но при этом не уступало по размерам хорошему средневековому замку! Интересно, что думала об этом семейном гнездышке первая миссис Леонидис? Вряд ли кто-нибудь советовался с ней и обсуждал проект здания. Скорей всего, экзотический супруг приготовил для нее м_а_л_е_н_ь_к_и_й сюрприз. Интересно, содрогнулась она при виде этого монстра - или улыбнулась?

Но так или иначе, чета Леонидисов жила здесь счастливо.

- Немножко чересчур, да? - сказал инспектор Тавернер. - Конечно, старый джентльмен постарался вовсю. Практически это три отдельных дома под одной крышей - со своими кухнями и прочим. Внутри все отделано по высшему разряду.

В дверях дома появилась София. Она была без шляпы, в зеленой блузке и юбке из твида.

При виде меня девушка стала как вкопанная:

- Ты?!

- София, - торопливо сказал я. - Мне нужно поговорить с тобой. Где это можно сделать?

На какое-то мгновение мне показалось, что София откажется разговаривать со мной, но потом она повернулась со словами:

- Сюда, пожалуйста.

Мы пересекли небольшую лужайку. Отсюда открывался прекрасный вид на поле для игры в гольф; за ним поднимался поросший редкими елями холм, а дальше простирались туманные луга.

София провела меня в садик с каменными декоративными горками, и мы уселись на страшно неудобную, грубо сработанную деревянную скамью.

- Итак? - Голос девушки не предвещал ничего хорошего.

Я доложил ей все, что имел доложить.

София слушала очень внимательно. По ее лицу нельзя было догадаться, о чем она думает, но, когда наконец я умолк, девушка глубоко вздохнула.

- Твой отец - очень умный человек.

- У Старика есть свои достоинства. Сам я лично нахожу эту идею недостойной, но...

- О нет, - прервала меня София. - Это вовсе не недостойная идея. Это единственная тактика, которая может привести к реальным результатам. Твой отец, Чарлз, безошибочно угадал мои мысли. Он понял меня лучше, чем ты.

Неожиданно она ударила кулаком одной руки о ладонь другой. Это был почти жест отчаяния.

- Я должна знать правду. Я должна знать.

- Из-за нас? Но, дорогая...

- Не только из-за нас, Чарлз. Я должна знать правду ради собственного спокойствия. Понимаешь... вчера я тебе не сказала... но дело в том, что я боюсь.

- Боишься?

- Да! Боюсь, боюсь, боюсь! Полиция, и твой отец, и ты, и все вокруг полагают, что это сделала Бренда.

- Просто вероятность этого...

- О да, вероятность велика. Да. Но когда я говорю: "Вероятно, это сделала Бренда", - я полностью отдаю себе отчет в том, что это всего лишь желаемое. Потому что, видишь ли, в действительности я такнедумаю.

- Ты так недумаешь? - медленно переспросил я.

- Не знаю. Ты имел возможность посмотреть на это дело со стороны, как я и хотела. Теперь выслушай меня. Я просто-напросто не верю, что Бренда на такое способна. Мне кажется, она не из тех, кто станет подвергать себя какой-либо опасности. Она слишком заботится о своем покое.

- А как насчет этого молодого человека? Лоуренса Брауна?

- Лоуренс - заячья душа. У него не хватило бы смелости на подобный поступок.

- Как знать.

- Да, мы ничего не можем знать наверняка. То есть люди могут поступать иногда самым неожиданным образом. И зачастую сложившееся о человеке представление оказывается совершенно неверным... Но все-таки Бренда... - София покачала головой. - Она всегда вела себя в полном соответствии со своим характером. Это тот тип женщин, который я называю гаремным. Любит празднично сидеть у окна и есть конфеты, любит красивую одежду и драгоценности, читает дешевые романы и ходит в кино. И - странно даже говорить такое, когда речь идет о восьмидесятилетнем старике, Бренда побаивалась дедушку. В нем была какая-то сила, понимаешь? Рядом с ним любая женщина могла почувствовать себя... королевой, фавориткой султана! Думаю, дедушка заставил Бренду ощутить себя пленительной романтической героиней. Он всю жизнь знал, как вести себя с женщинами - а ведь это искусство, которое с годами только совершенствуется.

Я отвлекся от размышлений о Бренде и вернулся к взволновавшей меня фразе Софии.

- Почему ты сказала, что боишься?

София легко задрожала и стиснула руки.

- Потому что боюсь, - тихо произнесла она. - И очень важно, чтобы ты понял это. Видишь ли, мы чрезвычайно странная семья... Все мы в чем-то жестоки... причем каждый - по-своему. Вот что страшно.

Очевидно, не уловив на моем лице понимания, София с чувством продолжала:

- Попробую объяснить, ч_т_о я имею в виду. Возьмем, к примеру, дедушку. Однажды, рассказывая о своей юности в Смирне, он вскользь упомянул, что зарезал двух человек. В рассказе фигурировал какой-то скандал, смертельное оскорбление... подробностей дедушка сам не помнил но для него это убийство казалось чем-то совершенно естественным. И ведь он действительно почти напрочь забыл обстоятельства случившегося. Но здесь, в Англии, просто дико слышать, как о таких вещах упоминают вскользь, к слову.

Я кивнул.

- Это один вид семейной жестокости, - продолжала София. - Потом еще моя бабушка. Я ее едва помню, но очень много слышала о ней. Думаю, и ей была свойственна жестокость, происходящая от полного отсутствия

воображения. Все ее предки и родственники - это деревенские охотники да прямолинейные отставные генералы. Честные до мозга костей, высокомерные и смело берущие на себя ответственность в вопросах жизни и смерти.

- По-моему, твои рассуждения притянуты за уши.

- Возможно. Но люди такого типа всегда внушали мне страх. Они высоконравственны и принципиальны - и в этом их жестокость. Потом моя мать. Она актриса... и очень мила. Но у нее с_о_в_е_р_ш_е_н_н_о нет чувства меры. Она из тех бессознательных эгоистов, которые способны оценивать реальность лишь с точки зрения собственной выгоды. Иногда это становится жутковатым. Затем Клеменси, жена дяди Роджера. Она занимается какими-то важными научными изысканиями и тоже жестока - своей объективностью и бесстрастностью. Дядя Роджер, наоборот, добрейший, милейший человек - но он страшно вспыльчив, легко выходит из себя и тогда уже сам не сознает, что делает. А мой отец...

София надолго замолчала.

- Отец, - медленно повторила она, - человек сдержанный. Даже чересчур сдержанный. Никогда не знаешь, о чем он думает в настоящий момент: никогда не обнаруживает никаких чувств. Вероятно, это бессознательная защита против чрезмерно эмоциональной матери. Но иногда... эта бесстрастность меня тревожит.

- Дитя мое, - сказал я. - Ты накачиваешь себя без всякого на то повода. В конце концов ты придешь к выводу, что убийство мог совершить любой член вашей семьи.

- Наверное, так оно и есть. И я не исключение.

- Только не ты!

- Нет, Чарлз. Ты должен ко всем нам отнестись одинаково беспристрастно. Думаю, в принципе, я тоже способна на убийство... - София помолчала несколько мгновений и добавила: - Но для этого у меня должны быть действительно стоящие причины.

Тогда я расхохотался. Не мог сдержаться. Улыбнулась и София.

- Наверное, я просто дура, - сказала она. - Но мы должны узнать всю правду о смерти дедушки. Должны. Е_с_л_и б_ы только убийцей оказалась Бренда...

Я почувствовал внезапную жалость к Бренде Леонидис.

5

По дорожке быстрым шагом к нам приближалась высокая старуха в потрепанной фетровой шляпе, бесформенной юбке и нелепом обвислом жакете.

- Тетя Эдит, - сказала София.

По пути старуха один-два раза останавливалась, наклоняясь к цветочным клумбам, потом приблизилась к нам. Я поднялся на ноги.

- Это Чарлз Хэйворд, тетя Эдит. Моя тетя, мисс де Хэвилэнд.

У Эдит де Хэвилэнд, женщины лет семидесяти, были растрепанные седые волосы, обветренное сухое лицо и острый, пронизательный взгляд.

- Здравствуйте, - сказала она. - Я слышала о вас. Уже вернулись с Востока? Как поживает ваш отец?

Несколько удивившись, я ответил, что хорошо.

- Знала его еще мальчиком, - пояснила мисс де Хэвилэнд. - Была хорошо знакома с его матерью. Вы похожи на нее. Приехали помочь нам? Или еще что?

- Надеюсь помочь, - неловко пробормотал я.

Она кивнула.

- Помощь нам не помешает. Дом кишмя кишит полицейскими. Выскакивают из-за каждого угла. Среди них несколько пренеприятных типов. Мальчик, окончивший приличную школу, не должен идти в полицию. На днях видела сына Мойры Кинуль, регулирующего уличное движение на перекрестке у Марбл Арч. Что-то непонятное творится в этом мире!

Она повернулась к внучке:

- Тебя ищет Нэнни, София. Насчет рыбы.

- О, черт, - сказала София. - Сейчас позвоню в лавку.

И она быстро направилась к дому. Мисс де Хэвилэнд повернулась и медленно двинулась в том же направлении. Я пошел рядом, ступая с ней в ногу.

- Не знаю, что бы мы делали без нянюшек, - заговорила мисс де Хэвилэнд. - Почти во всех семьях есть преданные старые нянюшки - они стирают, и гладят, и готовят, и делают все по дому. Нашу Нэнни я выбирала самолично... много лет назад.

Внезапно старая леди остановилась, наклонилась и яростно выдернула из клумбы выющийся зеленый стебель.

- Проклятые выюнки! Самый отвратительный сорняк! Разрастается в мгновение ока, душил цветы... И от него не избавиться: слишком далеко во все стороны пускает корни.

И мисс де Хэвилэнд яростно втоптала каблуком в землю зеленый стебелек.

- Это нехорошее дело, Чарлз Хэйворд, - она посмотрела в сторону дома. - Что думает обо всем этом полиция? Наверное, я не должна задавать

такие вопросы. В голове не укладывается, что Аристид отравлен - трудно представить его мертвым. Я никогда не любила его - никогда! Но не могу свыкнуться с мыслью, что он умер... Без него дом как-то... опустел.

Я промолчал. Несмотря на резкий, отрывистый тон, Эдит де Хэвилэнд, похоже, собиралась погрузиться в воспоминания.

- Как раз думала сегодня утром... я живу здесь давно. Уже больше сорока лет. Приехала сюда после смерти сестры. Он и попросил меня. Семеро детей - и младшему только год. Не могла же я допустить, чтобы их воспитывал этот грек? Нелепый брак, конечно. Я всегда подозревала - он просто... околдовал Марцию. Безобразный маленький иностранец! Но мне он предоставил полную свободу действий - что правда, то правда. Няни, гувернантки, школы. И нормальная здоровая пища для детей - не та острая отравка, к которой привык он.

- И вы с тех пор так и жили здесь? - пробормотал я.

- Да. Как ни странно... Я м о г л а б ы уехать, конечно, когда дети выросли... Наверное, я просто привязалась к парку. И потом еще Филип. Если человек женится на актрисе, ему трудно рассчитывать на нормальную семейную жизнь. Не понимаю, зачем актрисы обзаводятся детьми. Сразу после рождения ребенка они срываются с места и уезжают на гастроли в Эдинбург или еще куда-нибудь, по возможности подальше от дома. Филип принял единственно разумное решение: перебрался сюда со всеми своими книгами.

- А чем занимается Филип Леонидис?

- Пишет книги. Ума не приложу почему. Их никто не читает. Бесконечные описания малоизвестных исторических фактов. Вы, наверное, никогда даже не слышали об его книгах?

Я подтвердил это предположение.

- Просто у него слишком много денег, - сказала мисс де Хэвилэнд. Большинство людей вынуждены отказаться от всякой дури и зарабатывать себе на хлеб.

- А разве книги не приносят ему дохода?

- Конечно, нет. Филип считается крупным специалистом по определенным историческим периодам - но это все. Правда, он и не стремится извлекать доход из своих писаний. Аристид выделил ему - это совершенно невероятно! сто тысяч фунтов. Во избежание налога на наследство. Аристид вообще всех сделал независимыми в финансовом отношении. Роджер руководит крупной фирмой по поставкам товаров. У Софии - весьма приличное содержание. Младшие внуки получают деньги по достижении совершеннолетия.

- Значит, от его смерти никто не выигрывает?

Старая леди странно взглянула на меня:

- Почему? Выигрывают все. Все получают денег еще больше. Но любой вполне мог получить денег еще больше, чем имеет, попроси он об этом Аристида.

- Вы подозреваете кого-нибудь, мисс де Хэвилэнд?

Она ответила характерным для себя образом:

- Конечно, нет. Все это страшно расстроило меня. Не очень приятно предполагать, что по дому расхаживает новоиспеченный Борджиа. Полиция, наверное, вцепится в бедную Бренду.

- Вы полагаете, полицейские ошибаются в своих подозрениях?

- Я просто не знаю. Я всегда считала Бренду существом исключительно тупым и заурядным. Я представляю себе отравителя несколько иначе. Но с другой стороны, когда молодая женщина двадцати четырех лет выходит замуж за восьмидесятилетнего старика, совершенно очевидно - она делает это из-за денег. В обычном случае она могла бы рассчитывать вскоре оказаться молодой богатой вдовой. Но Аристид был исключительно крепким стариком. Болезнь его не прогрессировала. Казалось, он проживет до ста лет по меньшей мере. Наверное, Бренда просто устала ждать...

- И в этом случае... - начал я и остановился.

- И в этом случае, - резко подхватила мисс де Хэвилэнд, - все раскладывается более-менее удачно. Неприятно, конечно, что история получит огласку. Но в конце концов, Бренда не принадлежит к нашей семье.

- А других предположений у вас нет? - спросил я.

- А какие другие предположения у меня могут быть?

Но у меня было подозрение, что под потрепанной фетровой шляпой скрывается гораздо больше мыслей, чем я уже знал.

За всеми этими отрывистыми, почти бессвязными фразами таилась, мне казалось, энергичная работа острого ума. На какое-то мгновение я даже подумал, уж не сама ли мисс де Хэвилэнд отравила Аристида Леонидиса...

Предположение не являлось таким уж невероятным. Я вспомнил, с какой холодной мстительностью старая леди втоптала каблуком в землю зеленый стебелек.

И я вспомнил произнесенное Софией слово "жестокость".

Я искоса взглянул на Эдит де Хэвилэнд.

Но для убийства должна быть какая-то серьезная причина... Что могло

показаться Эдит де Хэвилэнд достаточно серьезной причиной?

Чтобы ответить на этот вопрос, я должен был узнать старую леди получше.

6

Входная дверь была открыта. Мы прошли в неожиданно просторный холл, обставленный строгой мебелью из темного дуба с сияющей латунной отделкой. В глубине помещения, где обычно находится лестница, я увидел лишь дверь в обшитой светлыми деревянными панелями стене.

- Та часть дома принадлежит моему зятю, - сообщила мисс де Хэвилэнд. - Первый этаж занимают Филип и Магда.

Мы прошли налево по коридору в просторную гостиную с бледно-голубыми обоями. Вся мягкая мебель была здесь обтянута парчой, все столы и столики заставлены фотографиями известных актеров и танцоров, все стены увешаны картинами и эскизами декораций и костюмов. Над каминной полкой висели "Балерины" Дега. В огромных вазах стояли букеты гигантских коричневых хризантем и садовых гвоздик.

- Полагаю, вы хотите видеть Филипа? - спросила мисс де Хэвилэнд.

Хочу ли я видеть Филипа? Я понятия не имел об этом. Единственное, что я определенно хотел, это видеть Софию. Девушка горячо одобрила план моего Старика, но неожиданно ушла со сцены, не сказав мне, как действовать дальше, и в настоящее время звонила лавочнику насчет рыбы. Как я должен представиться Филипу? Как молодой человек, желающий жениться на его дочери? Как просто знакомый, случайно заглянувший в гости? Или как помощник инспектора полиции?

Мисс де Хэвилэнд не дала мне времени на размышление. Собственно, ее вопрос больше походил на утверждение. Старая леди, насколько я успел понять, больше привыкла утверждать, чем спрашивать.

- Пройдемте в библиотеку, - сказала она.

Мы вышли из гостиной и прошли по коридору к другой двери.

За ней находилось большое помещение, сплошь заваленное книгами. Книги не умещались в достигавших потолка книжных шкафах и лежали стопками на креслах, столах и даже на полу. Но тем не менее беспорядка здесь не чувствовалось.

В библиотеке было холодно и пахло пыльными старыми книгами и восковыми свечами. Какого-то запаха в этом букете не хватало. Через несколько секунд я понял, какого именно: табачного. Филип Леонидис не курил.

При виде нас он встал из-за стола - высокий мужчина, лет под пятьдесят. Исключительно красивый мужчина. Все настойчиво

подчеркивали внешнее безобразие Аристида Леонидиса, и я почему-то ожидал, что сын его окажется тоже весьма непривлекательным с виду. И абсолютно не был готов увидеть черты столь совершенные: прямой нос, безукоризненная линия подбородка, светлые, чуть тронутые сединой волосы, откиннутые назад с прекрасного высокого лба.

- Это Чарлз Хэйворд, Филип, - сообщила Эдит де Хэвилэнд.

- Да, очень приятно.

По его лицу я не понял, знакомо ли ему мое имя. Протянутая мне рука была холодной. Лицо Филипа Леонидиса не выразило никакого интереса. Я несколько растерялся. Он молча стоял напротив меня и смотрел мне в глаза спокойно и абсолютно безразлично.

- Где эти ужасные полицейские? - осведомилась мисс де Хэвилэнд. - Они здесь уже были?

- Полагаю, старший инспектор... - Филип взглянул на карточку на столе, - э... э... Тавернер собирается в скором времени побеседовать со мной.

- А где он сейчас?

- Понятия не имею, тетя Эдит. Наверное, наверху.

- У Бренды?

Глядя на Филипа Леонидиса, невозможно было даже представить, что где-то по соседству с ним могло произойти убийство.

- Магда еще не спускалась?

- Не знаю. Она не встает раньше одиннадцати.

- А вот и она, похоже, - сказала Эдит де Хэвилэнд.

В коридоре послышался быстро приближающийся, говорящий скороговоркой голос. Дверь с грохотом распахнулась, и в библиотеку стремительно вошла женщина. Не знаю, каким образом, но ей одной легко удалось создать полное впечатление того, что в библиотеке появились сразу три женщины - и очень шумные.

Одной рукой она придерживала на груди розовый шелковый пеньюар, другой - держала дымящуюся сигарету в длинном мундштуке. Ее тициановские волосы струились по спине густыми волнами. Лицо миссис Леонидис казалось почти неприлично обнаженным, как у всех современных женщин, не успевших с утра накраситься. У нее были огромные голубые глаза и хрипловатый, довольно приятный голос. Говорила Магда очень быстро, по-актерски отчетливо произнося каждое слово.

- Дорогой, я этого не переживу... я просто этого не переживу! Ты только представь себе, какой шум поднимется в печати!.. Да, еще не

поднялся, но обязательно поднимется - и очень скоро. А я просто ума не приложу, в чем мне выступать на дознании. Наверное, в чем-нибудь очень, очень темном... но не черном... может быть, в темно-фиолетовом... Но у меня больше не осталось купонов, к тому же я потеряла адрес этого ужасного магазина, в котором всегда покупаю... Знаешь, это где-то в районе Шафтсберри-авеню... Но если я поеду туда на машине, полицейские обязательно увяжутся за мной и будут задавать мне всякие неуместные вопросы, правда? А что я должна им отвечать? Но как ты спокоен, Филип! Как ты можешь быть так спокоен?! Разве ты не понимаешь, мы можем теперь уехать из этого ужасного дома? Свобода!.. Свобода! О, какой кошмар... наш бедный старый дорогуша... Конечно, мы никогда не покинули бы его, будь он жив. Он в нас действительно просто души не чаял... несмотря на все старания этой интриганки наверху. Я совершенно уверена, что если бы мы уехали и оставили бы его в ее власти, она живо лишила бы нас наследства. Мерзкая тварь! В конце концов, бедняжке было уже под девяносто... и все интересы семьи ничего не значили для него по сравнению с интересами этой ужасной женщины. Знаешь, Филип, я думаю, теперь есть прекрасная возможность для постановки "Эдит Томпсон". Эта шумиха вокруг убийства привлечет к нам внимание. Да, все говорят - с моим носом играть только в комедии, но, знаешь ли, в "Эдит Томпсон" очень много комичного... Вряд ли сам автор осознавал это... Я знаю, как играть героиню: пошлое, глупое, фальшивое существо - и вдруг в последнюю минуту...

Магда выбросила руку вперед - сигарета выпала из мундштука на полированный стол красного дерева и задымилась. Филип спокойно взял ее со стола и бросил в корзинку для мусора.

- Вдруг... - прошептала Магда Леонидис, глаза ее расширились и лицо оцепенело, - ...начинается этот кошмар...

Секунд двадцать ее напряженное лицо выражало полнейший ужас, потом неожиданно расслабилось и медленно искривилось: перепуганный и сбитый с толку ребенок собирался заплакать.

Потом вдруг с лица ее разом исчезли все эмоции - словно были стерты влажной губкой, - и миссис Леонидис повернулась ко мне и деловито спросила:

- Вы не находите, что Эдит Томпсон нужно играть именно так?

Я сказал, что на мой вкус Эдит Томпсон нужно играть именно так. Кто такая эта Эдит Томпсон, я представлял себе очень слабо, но мне было важно не испортить отношений с матерью Софии в самом начале знакомства.

- Очень похоже на Бренду, не правда ли? - сказала Магда. - Знаете, мне это только что пришло в голову. Очень интересная мысль. Может, стоит поделиться ею с инспектором?

Мужчина за письменным столом почти незаметно нахмурился.

- Тебе нет никакой нужды встречаться с ним, Магда, - сказал он. - Я сам могу сообщить инспектору все интересующие его сведения.

- Не встречаться с инспектором?! - повысила голос Магда. - Конечно же, я должна с ним встретиться! Дорогой, дорогой, но ты начисто лишен воображения! Ты не понимаешь важности разных д_е_т_а_л_е_й_. Инспектор захочет узнать о развитии событий в подробностях, его будут интересовать всякие, знаешь, мелкие частности: ну там, кто-то заметил случайно что-то странное...

- Мама, - сказала София, появляясь в дверях, - ты не станешь вливать инспектору в уши всякую чепуху.

- Но, София, д_о_р_о_г_а_я_...

- Я знаю, мамочка, ты уже все тщательно продумала и готова разыграть потрясающий спектакль. Но здесь ты ошибаешься. Глубоко ошибаешься.

- Но ведь ты даже не знаешь...

- Я все знаю. Но ты будешь играть совершенно другую роль, дорогая. Подавленная несчастьем женщина... замкнутая, уклончиво отвечающая на вопросы... все время настороже... защищающая интересы семьи.

На лице Магды Леонидис изобразилось наивное детское недоумение.

- Милая, ты действительно полагаешься...

- Да. И тут не может быть никаких разговоров, - отрезала София и добавила, увидев довольную понимающую улыбку матери: - Я приготовила тебе шоколад. Он в гостинной...

- О... прекрасно... Умираю от голода.

В дверях Магда на мгновение задержалась.

- Вы себе не представляете, - сообщила она то ли мне, то ли книжному шкафу за моей спиной, - как это замечательно иметь взрослую дочь!

После этой заключительной реплики она вышла.

- Бог знает, что она может наболтать полиции, - сказала мисс де Хэвилэнд.

- Все будет в порядке, - уверила тетушку София.

- Она может ляпнуть все, ч_т_о_у_г_о_д_н_о_.

- Не беспокойся, - сказала София. - Она будет играть так, как потребует режиссер. А сейчас ее режиссером являюсь я!

Она вышла вслед за матерью, но тут же вернулась:

- Тебя хочет видеть инспектор Тавернер, папа. Ты не возражаешь, если Чарлз будет присутствовать при вашем разговоре?

Мне показалось, что легчайшая тень удивления скользнула по лицу Филипа Леонидиса. Еще бы! Но его привычка никогда ничему не удивляться в этот раз сыграла мне на руку.

- Да-да, конечно, - неопределенно промямлил он.

Вошел главный инспектор Тавернер - основательный, располагающий к доверию и производящий умиротворяющее впечатление человека решительного и делового.

Извините, еще одна неприятная мелкая формальность, - - казалось, говорил его вид, - и мы тут же уберемся из вашего дома восвояси - и ни для кого это не будет так приятно, как для м_е_н_я. Мы совершенно не хотим докучать вам, уверяю вас..."

Не знаю, как ему удалось сообщить все это без всяких слов - просто деловито пододвинув стул к письменному столу хозяина, - но на присутствующих его поведение подействовало явно благотворно. Я ненавязчиво сел в углу.

- Слушаю вас, инспектор, - сказал Филип.

- Я вам понадобится, инспектор? - отрывисто поинтересовалась старая леди.

- Не сейчас, мисс де Хэвилэнд. Я задам вам несколько вопросов чуть позже, если позволите...

- Конечно. Я буду наверху.

И она вышла, прикрыв за собой дверь.

Слушаю вас, инспектор, - повторил Филип.

Я знаю, вы человек занятой, и не хочу отнимать у вас много времени. Но должен с полной определенностью заявить, что наши подозрения подтвердились. Ваш отец умер не естественной смертью. Причиной смерти явилась слишком большая доза физостигмина, обычно известного под названием эзерин.

Филип чуть наклонил голову вперед. Никаких особых эмоций на его лице не отразилось.

- Не знаю, возникают ли у вас какие-нибудь предположения в связи с этим обстоятельством... - продолжал Тавернер.

- Какие предположения у меня могут возникнуть? Я лично считаю, что отец принял яд по ошибке.

- Вы действительно так считаете, мистер Леонидис?

- Да. Я нахожу это вполне возможным. Не забывайте, отцу было почти девяносто, и его зрение оставляло желать лучшего.

- И поэтому он перелил содержимое пузырька с глазными каплями в бутылочку из-под инсулина? Вы действительно находите вероятным подобное предположение, мистер Леонидис?

Филип не ответил. Лицо его стало даже еще более бесстрастным.

- Мы нашли пузырек из-под эзерина, - продолжал Тавернер, - в мусорном ведре - пустой, на нем нет ни одного отпечатка пальца. Это само по себе странно. В обычном случае на пузырьке должны были бы остаться чьи-нибудь отпечатки. Скорей всего, вашего отца, возможно, его жены или лакея...

Филип Леонидис поднял глаза.

- А кстати, как насчет лакея? - спросил он. - Насчет Джонсона?

- Вы подозреваете в совершении преступления Джонсона? Конечно, возможность у него была. Но когда дело доходит до мотива - что получается? Ваш отец имел обыкновение ежегодно выплачивать лакею вознаграждение, которое с течением времени все увеличивалось. Эти деньги, как объяснил Джонсону мистер Леонидис, выплачивались вместо положенного слуге наследства. После семи лет службы у Леонидиса ежегодно выдаваемая сумма достигла весьма значительных размеров и продолжала увеличиваться с каждым годом. Естественно, Джонсон был заинтересован в том, чтобы ваш отец жил как можно дольше. Более того, хозяин со слугой находились в прекрасных отношениях, и у Джонсона была совершенно безукоризненная репутация - это опытный и преданный своему хозяину слуга. - Тавернер помолчал. - Джонсона мы не подозреваем.

- Понимаю, - сказал Филипп ничего не выражающим тоном.

- А сейчас, мистер Леонидис, не расскажите ли вы мне поподробней о ваших перемещениях по дому в день смерти вашего отца?

- Конечно, инспектор. Весь день я находился здесь, в библиотеке, - за исключением тех случаев, когда выходил в столовую.

- Вы видели отца в тот день?

- По обыкновению я заходил к нему после завтрака пожелать доброго утра.

- Вы оставались с ним наедине?

- В комнате находилась моя... э-э... мачеха.

- Ваш отец выглядел как обычно?

В голосе Филипа появился легкий оттенок иронии:

- Предчувствия скорой насильственной смерти как будто не терзали его.

- Отцовская часть дома полностью изолирована от вашей?

Да, туда можно попасть только через дверь в холле.

- Эта дверь запирается?

- Нет.

- Никогда?

Я никогда не видел, чтобы ее запирали. - И любой может свободно пройти оттуда сюда?

Безусловно. Дом разделен в достаточной мере условно - для удобства домашних.

- Как вы узнали о смерти отца?

- Мой брат Роджер, который занимает второй этаж западного крыла здания, прибежал вниз и сообщил, что у отца внезапный приступ удушья.

- Что вы сделали после этого?

- Я позвонил доктору - почему-то никому не пришло в голову сделать это сразу. Доктора не оказалось дома, но я попросил передать ему, чтобы он срочно приехал в "Три фронтона". Потом я пошел наверх.

И дальше?

- Отец определенно находился при смерти. Он умер до прихода доктора.

В голосе Филипа не слышалось и намека на какое-либо чувство. Это была сухая констатация факта.

- Где находились в это время остальные члены вашей семьи?

- Жена была в Лондоне.

Она вернулась вскоре после смерти отца. София, полагаю, тоже отсутствовала. Двое младших - Юстас и Джозефина - были дома.

- Надеюсь, вы не поймете меня неправильно, мистер Леонидис, если я поинтересуюсь, как смерть вашего отца отразится на вашем финансовом положении.

- Я нахожу похвальным ваше стремление узнать все обстоятельства дела. Отец сделал всех нас совершенно независимыми в финансовом отношении. Моего брата он назначил президентом и главным акционером крупной фирмы по поставкам товаров - крупнейшей его компании - и полностью доверил Роджеру управление этим предприятием. Мне же он выделил крупную сумму в облигациях и ценных бумагах, чтобы я мог использовать этот капитал по своему усмотрению. Так же отец поступил и в отношении двух моих сестер, ныне покойных.

- Но тем не менее мистер Аристид оставался очень богатым человеком?

- Нет, в то время отец оставил себе сравнительно скромное состояние, только для поддержания интереса к жизни, как он говорил. Но с тех пор...

чуть заметная улыбка тронула губы Филипа, - в результате различных деловых операций он стал еще более богатым, чем прежде.

- Вы с братом поселились здесь в связи с какими-нибудь... денежными затруднениями?

- Конечно, нет. Просто для удобства. Отец часто повторял, что был бы рад жить с нами под одной крышей. По различным семейным обстоятельствам меня это тоже устраивало. Кроме того, - неторопливо добавил Филипп, - я всегда любил отца. Я переехал сюда с семьей в тридцать седьмом году. За аренду я не плачу, но выплачиваю свою долю страховых взносов.

- А ваш брат?

- Брат переехал сюда во время войны, когда в сорок третьем немцы разбомбили его дом в Лондоне.

- Мистер Леонидис, у вас есть какое-нибудь представление об условиях завещания вашего отца?

Есть, и очень отчетливое. Он написал свое завещание в сорок шестом году. Мой отец ничего не скрывал от нас, и у него было чрезвычайно развито чувство семьи. Он созвал семейное собрание, на котором присутствовал и его поверенный, - последний по просьбе отца ознакомил всех с условиями завещания. Мистер Гэйтскилл, несомненно, уже дал вам исчерпывающую информацию по этому поводу. Моей мачехе оставалось сто тысяч фунтов в дополнение к весьма щедрому содержанию. Остальные деньги должны были быть разделены на три части, одна из которых предназначалась мне, другая брату и третья - - моим троим детям. Состояние отца огромно, но и налог на наследство, конечно, будет очень большим.

Что завещается слугам?

- Ничего. Заработная плата слуг увеличивалась с каждым годом службы здесь.

- Извините за нескромный вопрос... Вы сейчас не нуждаетесь по какой-либо причине в деньгах?

- Налог на доходы, как вы знаете, сейчас довольно значителен, но нам с женой хватает денег на все. Более того, отец часто делал нам щедрые подарки и в случае надобности немедленно помог бы деньгами любому из нас. - Филип помолчал и потом холодно отчеканил: - Уверяю вас, инспектор, у меня не было причин желать смерти отца.

- Не надо думать, что я в чем-то подозреваю вас, мистер Леонидис. Просто мы должны знать все обстоятельства дела. Теперь, боюсь, я вынужден буду задать вам еще один щекотливый вопрос. Это касается

отношений между вашим отцом и его женой. У них были хорошие отношения?

- Насколько мне известно - великолепные.
- Они не ссорились?
- Думаю, нет.
- У них была... очень большая разница в возрасте...
- Да. - Вы... извините... одобряли второй брак вашего отца?
- Моего мнения никто не спрашивал.
- Это не ответ, мистер Леонидис.
- Если вы настаиваете, я отвечу. Я находил этот брак неумной затеей.
- Вы пытались протестовать против него?
- Меня поставили перед свершившимся фактом.
- Наверно, это сильно потрясло вас?

Филипп не ответил.

- Вы были недовольны поведением вашего отца?
- Мой отец имел полную свободу делать все, что ему хочется.
- Вы находились в дружеских отношениях с миссис Леонидис?
- Безусловно. Мы крайне редко виделись.

Инспектор поменял тему.

- Вы можете рассказать что-нибудь о мистере Лоуренсе Брауне?
- Боюсь, нет. Его нанял мой отец.
- Но он был нанят учить ваших детей, мистер Леонидис.
- Да, это так. Мой сын переболел детским церебральным параличом - в легкой форме к счастью, после чего было признано нецелесообразным отдавать его в школу. Отец предложил нанять для Юстаса и его младшей сестры Джозефины домашнего учителя. Выбор кандидатур в то время был довольно ограниченным - выбирать приходилось из людей, освобожденных от военной службы. Рекомендации этого молодого человека показались отцу и тете (которая всегда занималась детьми) удовлетворительными, и я согласился с их решением. Могу добавить, что преподаватель полностью устраивает меня: он добросовестен и компетентен.

- Он живет на половине вашего отца? Не здесь?
- Просто наверху больше свободных комнат.
- Не замечали ли вы когда-нибудь... извините, за этот вопрос... каких-нибудь признаков интимных отношений между Лоуренсом Брауном и вашей мачехой?
- У меня не было возможности заниматься подобными наблюдениями.
- Вы не слышали каких-либо сплетен или слухов на эту тему?
- Я не обращаю внимания на сплетни и слухи, инспектор.

- Весьма похвально, - вздохнул инспектор Тавернер. - Значит, вы ничего не видели, ничего не слышали и ничего не можете сказать?

- Если вам угодно формулировать это таким образом, инспектор, - то да.

Тавернер поднялся.

- Что ж, благодарю вас, мистер Леонидис.

Я незаметно последовал из библиотеки вслед за Тавернером.

- Да-а, - протянул инспектор. - Этот тип бесчувствен как бревно.

7

- А теперь мы побеседуем с миссис Филип, - сказал Тавернер. - Ее сценический псевдоним Магда Уэст.

- Что она за актриса? - поинтересовался я. - Имя ее мне как будто знакомо. Полагаю, я ее видел в каких-то постановках, но не помню, когда и где.

- Миссис Филип из тех, кто почти добился удачи на актерском поприще, - сказал Тавернер. - Пару раз она с блеском сыграла главные роли в Вест-Энде и сделала себе имя. Часто играет в маленьких "интеллектуальных" театриках и воскресных клубах. По моему твердому убеждению, Магде Леонидис как актрисе мешает то, что ей надо зарабатывать себе на хлеб. У нее всегда есть возможность выбирать себе роли и театры и время от времени финансировать спектакли, в которых она играет главную роль (обычно для нее неподходящую). В результате из профессионалов миссис Леонидис сползла, скорей, в разряд любителей. Безусловно, она очень хороша - особенно в комедиях. Но режиссеры не особенно любят работать с ней: слишком уж у нее независимый и беспокойный характер. Говорят, эта дама обожает раздувать ссоры и получает удовольствие от своего легкого интриганства. Не знаю, насколько это соответствует истине, но и среди своих коллег-актеров Магда не пользуется особой популярностью.

Из гостиной вышла София и сказала:

- Мама ждет вас, инспектор.

Я прошел за Тавернером в просторную гостиную и в первый момент не узнал женщину, сидевшую на обтянутом парчой канapé.

На Магде был темно-серый костюм великолепного покроя и плиссированная розовато-лиловая блузка, заколотая у шеи маленькой камеей. Ее тициановские волосы были уложены в высокую прическу в стиле эпохи Эдуарда Ш. Я впервые смог оценить очаровательный вздернутый носик миссис Леонидис. Просто не верилось, что сидевшая передо мной дама - это уже знакомое мне буйное существо в розовом

пеньюаре.

- Инспектор Тавернер? - произнесла женщина. - Пожалуйста, входите и присаживайтесь. Вы будете курить? Ужасная история. До сих пор в голове не укладывается.

У нее был тихий невыразительный голос человека, решившего хранить самообладание во что бы то ни стало.

- Буду рада помочь вам, - продолжала Магда.

- Спасибо, миссис Леонидис. Скажите, пожалуйста, где вы находились в то время, когда произошла трагедия?

- Вероятно, в пути из Лондона в Суинли-Дин. В тот день мы с подругой завтракали в ресторане, потом сходили на выставку модной одежды. Выпили по коктейлю с несколькими друзьями в "Беркели". И потом я отправилась домой. В доме царило смятение: у свекра случился внезапный приступ, и он... умер. - На последних словах ее голос чуть дрогнул.

- Вы любили свекра?

- Я была предана ему всей душой... - Магда повысила голос.

София незаметно поправила картину Дега над каминной полкой. Ее мать мгновенно заговорила прежним сдержанным тоном.

- Да, я очень любила его. Мы все его любили. Он был очень добр к нам.

- Вы ладили с миссис Брендой Леонидис?

- Мы редко с ней виделись.

- Почему?

- Ну... У нас с ней мало общего. Бедняжка Бренда! Жизнь не баловала ее.

София снова потрогала уголок картины.

- Неужели? В каком смысле?

- О, не знаю, - Магда покачала головой с легкой печальной улыбкой.

- Миссис Леонидис была счастлива с мужем?

- О, думаю, да.

- Они ссорились когда-нибудь?

Магда снова покачала головой и улыбнулась:

- Право, не знаю, инспектор. Их часть дома изолирована от нашей.

- Миссис Леонидис была очень дружна с Лоуренсом Брауном, не так ли?

Магда Леонидис буквально окаменела, устремив укоризненный взгляд на Тавернера.

- Полагаю, вам не следует задавать мне подобные вопросы, - с

достоинством произнесла она. - Бренда была очень дружна _с_о_в_с_е_м_и_. Она очень благожелательна.

- Вам нравится мистер Лоуренс Браун?

- Это очень тихий молодой человек. Премилый, но совершенно незаметный. Я редко вижу его.

- Он хорошо справляется с работой?

- Наверное, да. Я толком не знаю. Филип как будто им доволен.

Тавернер попытался применить тактику шокового воздействия.

- Извините за нескромный вопрос, но, как по-вашему, состояли ли мистер Браун и миссис Бренда Леонидис в любовной связи?

Магда величественно поднялась с канапе. Оскорбленная аристократка получилась у нее превосходно.

- У меня никогда не было оснований подозревать что-либо подобное, сказала она. - И, право, инспектор, вам не стоит задавать мне подобные вопросы. В конце концов, Бренда - жена моего покойного свекра.

Я чуть было не заплодировал.

Инспектор тоже поднялся.

- Подобные вопросы лучше задавать слугам? - спросил он.

Магда не ответила.

- Спасибо, миссис Леонидис.

Инспектор вышел.

- Ты была просто великолепна, мамочка, - нежно сказала София.

Магда задумчиво заправила локон за правое ухо и посмотрелась в зеркало.

- Да-а, - протянула она. - Действительно, это нужно играть именно так. София взглянула на меня.

- Разве ты не должен находиться рядом с инспектором?

- Послушай, София, как мне себя вести?..

Я остановился не договорив. Не мог же я прямо при матери девушки уточнять свою роль. До сих пор Магда Леонидис не обращала на мое присутствие никакого внимания - если не считать обращенной ко мне на выходе из библиотеки заключительной реплики о взрослых дочерях. Я мог быть журналистом, женихом ее дочери, или непонятым сотрудником полиции, или даже владельцем похоронного бюро - но в любом качестве для Магды Леонидис я был только зрителем.

Посмотрев на свои ноги, миссис Леонидис недовольно сказала:

- Туфли не те: слишком легкомысленны.

Повинуясь властному жесту Софии, я поспешил за Тавернером и настиг его в холле направляющимся через дверь в обитой деревянными

панелями стене к лестнице, ведущей на второй этаж.

- Хочу поговорить со старшим братом, - пояснил он.

Я задал вопрос Тавернеру в лоб:

- Послушайте, Тавернер, а кем, собственно, являюсь я?

Инспектор несколько удивился:

- Кем являешься ты?

- Ну да. В качестве кого я нахожусь в этом доме? Что мне говорить, если кто-нибудь спросит?

- А, понимаю. - Тавернер на несколько секунд задумался, потом улыбнулся: - А что, кто-нибудь уже спрашивал?

- Да нет еще...

- Ну пусть все так и остается. Н и к о г д а н и к о м у н и ч е г о н е о б ъ я с н я й. Замечательное правило. Особенно в доме, где царит смятение. У каждого здесь слишком много собственных тревог и страхов, чтобы иметь желание задавать кому-то какие-то вопросы. Все будут принимать твое присутствие как должное до тех пор, пока ты будешь держаться уверенно. Самая большая ошибка - объяснять что-то, когда в этом нет необходимости... Та-а-ак, теперь мы должны пройти в эту дверь и подняться наверх. Дверь не заперта. Ты, конечно, понял: все эти вопросы, которые я задаю, - чистой воды чепуха! Кто был в тот день дома, кто не был - не имеет ни малейшего значения.

- Тогда зачем же...

- А затем, - предупредил мой вопрос инспектор, - что это дает мне возможность приглядеться к каждому члену семьи и составить о нем мнение. Кроме того, в их показаниях может случайно проскользнуть что-нибудь важное. - Тавернер помолчал и задумчиво пробормотал: - Бьюсь об заклад, Магда Леонидис при желании многое могла бы сообщить.

- И вы полагаете, ее показания заслуживали бы доверия?

- О нет, - сказал Тавернер, - никакого доверия они бы не заслуживали, но, отталкиваясь от них, можно было бы строить какую-нибудь линию расследования. В этом проклятом доме у каждого была возможность совершить преступление. Что мне нужно, так это мотив.

На верхней лестничной площадке справа находилась дверь с медным дверным кольцом, которым инспектор Тавернер послушно воспользовался по назначению.

Дверь моментально открылась, и перед нами появился неуклюжий великан с могучими плечами, темными взъерошенными волосами и лицом чрезвычайно некрасивым и в то же время удивительно приятным. Он взглянул на нас и тут же торопливо и смущенно отвел взгляд в сторону - с

неловкостью, свойственной стеснительным и честным людям.

- Ох, послушайте, - сказал он, - входите. Да, прошу вас. Я только что собирался... впрочем, это неважно. Проходите в гостиную. Сейчас я позову Клеменси... О, вот и ты, дорогая. Это главный инспектор Тавернер. Он... А где сигареты? Подождите минуточку, пожалуйста. - Великан наткнулся на ширму, сбивчиво извинился перед ней и выскочил в коридор.

Создавалось впечатление, что из гостиной вылетел громко жужжащий шмель, после чего воцарившаяся здесь тишина стала ощущаться почти физически.

Миссис Роджер Леонидис стояла у окна. Меня сразу же заинтриговал характер этой женщины, да и вся атмосфера комнаты, в которой мы находились.

Стены здесь были выкрашены в ослепительно белый цвет. И никаких картин и фотографий - только над каминной полкой висела какая-то геометрическая фантазия из темно-серых и синих треугольников. Избытка мебели в гостиной я тоже не заметил: три или четыре кресла, стол со стеклянным верхом и маленький книжный шкаф. И никаких предметов роскоши: свет, пространство и воздух. Это помещение отличалось от огромной, полной парчи и цветов гостиной внизу, как мел отличается от куска сыра. И миссис Роджер Леонидис отличалась от миссис Филип Леонидис так, как только может отличаться одна женщина от другой. Если при виде Магды становилось ясно, что она может быть - и зачастую бывает - по меньшей мере десятком самых разных героинь, то Клеменси Леонидис явно не могла быть никем, кроме как самой собой. Очень яркая и совершенно определенная индивидуальность.

Ей было где-то около пятидесяти. Ее седые волосы, подстриженные коротко, почти по-мальчишески, лежали так красиво на маленькой великолепной формы голове, что не произвели на меня того отталкивающего впечатления, какое обычно производят слишком короткие женские стрижки. У Клеменси Леонидис было интеллигентное выразительное лицо и по-особому пронизательный и пытливый взгляд светло-серых глаз. Темно-красное платье великолепно подчеркивало стройность и изящество ее фигуры.

Миссис Клеменси с первого взгляда показалась мне женщиной весьма непростой - может быть, потому, что ее образ жизни значительно отличался от образа жизни обычной женщины. И я сразу же понял, почему София употребила слово "жестокость" в отношении жены Роджера. В гостиной было холодно, и я зябко поежился.

- Присаживайтесь, пожалуйста, инспектор, - сказала Клеменси

Леонидис спокойным вежливым голосом. - Вы можете сообщить нам какие-нибудь новости?

- Смерть вашего свекра наступила в результате отравления эзерином, миссис Леонидис.

- Значит, это убийство, - задумчиво произнесла она. - Это ведь не могло быть простой случайностью?

- Нет, миссис Леонидис.

- Пожалуйста, будьте поделикатней с моим мужем, инспектор. Это известие страшно потрясет его. Роджер боготворил отца, и, кроме того, он чрезвычайно эмоционален.

- Вы были в хороших отношениях со свекром, миссис Леонидис?

- Да. В хороших. - И спокойно добавила: - Я не особенно любила его.

- Почему?

- Мне не нравились его жизненные цели - и способы их достижения.

- А как вы относитесь к миссис Бренде Леонидис?

- К Бренде? Я очень редко вижу ее.

- Вы не допускаете существования каких-то отношений между ней и мистером Лоуренсом Брауном?

- Вы имеете в виду любовную связь? Не думаю. Но я действительно ничего об этом не знаю.

В ее голосе не слышалось никакой заинтересованности.

В комнату ворвался Роджер Леонидис, производя все такое же впечатление громко жужжащего шмеля.

- Я немного задержался, - торопливо заговорил он. - Телефон. Итак, инспектор? Итак. У вас есть какие-нибудь новости? Что явилось причиной смерти моего отца?

- Смерть мистера Леонидиса наступила в результате отравления эзерином.

- Да? Боже мой! Значит, это дело рук этой ужасной женщины! Она не могла подождать! Он вытащил ее из грязи - и вот награда. Она хладнокровно убила старика! Боже! Кровь закипает в жилах, как подумая об этом!

- У вас есть конкретные причины подозревать миссис Бренду?

Роджер бегал взад-вперед по гостиной, вцепившись в волосы обеими руками.

- Причины? А кто, кто еще мог это сделать? Я никогда не верил ей... никогда не любил ее! Да никто из нас ее не любил. Мы с Филипом не могли прийти в себя, когда папа пришел однажды домой и сообщил нам о содеянном! В его-то возрасте! Безумие - просто... б_е_з_у_м_и_е! Мой

отец был удивительным человеком, инспектор. С умом гибким и свежим, как у сорокалетнего. Всем, что я имею в жизни, я обязан отцу. Он все делал для меня... и ни разу не подвел. Это я подвел его... как вспомню об этом...

Роджер тяжело повалился в кресло. Его жена спокойно подошла к нему.

- Ну, Роджер, достаточно. Не заводи себя.

- Конечно, дорогая... конечно. - Он взял ее за руку. - Но как я могу оставаться спокойным... как могу я сдерживаться...

- Но мы все должны оставаться спокойными, Роджер. Инспектор Тавернер нуждается в нашей помощи.

- Совершенно верно, миссис Леонидис.

- Как я хотел бы задушить эту мерзавку собственными руками! вскричал Роджер. - Отобратить у старика несколько последних лет жизни!.. Да будь она здесь!.. - - Великан вскочил с кресла, трясясь от ярости, и вытянул вперед руки с судорожно скрюченными пальцами: - - Да! Я бы свернул ей шею, свернул ей шею...

- Роджер! - резко сказала Клеменси.

Опомнившись, он сконфуженно поглядел на жену.

- Извини, дорогая. - Потом повернулся к нам: - Извините... Я... простите меня...

И он снова вышел из гостиной.

- На самом деле он и мухи не обидит, - сказала Клеменси, едва заметно улыбаясь.

Тавернер вежливо кивнул в ответ.

Потом он начал задавать традиционные вопросы.

Клеменси Леонидис отвечала коротко и точно.

В день смерти Аристиды Леонидиса Роджер был в Лондоне, в главном офисе его фирмы по поставкам. Он вернулся во второй половине дня и по обыкновению провел некоторое время у отца. Сама Клеменси в тот день находилась, как всегда, на работе, в институте Ламберта на Гоуэр-стрит, и вернулась домой к шести часам.

- Вы видели своего свекра в тот день?

- Нет. Последний раз я встречалась с ним накануне. После обеда мы пили у него кофе.

- Но в день смерти вы его не видели?

- Нет. Правда, я ходила на его половину - Роджер вспомнил, что забыл там свою любимую трубку. Но она лежала на столике прямо в прихожей, поэтому мне не пришлось беспокоить старика. Он любил подремать после шести часов.

- Когда вы слышали о приступе?

- Сюда примчалась Бренда. В половине седьмого или минутой-двумя позже.

Как я уже знал, вопросы эти ничего не значили для Тавернера - но теперь я видел, как пристально изучает инспектор сидящую напротив него женщину. Он задал ей еще несколько вопросов, касающихся характера ее работы. Клеменси ответила, что занимается исследованием радиационных эффектов атомного распада.

- Значит, вы работаете над атомной бомбой?

- Нет. Институт занимается изучением воздействия радиации на живые организмы.

Закончив разговор, Тавернер поднялся и выразил желание осмотреть эту часть дома. Клеменси казалась несколько удивленной, но повела нас по комнатам безо всяких возражений. Спальня со сдвоенными, покрытыми белыми покрывалами кроватями и минимальным количеством незамысловатой мебели напомнила мне то ли больничную палату, то ли монастырскую келью. Обстановка ванной комнаты отличалась такой же простотой и скромностью: ни туалетного столика с набором косметики, ни роскошных приспособлений для пользования душем. Кухня была пуста, безукоризненно чиста и оборудована различными агрегатами практического назначения. Потом Клеменси распахнула перед нами очередную дверь со словами:

- А это кабинет моего мужа.

- Входите, - раздался голос Роджера. - Входите, пожалуйста.

Я незаметно облегченно вздохнул. Царящая в этой половине дома атмосфера безупречной чистоты и аскетизма действовала на меня угнетающе. Эта же комната в полной мере отражала своеобразный характер хозяина. Здесь находился огромный круглый стол, заваленный бумагами, старыми курительными трубками и щедро посыпанный пеплом. У стола и стен стояли старые, потрепанные кресла. На стенах висели пожелтевшие от времени групповые фотографии (класса, крокетной команды, воинского подразделения), а также акварели, изображавшие пустыни и минареты, парусники, море и закатное небо. Так или иначе, это была приятная комната, принадлежавшая приятному, благожелательному и общительному человеку.

Роджер неуклюже разливал в стаканы вино из графина, одновременно смахивая на пол с одного из кресел книги и бумаги.

- Не обращайтесь внимания на беспорядок. Я тут все перевернул вверх дном. Разбираю бумаги. Скажите, когда хватит.

Инспектор от вина отказался. Я - нет. Роджер направился ко мне со стаканом, повернув при этом голову к Тавернеру:

- Вы должны извинить меня. Я в совершенно растрепанных чувствах.

Он оглянулся почти виновато, но Клеменси в комнате уже не было.

- Она замечательная, - сказал Роджер. - Я говорю о жене. Все это время она держалась великолепно - просто великолепно! Я бесконечно восхищаюсь этой женщиной. А ведь ей приходилось трудно, ужасно трудно до того, как мы поженились. Позвольте мне рассказать вам. Ее первый муж был отличный парень, со светлой головой - но с очень слабым здоровьем... туберкулез. Он занимался какими-то важными исследованиями - кажется, в области кристаллографии. Парень работал как зверь, получал какие-то гроши, но отступать не собирался. Клеменси буквально батрачила на мужа, содержала его и все время знала - он не жилец на этом свете. Но никогда не жаловалась - ни разу не позволила себе ни малейшего проявления слабости. И всегда говорила, что совершенно счастлива. Потом ее муж умер, Клеменси ужасно страдала. В конце концов она согласилась выйти за меня. Я был рад подарить ей хоть немного покоя и счастья. Я не хотел, чтобы Клеменси продолжала работать, но она посчитала недостойным бросать работу в военное время; да и сейчас, кажется, не собирается покидать институт. Но она прекрасная жена - самая прекрасная из всех, какие когда-либо существовали. Боже, как мне повезло! Ради нее я готов на все.

Тавернер вежливо покивал. Потом (в который раз за сегодня) принялся задавать собеседнику традиционные вопросы.

Когда Роджер впервые услышал о начавшемся у отца приступе?

- За мной прибежала Бренда. Отцу стало плохо... Она сказала, что у него начался приступ удушья. Всего за полчаса до этого я сидел у своего милого старика, и он был в полном порядке. Я помчался к нему. Он лежал с посиневшим лицом и задыхался. Я бросился вниз, к Филипу. Тот позвонил доктору. Я... мы ничего не могли сделать. Конечно, тогда мне и в голову не могло прийти, что все это обернется такой нелепостью... Нелепостью? Я сказал "нелепостью"? Боже, какое неуместное слово!

С некоторым трудом мы с Тавернером выбрались из перенасыщенной эмоциями атмосферы кабинета Роджера и наконец обнаружили себя снова стоящими у дверей на верхней лестничной площадке.

- Да-а, - протянул Тавернер. - Какой разительный контраст с младшим братцем. - И добавил ни с того ни с сего: - Любопытная вещь, эти комнаты. Могут много чего порассказать о своих хозяевах.

Я согласно кивнул, и Тавернер продолжал:

- И какие любопытные супружеские пары иногда составляются, не правда ли?

Я не понял, кого он имеет в виду: Клеменси с Роджером или Филипа с Магдой. Его слова легко можно было отнести и к тем и к другим. И все-таки оба этих брака можно было расценивать как счастливые. Во всяком случае, Роджер и Клеменси безусловно счастливы друг с другом.

- Он не похож на отравителя, как ты считаешь? - спросил Тавернер. Конечно, трудно судить наверняка. Его жена больше отвечает представлению об убийце. Безжалостная женщина. Может быть, слегка помешана.

Я согласно кивнул.

- Но вряд ли она стала бы убивать человека только потому, что не одобряет его жизненных целей и образа жизни. Возможно, если она действительно ненавидела старика... Но разве кто-нибудь совершает убийство из одной только ненависти?

- Да, мало кто, - сказал Тавернер. - Во всяком случае, я с такими никогда не сталкивался. Но, бог знает, сможем ли мы раздобыть когда-нибудь хоть какие-нибудь доказательства...

8

Дверь, ведущую в противоположное крыло здания, открыла горничная. Она поглядела на Тавернера испуганно и одновременно чуть презрительно.

- Вы хотите видеть миссис?

- Да, если можно.

Горничная провела нас в просторную гостиную и вышла.

Размеры этого помещения в точности повторяли размеры находящейся прямо под ним гостиной Филипа. Вся мебель здесь была обита кретоном веселой расцветки, на окнах висели полосатые шелковые занавески. Мое внимание привлек портрет над каминной полкой - не только потому, что он явно принадлежал кисти мастера, но и потому, что изображал человека необычайно притягательной внешности. Портрет сгорбленного старика с черными пронзительными глазами. Голова его в черной ермолке была сильно втянута в плечи, но холст буквально дышал жизненной силой и энергией этого человека, сверкающие глаза которого, казалось, неотрывно следили за мной.

- Это он и есть, - сообщил инспектор Тавернер. - Портрет кисти Аугустуса Джона. Сильная личность, да?

- Да, - согласился я и почувствовал - в этом случае односложного ответа недостаточно.

Я понял, что имела в виду Эдит де Хэвилэнд, когда говорила: "без Аристиды в доме стало пусто". Это был настоящий "кривой человечек", построивший настоящий "кривой домишко", и без него "кривой и убогий домишко" потерял свой смысл.

- А вот портрет его первой жены кисти Сарджента, - указал Тавернер.

Я принялся рассматривать холст, висевший в простенке между окон. Манера исполнения портрета отличалась свойственной Сардженту жесткостью линий. Длина лица была, как мне показалось, несколько преувеличена - так же, как и некоторая его "лошадиность". Портрет типичной английской леди из высшего провинциального общества. Красивое лицо, но несколько безжизненное. Абсолютно неподходящая жена для маленького деспота, криво усмехающегося над каминной полкой.

Дверь открылась, и в гостиную вошел сержант Лэмб.

- Я сделал все возможное, сэр, - доложил он. - Слуги молчат.

Тавернер вздохнул.

Сержант вытащил из кармана блокнот и, стараясь не привлекать к себе внимания, устроился в кресле в глубине комнаты.

Дверь снова открылась, и в гостиную вошла вторая жена Аристиды Леонидиса.

Чрезвычайно дорогое черное платье с глухим воротом и длинными рукавами очень шло женщине. Ее заурядное симпатичное личико обрамляли довольно красивые каштановые волосы, уложенные в чересчур замысловатую прическу. Миссис Аристид Леонидис была тщательно напудрена, нарумянена и покрашена, но я сразу понял, что она недавно плакала. Шею ее украшало ожерелье из очень крупного жемчуга, правую руку - перстень с огромным изумрудом, а левую - перстень с таким же огромным рубином.

Бренда была явно напугана.

- Доброе утро, миссис Леонидис, - непринужденно произнес Тавернер. Извините, что снова беспокою вас.

- Вероятно, это необходимо для дела, - безучастно ответила она. - Вы, конечно, понимаете, миссис Леонидис, что полное право требовать присутствия здесь вашего адвоката?

"Интересно, - подумал я, - осознает ли она важность этого замечания? Похоже, нет".

Она довольно мрачно ответила:

- Я не люблю мистера Гэйтскилла. И не хочу видеть его.

- Вы можете пригласить своего собственного адвоката.

- Да? Я вообще не люблю адвокатов. Я их боюсь.

- Вы вправе поступать как хотите. - Тавернер одарил женщину дежурной улыбкой. - Итак, приступим?

Сержант Лэмб послунил карандаш. Бренда Леонидис села на тахту лицом к Тавернеру.

- Вы выяснили что-нибудь? - спросила она. Ее пальцы нервно теребили подол шифонового платья.

- Теперь мы можем с полной определенностью утверждать, что ваш муж умер от отравления эзеринном.

- Этими глазными каплями?

- Да. Когда вы делали мистеру Леонидису последнюю инъекцию, в пузырьке был не инсулин, а эзерин.

- Но я этого не делала! Я не имею к этому никакого отношения. Поверьте, инспектор.

- Значит, кто-то умышленно налил эзерин в пузырек из-под инсулина.

- Какой дурной поступок!

- Да, миссис Леонидис.

- Вы считаете, что... кто-то сделал это специально? Или все-таки случайно? Это не может быть... такой шуткой, а?

- Нам это не кажется шуткой, миссис Леонидис, - спокойно ответил Тавернер.

- Это мог сделать кто-нибудь из слуг.

Тавернер не ответил.

- Да, наверное, так оно и было. Больше никто не мог сделать этого.

- Вы уверены? Подумайте, миссис Леонидис. Неужели у вас больше нет никаких предположений? Не было ли у вашего мужа конфликтов с кем-нибудь? Каких-нибудь ссор?

Бренда не сводила с инспектора широко раскрытых непонимающих глаз.

- Понятия не имею, - сказала она.

- Вы говорили, что ходили в кино в тот день.

- Да, я вернулась домой около половины седьмого... было время делать инъекцию... Я... я... сделала ему укол, как обычно. И он... ему стало плохо. Я испугалась... побежала за Роджером... Я уже все это вам рассказывала. Неужели я должна повторять это снова и снова? - В ее голосе послышались истерические нотки.

- Извините, миссис Леонидис. Могу я побеседовать с мистером Брауном?

- С Лоуренсом? Но он ничего об этом не знает.

- Тем не менее я хотел бы с ним побеседовать.

Бренда подозрительно посмотрела на Тавернера.

- Он занимается латинским с Юстасом в классной комнате. Вы хотите, чтобы его позвали сюда?

- Нет... мы сами пройдем к нему.

Тавернер быстро вышел из гостиной. Мы с сержантом Лэмбом последовали за ним.

- Нагнали вы на нее страху, сэр, - заметил сержант.

Тавернер проворчал в ответ что-то неразборчивое. Мы поднялись по короткой лестнице и прошли по коридору в большую комнату, выходящую окнами в сад. Там за столом сидели молодой человек лет тридцати и красивый смуглый подросток.

При нашем появлении они подняли головы. Брат Софии Юстас посмотрел на меня, Лоуренс же уставился отчаянным взглядом на главного инспектора Тавернера.

Я никогда не видел, чтобы человек был настолько парализован страхом. Он встал, потом снова сел. И произнес голосом, срывающимся почти в визг:

- О... э-э... доброе утро, инспектор.

- Доброе утро, - резко ответил Тавернер. - Могу я побеседовать с вами?

- Да, конечно. Большая честь для меня. По крайней мере...

Юстас поднялся.

- Вы хотите, чтобы я ушел, инспектор? - В его приятном голосе отчетливо слышались враждебные нотки.

- Мы... мы продолжим наши занятия позже, - сказал учитель.

Юстас направился к двери деланно развязной походкой. Уже на самом выходе он поймал мой взгляд, ухмыльнулся и чиркнул себя большим пальцем по горлу. Потом вышел, захлопнув за собой дверь.

- Итак, мистер Браун, - сказал Тавернер, - заключение экспертизы гласит, что смерть мистера Леонидиса наступила в результате отравления эзеринном.

- Я... вы имеете в виду... мистер Леонидис действительно был отравлен?.. Я надеялся...

- Он был отравлен, - резко подтвердил Тавернер. - Кто-то налил эзерин в пузырек вместо инсулина.

- Просто невозможно поверить... Это невероятно!

- Вопрос в том, кому это было выгодно.

- Никому! Совсем никому! - молодой человек возбужденно повысил голос.

- Вы не хотите, чтобы при нашем разговоре присутствовал ваш

адвокат? - осведомился Тавернер.

- У меня нет адвоката. Мне не нужен никакой адвокат. Мне нечего скрывать... нечего...

- И вы понимаете, что все ваши показания будут записаны?

- Я не виновен. Уверю вас, я абсолютно невиновен.

- Пока вас никто ни в чем не обвиняет. - Тавернер помолчал. - Миссис Леонидис значительно моложе своего покойного мужа, правда?

- Я... я полагаю, да... то есть, конечно, да.

- Вероятно, порой она чувствовала себя одинокой? Лоуренс Браун не ответил. Он нервно облизал сухие губы.

- Должно быть, ей приятно иметь в доме друга приблизительно ее возраста?

- Я... нет, вовсе нет... то есть я не знаю.

- И возникшая между вами симпатия, пожалуй, совершенно естественна.

Молодой человек горячо запротестовал:

- Нет! Ничего подобного! Я понимаю, о чем вы думаете, но ничего этого не было! Миссис Леонидис всегда относилась ко мне с пониманием, и я питаю к ней огромное - огромное! уважение, но не более того... Не более того, уверю вас. Это ужасное предположение! Ужасное! Я бы н и к о г д а н и к о г о не смог убить... или подменить пузырьки с лекарствами... или что-нибудь в этом роде. Я человек чувствительный и страшно нервный. Мне глубоко отвратительна даже мысль об убийстве... В призывной комиссии это поняли. Я по религиозным мотивам не могу убивать. Вместо службы в армии я работал в госпитале... топил котлы... ужасно тяжелая работа... У меня уже начинали сдавать силы, когда мне предложили заняться преподаванием. И я старался как мог, занимаясь с Юстасом и Джозефиной... очень умный ребенок, но трудный. И все здесь были добры ко мне - и мистер Леонидис, и миссис Леонидис, и мисс де Хэвилэнд... И вот теперь произошла эта ужасная история... И вы подозреваете меня - м е н я! - в убийстве.

Инспектор Тавернер помолчал, оценивающе рассматривая молодого человека.

- Я не говорил ничего подобного, - заметил он.

- Но вы так думаете! Я знаю, вы так думаете! Все так думают! Я... я не могу продолжать разговор. Мне дурно.

И он опрометью бросился из классной комнаты. Тавернер медленно повернул голову в мою сторону.

- Ну, что ты о нем думаешь?

- Он напуган до смерти.
- Это ясно. Но похож ли он на убийцу?
- По-моему, - подал голос сержант Лэмб, - у него никогда не хватило бы смелости совершить убийство.

- У него никогда не хватило бы смелости разmozжить кому-нибудь голову или продырявить грудь из пистолета, - согласился инспектор. - Но что требовалось от преступника в нашем случае? Только поманипулировать парой пузырьков... Просто помочь глубокому старику сравнительно безболезненно уйти из этого мира.

- Практически эвтаназия, - заметил сержант.

- И потом, спустя некоторое время, он может жениться на женщине, которая унаследовала сто тысяч фунтов, не подлежащих обложению налогом, и которая уже имеет в своем распоряжении такую же сумму. И вдобавок жемчуг, рубины и изумруды размером с куриное яйцо!.. Впрочем, ладно, - Тавернер вздохнул. - Все это одни догадки и предположения. Мне действительно удалось напугать его, но это ничего ровным счетом не доказывает. Он бы испугался точно так же и в случае полной своей невиновности. Не верится мне, что это _е_г_о_ рук дело. Скорей всего, преступление совершила женщина - только какого черта она не выбросила пузырек с эзеринном или хотя бы не сполоснула его?! - Инспектор повернулся к сержанту: - У слуг не удалось узнать ничего полезного?

- Горничная говорит, что они нежничали друг с другом.

- На чем она основывается?

- На взглядах, которые Лоуренс посылал миссис Леонидис, когда та наливала ему кофе.

- Серьезные доказательства для суда! Больше ничего?

- Больше никто ничего не замечал.

- Бьюсь об заклад, что они бы заметили, если бы было что замечать. Знаешь, я начинаю верить: между ними действительно ничего не было. Тавернер взглянул на меня: - Вернись-ка в гостиную, поговори с Брендой. Мне интересно знать твое мнение о ней.

Я отправился вниз несколько неохотно, хотя мне и было интересно побеседовать с Брендой Леонидис.

9

Бренда Леонидис сидела на тахте все в той же позе. Она внимательно взглянула на меня:

- А где инспектор Тавернер? Он тоже придет?

- Не сейчас.

- А вы кто?

Наконец-то мне задали вопрос, который я ждал все утро.

Я ответил по возможности правдиво:

- Я имею некоторое отношение к полиции, и, кроме того, я друг семьи.

- Семья! Скоты они все! Я их ненавижу.

Бренда казалась одновременно сердитой и испуганной, губы ее дрожали.

- Они всегда относились ко мне по-скотски... всегда! С самого начала. Почему мне нельзя было выйти за их обожаемого папочку? Какое и м дело?! У каждого из них куча денег. И это он обеспечил своих детей - ни у кого из них не хватило бы мозгов самому заработать себе на жизнь! - Она помолчала и продолжила: - Почему человек не может жениться вторично... даже если уже немолод? А Аристид вовсе не был старым, несмотря на годы. И я очень, о ч е н ь любила его! - Бренда вызывающе посмотрела на меня.

- Понимаю, - сказал я. - Понимаю.

- Наверное, вы не верите мне - но это правда. Меня всегда тошнило от мужчин. Я хотела иметь дом... и хотела, чтобы кто-нибудь ухаживал за мной и говорил мне комплименты. Аристид часто говорил мне комплименты - и он легко мог рассмешить меня... и он был умным. Он был очень, очень умным. Я нисколько не рада его смерти. Мне страшно жаль.

Бренда откинулась к стене. Уголки ее широкого рта приподнялись в странной сонной улыбке.

- Я была счастлива здесь. Чувствовала себя в безопасности. Ходила по шикарным портным... и Аристид делал мне чудесные подарки, - Бренда вытянула вперед руку и полюбовалась рубиновым перстнем.

На какой-то миг рука женщины показалась мне мягкой кошачьей лапой, а голос словно превратился в сладкое мурлыканье. Она продолжала улыбаться сама себе.

- И что в этом плохого? Я была очень нежна с Аристом и сделала его счастливым. - Бренда подалась вперед: - Знаете, как мы познакомились? - И продолжала, не дожидаясь ответа: - Это произошло в ресторане "Веселый Шэмрок". Аристид заказал омлет с тостами. Я плакала, когда принесла ему заказ. "Присядь-ка, - сказал он. - И расскажи мне, в чем дело". - "О, я не могу, - ответила я. - За разговоры с клиентами я получу нагоняй". - "Не получишь, - сказал он. - Я владелец этого ресторана". И только тогда я посмотрела на него внимательно. Такой странный маленький человечек, но в нем ощущалась какая-то сила... Наверное, вы уже слышали эту историю от н_и_х... Будто бы я была скверной женщиной - но это неправда. Родители дали мне хорошее воспитание. Мы держали прекрасную

мастерскую по вязанию кружев... Я не имела ничего общего с теми девушками, которые гуляют сразу с несколькими парнями и быстро теряют свою гордость. Но Терри казался мне не похожим на других. Он был ирландцем и собирался уходить в плавание... Потом он ни разу даже не написал мне... Наверное, я поступила страшно глупо. Но так уж получилось, понимаете. Я забеременела - как какая-нибудь дурочка-служанка, - в ее голосе послышалось презрение великосветской дамы. - Аристид был великолепен. Сказал, что все образуется, мол, он одинок и может жениться на мне сию же минуту. Это было похоже на сон... И потом выяснилось, что он и есть тот самый великий мистер Леонидис, который владеет кучей магазинов, ресторанов и ночных клубов. Это похоже на сказку, не правда ли?

- На сказку определенного рода, - сухо согласился я.

Взгляд Бренды медленно возвращался из какого-то далекого далека.

- Никакого ребенка у меня не было. Я ошиблась.

Она лениво улыбнулась.

- Поклялась себе, что буду Аристиду по-настоящему хорошей женой. И я ею б_ы_л_а_. Я заказывала для него блюда, которые он любил, и носила цвета, которые ему нравились, и делала все для его удовольствия. И он был счастлив со мной. Но мы никогда не чувствовали себя свободными от его семейства. Они вечно болтались где-нибудь поблизости, паразитировали на Аристиде и запускали руку в его карман. Эта старая мисс де Хэвилэнд должна была бы уехать отсюда, когда Аристид женился. Я так и сказала мужу. Но он ответил: "Она жила здесь так долго! Теперь это и ее дом". Ему нравилось жить с ними под одной крышей и держать всех их в подчинении. Они относились ко мне п_о_-с_к_о_т_с_к_и_, но Аристид как будто не замечал этого. Роджер меня ненавидит - вы видели Роджера. Он всегда ненавидел меня. Он страшно ревнив. А Филип настолько чванлив, что никогда не разговаривает со мной. И вот теперь они пытаются представить дело так, словно я убила Аристида. А я не убивала! Н_е_у_б_и_в_а_л_а_! - Бренда резко подалась вперед: - Поверьте, прошу вас.

Я нашел молодую вдову достойной всяческой жалости. Презрение, с каким Леонидисы отзывались о ней, и их неприкрытое желание убедиться в ее виновности сейчас показались мне просто бесчеловечными.

- Если не меня - в крайнем случае, они подозревают Лоуренса, продолжала Бренда.

- А что Лоуренс? - поинтересовался я.

- Лоуренс - бедняжка. Он очень болезненный... и не мог пойти на

войну, но это не из-за трусости. Просто он страшно нервный. Я всегда старался развеселить и утешить его. Он вынужден был заниматься с этими ужасными детьми. Юстас вечно насмеяется над ним, а Джозефина... впрочем, вы сами видели Джозефину и понимаете, что это такое.

Я сказал, что еще не видел Джозефину.

- Иногда мне кажется - у девочки не все дома. У нее какие-то подлые ухватки, и она несколько странная... Иногда я просто боюсь ее.

Джозефина меня не интересовала. Я вернулся к Лоуренсу Брауну.

- Вообще кто он такой? - спросил я. - Откуда взялся?

Я сформулировал вопрос неуклюже. Бренда вспыхнула.

- Он обыкновенный человек. Как я... Что мы можем поделать против всех н_и_х_?

- Вам не кажется, что вы несколько преувеличиваете грозящую вам опасность?

- Нет. Они хотят, чтобы преступником оказался Лоуренс... или я. И этот полицейский на их стороне. Что я могу поделать против них?

- Не стоит так накачивать себя, - сказал я.

- Почему убийцей не может оказаться один из них? Или кто-то совершенно посторонний? Или один из слуг?

- Ни у кого нет никаких мотивов.

- О, м_о_т_и_в! А какой мотив может быть у меня? Или у Лоуренса? Чувствуя себя довольно неловко, я промямлил:

- Они могут предполагать, что вы и... э-э... Лоуренс любите друг друга... и хотите пожениться...

Бренда резко выпрямилась.

- С их стороны очень дурно так думать! Это неправда. У нас с Лоуренсом никогда не было даже разговоров на подобную тему. Я просто жалела его и всячески старалась утешить. Мы с ним друзья - и не более того. Вы ведь верите мне, правда?

Я ей верил. Я верил, что Бренда и Лоуренс являются, как она выразилась, друзьями - и не более того. Но я также был твердо убежден, что миссис Леонидис любит молодого учителя, может быть и сама не подозревая об этом.

И с этой мыслью я отправился вниз разыскивать Софию.

Я уже собирался заглянуть в гостиную, когда София высунулась из двери в конце коридора.

- Привет, - сказала она. - Я помогаю Нэнни готовить ленч.

Я хотел было присоединиться к ней, но девушка вышла в коридор, прикрыла за собой дверь кухни и, взяв меня за руку, провела в пустую

гостиную.

- Ну? - спросила она. - Ты видел Бренду? Как она тебе показалась?

- Честно говоря, мне ее жаль.

София выглядела довольной.

- Понятно. Значит, она успела тебя обработать.

- Дело в том, - слегка раздражаясь, начал я, - что я могу посмотреть на сложившуюся ситуацию ее глазами. А ты не можешь.

- В каком смысле ее глазами?

- Скажи по-честному, София, кто-нибудь из вашей семьи когда-нибудь был добр по отношению к ней - или хотя бы вежлив?

- Нет, мы не были добры к ней. С чего бы вдруг?

- Просто из соображений христианского милосердия, если уж не из-за чего другого.

- Какую высокую ноту ты берешь, Чарлз. Похоже, Бренда постаралась на славу.

- Послушай, София, у меня такое впечатление... Я не понимаю, что с тобой происходит.

- Я просто не привыкла притворяться, вот и все. Говоришь, ты посмотрел на ситуацию глазами Бренды? А теперь посмотри моими. Я не люблю тот тип молодых женщин, которые влипают в неприятные истории и под этой маркой выходят замуж за богатых стариков. У меня есть полное право не любить этот тип молодых женщин, и я не вижу необходимости скрывать свою неприязнь к ним. И если бы все факты этой истории были сухо запротоколированы на бумаге, т_е_б_е бы тоже совсем не понравилась подобная молодая женщина.

- Она что, придумала все это? - спросил я.

- О ребенке-то? Не знаю. Но я лично считаю - да.

- И тебя возмущает, что твой дедушка купился на эту басню?

- О, дедушка вовсе не купился. - София рассмеялась. - Дедушка никогда ни на что не покупался. Он хотел заполучить себе Бренду. Он отдавал себе полный отчет в своих действиях - и все вышло в соответствии с его планом. С точки зрения дедушки этот брак был чрезвычайно удачен - как и все остальные его деловые операции.

- А приобретение Лоуренса Брауна в качестве учителя тоже можно считать одной из наиболее успешных операций твоего деда? - иронически осведомился я.

София нахмурилась.

- Знаешь ли, вполне возможно, что да. Дедушка хотел видеть Бренду счастливой и довольной. Может быть, он решил: нарядов и драгоценностей

недостаточно для ее счастья. И решил удовлетворить мечту Бренды о некоем романтическом увлечении. Он прикинул, что молодой человек типа Лоуренса Брауна - по-настоящему домашний и спокойный, если ты понимаешь, о чем я говорю, - вполне подойдет для этой цели. Возвышенная платоническая дружба с оттенком печали, которая, безусловно, отвлечет Бренду от возможных поисков любви где-нибудь на стороне. Возможно, дедушка руководствовался в своих действиях именно такими соображениями. Он был старый хитрый черт, знаешь ли.

- Да, похоже на то.

- Конечно, он не мог предвидеть, что все это кончится его насильственной смертью... И именно поэтому... - Голос Софии зазвучал с неожиданной страстью: - Именно поэтому я не верю, что это на самом деле сделала Бренда. Ведь если бы она или Лоуренс собирались убить дедушку, он обязательно знал бы об этом. Наверное, тебе это кажется странным рассуждением...

- Должен признаться, да.

- Но ты просто не знал дедушку. Он не стал бы потворствовать собственным убийцам... Ну вот опять! Опять глухая стена...

- Бренда напугана, София, - сказал я. - Страшно напугана.

- Инспектор Тавернер со своим славным коллегой? Должна признать: выглядят они устрашающе. Лоуренс, полагаю, бьется в истерике?

- Почти. Он был жалок. Не понимаю, что Бренда могла в нем найти.

- Не понимаешь, Чарлз? На самом деле Лоуренс весьма привлекательный мужчина.

- Этот слабак?! - искренне удивился я.

- Почему-то мужчины всегда считают, что представительницы прекрасного пола непременно отдадут предпочтение угрюмым грубым существам типа неандертальца. У Лоуренса безусловно есть достоинства... но не думаю, что ты сможешь оценить их. - София внимательно взглянула на меня: - Да, Бренда глубоко запустила в тебя свои когти.

- Не говори глупостей. Она даже не симпатична... И она вовсе не...

- Не пыталась обольстить тебя? Конечно, нет. Она просто разжалобила тебя. Она не особенно красива и вовсе не умна - но у нее есть одно выдающееся качество: она умеет приносить неприятности. Она уже встала между тобой и мной.

- София! - ошеломленно воскликнул я.

София направилась к двери.

- Забудь этот разговор, Чарлз. А сейчас я должна заняться ленчем.

- Я помогу тебе.

- Нет, останься здесь. Присутствие джентльмена на кухне страшно смутит Нэнни.

- София! - окликнул я девушку, когда она уже выходила.

- Да?

- А почему вы не держите в доме прислугу? Какое-нибудь существо в передничке и накрахмаленном чепчике?

- У дедушки был повар, две горничные и лакей. Ему нравилось иметь слуг. Он щедро платил им, и они были искренне преданы ему. У Клеменси и Роджера есть приходящая работница для уборки комнат. Они не любят держать прислугу - верней, Клеменси не любит. Если бы Роджер не перекусывал в Сити, он бы умер от истощения. Клеменси считает, что еда - это салат-латук, томаты и тертая морковка. Мы иногда нанимаем горничных, но когда мама закатывает очередную истерику, они нас покидают. Тогда какое-то время нас обслуживают приходящие работницы. Сейчас у нас именно такой период. Нэнни живет с нами постоянно и прекрасно справляется со всеми трудностями. Вот и все.

София вышла. Я устроился в одном из огромных парчовых кресел и погрузился в размышления.

Совсем недавно наверху я смотрел на ситуацию глазами Бренды. Здесь только что я смотрел на ситуацию глазами Софии. И я прекрасно понимал точку зрения Софии, которую можно было бы назвать точкой зрения семейства Леонидисов. Их возмущало присутствие в семейном гнезде чужака, пробравшегося сюда, как они полагали, бесчестным путем. И по-своему они были правы. Как сказала София, будучи изложенной на бумаге, история Бренды не показалась бы красивой...

Но все-таки по-человечески я мог понять Бренду - а они не могли. Они всегда были богаты, всегда имели положение в обществе и не представляли себе, какие искушения могут подстергать обездоленного человека. Миссис Леонидис мечтала о богатстве, роскошных туалетах, драгоценностях и безопасности - и о своем доме. И Бренда утверждала, что в обмен на все это она подарила своему старому мужу счастье. И я сочувствовал ей. Да-да, когда я разговаривал с ней, я определенно сочувствовал ей... А сейчас?

Две стороны вопроса... разные точки зрения... И где же истина?..

Накануне я почти не спал ночью и встал очень рано, чтобы сопровождать Тавернера в Суинли-Дин. Теперь же, в теплой, напоенной ароматом цветов гостиной Магды Леонидис, в глубоком мягком кресле я был не в состоянии шевельнуть ни рукой ни ногой... Глаза мои слипались...

Какие-то бессвязные мысли о Бренде, Софии и старике с портрета проплывали в голове и таяли в легком тумане...

Я уснул...

10

Сознание возвращалось ко мне очень медленно: сначала я даже не понял, что просыпаюсь.

Тяжелый аромат цветов кружил голову. Напротив меня парило в воздухе круглое бледное пятно. Только через несколько секунд я понял, что смотрю на человеческое лицо, находящееся в двух-трех футах от меня. Наконец я нашел в себе силы сфокусировать взгляд: это было личико гоблина - круглое, с огромным выпуклым лбом и крохотными глазками-бусинками. Существо очень серьезно наблюдало за мной.

- Привет, - сказала оно.

- Привет, - сонно моргая, откликнулся я.

- Я Джозефина.

Это я уже понял. Сестре Софии на вид было лет одиннадцать-двенадцать. Этот феноменально безобразный ребенок внешностью напоминал дедушку. В девочке можно было предположить и острый ум Аристида.

- Вы - жених Софии, - сообщила Джозефина.

Я признал верность этого утверждения.

- Но приехали вы сюда со старшим инспектором Тавернером. Почему вы приехали с ним?

- Он мой друг.

- Да? Он мне не понравился. Я ему ничего не скажу.

- О чем?

- О том, что я знаю. А я знаю очень многое. Мне нравится все знать.

Она уселась на ручку кресла, продолжая внимательнейшим образом изучать мое лицо. Я почувствовал себя как-то неуютно.

- Дедушку убили. Вы знаете?

- Да, - сказал я. - Знаю.

- Его отравили. Э-зе-ри-ном, - она выговорила название лекарства очень старательно. - Интересно, правда?

- Пожалуй.

- Нам с Юстасом страшно интересно. Мы любим детективные истории. Я всегда мечтала быть сыщиком. И сейчас я веду следствие. Собираю улики.

Это был, как я понял, премерзкий ребенок.

Девочка снова вернулась к интересующей ее теме.

- А человек, который пришел с инспектором Тавернером, тоже сыщик, да? В книгах говорится - полицейских, переодетых в штатское, всегда

можно узнать по обуви. Но у этого полицейского обыкновенные замшевые ботинки.

- Все на свете требует перемен, - пробормотал я.

Джозефина истолковала это замечание по-своему.

- Да, - сказала она. - Думаю, скоро здесь произойдут большие перемены. Мы переедем в Лондон и будем жить в доме на набережной. Мама давно об этом мечтает. Она будет страшно довольна. А папа, пожалуй, бросит свою писанину. Раньше он не мог себе этого позволить. Он потерял кучу денег на "Иезавели".

- На Иезавели? - переспросил я.

- Да, вы не видели спектакля?

- О! Это спектакль! Нет, не видел. Я был за границей.

- Он не долго продержался на сцене, а точнее, просто с треском провалился. Пожалуй, роль Иезавели не для мамы. А как вы считаете?

Я суммировал все свои впечатления о Магде. Ни в розовом negligé, ни в строгом костюме она не походила на Иезавель, но хотелось верить, что я был знаком еще не со всеми Магдами.

- Пожалуй, ты права, - осторожно согласился я.

- Дедушка сразу сказал, что спектакль провалится и что он не собирается вкладывать деньги в постановку пьески на религиозную тему. Но мама была страшно увлечена пьесой. Мне лично пьеса не особо понравилась. И ничего похожего на библейскую историю. Я имею в виду, что в пьесе Иезавель вовсе не такая злая, как в библии, - а страшно патриотичная и милая во всех отношениях. Это делало спектакль скучным. Кончался он, правда, хорошо: Иезавель выбросили из окна. Только никакие псы ее тело за стеной Изрееля не ели. Жаль, верно? В этой истории мне больше всего нравится, как псы едят ее тело. Мама говорит, поставить эпизод с псами на сцене нельзя, но я не понимаю почему. Можно ведь держать в театре дрессированных собак. - И девочка со смаком процитировала: - "И пошли хоронить ее, и не нашли от нее ничего, кроме черепа, и ног, и кистей рук". Интересно, почему псы не съели кисти ее рук?

- Понятия не имею, - сказал я.

- Трудно представить настолько разборчивых псов. Современные собаки совсем не такие. Они едят а б с о л ю т н о в с е.

Некоторое время Джозефина размышляла над этой библейской загадкой.

- Жаль, что спектакль провалился, - сказал я.

- Да. Мама страшно переживала. Рецензии были просто ужасные. Мама рыдала день напролет и запустила подносом с завтраком в Глэдис, и

та отказалась у нас работать. Я чуть со смеху не лопнула.

- Насколько я понял, ты любишь драматические ситуации, Джозефина, заметил я.

- Дедушкин труп вскрывали, чтобы установить причину смерти, сообщила Джозефина.

- Тебе жаль, что бабушка умер? - спросил я.

- Не особенно. Я его не очень-то любила. Он запретил мне заниматься балетом.

- А ты хотела заниматься балетом?

- Да, и мама тоже хотела, чтобы я занималась, и папа не возражал, но дед сказал, это мне совершенно ни к чему.

Девочка соскользнула с ручки кресла, сбросила тапочки и попыталась встать на носки.

- Конечно, для этого нужны специальные туфли, пуанты, - пояснила она. - Да и в них иногда ноги стираешь до крови. - Она снова надела тапочки и небрежно поинтересовалась:

- Вам нравится наш дом?

- Не уверен, - ответил я.

- Теперь его, наверное, продадут. Если только Брендэ не захочет остаться жить здесь. И дядя Роджер с тетей Клеменси теперь, наверное, отложат свой отъезд.

- А они собирались уезжать? - спросил я, слегка заинтересованный.

- Да. Во вторник. Куда-то за границу. На самолете. И тетя Клеменси купила удобный и очень легкий чемодан.

- Я не знал, что они собирались за границу, - сказал я.

- Никто не знал. Это их секрет. Они только хотели оставить записку для бабушки. - Джозефина помолчала и добавила: - Но не приколотую к подушечке для иголок. Так оставляют записки жены, уходящие от своих мужей в очень-очень старых книгах. А в наше время это было бы глупо, потому что никто больше не держит у себя подушечек для иголок.

- Да-да, конечно, Джозефина. А ты не знаешь, почему твой дядя хотел уехать?

Девочка бросила на меня кривой хитрый взгляд.

- Пожалуй, знаю. Это связано с лондонским офисом дяди Роджера. Я подозреваю... но не уверена... он растратил какие-то деньги.

- Почему ты так думаешь?

Джозефина подошла ближе и горячо задышала мне в лицо:

- В тот день незадолго до смерти бабушки дядя Роджер сидел у него в комнате при закрытых дверях. И они говорили, говорили... Дядя Роджер

говорил, что всегда был никчемным дельцом, что не оправдал дедушкиных надежд и его волнуют не потерянные деньги, а утраченное в глазах дедушки доверие. Дядя был в ужасном состоянии.

Я разглядывал Джозефину со смешанными чувствами.

- Джозефина, тебе когда-нибудь говорили: подслушивать под дверями некрасиво?

Девочка энергично закивала.

- Конечно, говорили. Но если ты хочешь все знать, просто п_р_и_х_о_д_и_т_с_я_ подслушивать. Бьюсь об заклад, инспектор Тавернер подслушивает.

Пока я обдумывал последнее утверждение, Джозефина продолжала захлебываясь:

- И в любом случае, даже если _о_н_и_ не подслушивает, то другой уж подслушивает наверняка... ну этот, в замшевых ботинках. И они шарят по столам, и читают чужие письма, и вынюхивают чужие секреты. Но они глупы! Они не знают, где искать.

Последние слова Джозефина произнесла с холодным высокомерием. По своей тупости я пропустил их мимо ушей. Неприятный ребенок продолжал:

- Мы с Юстасом много чего знаем - но я знаю больше Юстаса. И не собираюсь ничего ему рассказывать. Он говорит: женщины не могут быть великими сыщиками. Но я считаю - могут. Я буду все записывать в блокнот, и потом, когда полиция окажется в тупике, я выйду вперед и скажу: "Я знаю, кто это сделал".

- Ты читаешь много детективов, Джозефина?

- Кучи.

- Наверное, ты считаешь, что знаешь, кто убил твоего дедушку?

- Да, _с_ч_и_т_а_ю_. Но мне нужны дополнительные улики. - Она помолчала и добавила: - Инспектор Тавернер подозревает Бренду, да? Или Бренду и Лоуренса вместе, потому что они - любовники.

- Тебе не стоит говорить такие вещи, Джозефина.

- Почему? Они же любовники.

- Ты не можешь судить об этом.

- Очень даже могу. Они пишут друг другу любовные письма.

- Джозефина! Откуда ты это знаешь?

- А я их читала. Ужасно слюнявые письма. Но Лоуренс вообще слюняй. Он побоялся идти на войну и работал кочегаром в госпитале. А во время бомбежек он просто зеленел от страха - нет, по правде зеленел. Мы с Юстасом страшно веселились по этому поводу.

Пока я соображал, что следует отвечать в таких случаях, с улицы донесся шум подъезжающей машины. В мгновение ока Джозефина оказалась у окна и расплющила о стекло вздернутый носик.

- Кто это? - спросил я.

- Мистер Гэйтскилл, дедушкин поверенный. Должно быть, насчет завещания.

Возбужденно дыша, Джозефина бросилась из комнаты - безусловно, для возобновления своей детективной деятельности.

В гостиную вошла Магда Леонидис и, к великому моему удивлению, приблизилась ко мне и взяла меня за руки.

- О Боже! - произнесла она. - Какое счастье, что вы еще не уехали! Присутствие мужчины иногда п р о с т о н е о б х о д и м о.

Она отпустила мои руки, подошла к стулу с высокой спинкой, чуть подвинула его, мельком глянула на себя в зеркало, потом взяла со стола эмалированную шкатулку и так стояла, задумчиво открывая и закрывая ее.

Это была красивая поза.

В гостиную заглянула София и предостерегающе шепнула:

- Гэйтскилл!

- Знаю, - откликнулась Магда.

Через несколько секунд София вошла в комнату в сопровождении невысокого пожилого джентльмена, и Магда, отложив эмалированную шкатулку в сторону, направилась к ним навстречу.

- Доброе утро, миссис Филип. Я, собственно, иду наверх. Тут возникло какое-то недоразумение с завещанием. Ваш муж написал мне, полагая, что завещание находится у меня. Со слов же покойного мистера Леонидиса я заключил: оно хранилось в его сейфе. Вы ничего об этом не знаете?

- О, завещание нашего дорогуши? - Магда широко раскрыла удивленные глаза. - Конечно, не знаю! Надеюсь, вы не считаете, что эта ужасная женщина наверху уничтожила документ?

- Ну-ну, миссис Филип, - поверенный укоризненно погрозил ей пальцем. - Не будем строить диких предположений. Вопрос просто в том, где ваш тесть хранил свое завещание.

- Но он отсылал документ вам... это точно!.. После того как подписал его. Он сам говорил нам об этом.

- Как я понял, полиция уже ознакомилась с бумагами покойного мистера Леонидиса, - сказал мистер Гэйтскилл. - Я хотел бы перекинуться парой слов с инспектором Тавернером.

И поверенный вышел из гостиной.

- Дорогая моя! - воскликнула Магда. - Она н а в е р н я к а

уничтожила завещание! Я уверена в этом.

- Чепуха, мама. Бренда не стала бы совершать такой идиотский поступок.

- Это вовсе не идиотский поступок. Если завещание не найдется, она получит все.

- Ш-ш-ш... Гэйтскилл возвращается.

В гостиной снова появился Гэйтскилл в сопровождении инспектора Тавернера и Филипа.

- Со слов мистера Леонидиса я понял, - говорил Гэйтскилл, - что он положил завещание в свой сейф в банке.

Тавернер покачал головой.

- Я связывался с банком. У них нет никаких документов, принадлежащих мистеру Леонидису, за исключением нескольких ценных бумаг.

- Может быть, Роджер... или тетя Эдит... София, позови их сюда, пожалуйста.

Но призванный на семейный совет Роджер Леонидис ничем не смог помочь.

- Просто бред какой-то! - заявил он. - Папа подписал завещание и совершенно определенно сказал, что собирается отправить его мистеру Гэйтскиллу на следующий же день.

- Если память не изменяет мне, - начал мистер Гэйтскилл, откидываясь на спинку кресла и прикрывая глаза, - двадцать четвертого ноября прошлого года я составил проект завещания согласно инструкциям мистера Леонидиса. Он его одобрил и вернул мне, после чего я переслал ему уже оформленное завещание на подпись. Примерно через неделю я осмелился напомнить мистеру Леонидису, что до сих пор не получил должным образом подписанного и заверенного завещания, и поинтересовался, не желает ли он внести в него какие-либо изменения. Мистер Леонидис ответил, что завещанием полностью удовлетворен, и добавил, что уже отослал подписанный и заверенный документ в свой банк.

- Совершенно верно, - горячо подтвердил Роджер. - Это было где-то в конце прошлого ноября, помнишь, Филип? Папа собрал всех нас как-то вечером и зачитал завещание.

Тавернер повернулся к Филипу Леонидису.

- Это совпадает с вашими воспоминаниями, мистер Леонидис?

- Да, - ответил Филип.

- Все это происходило в довольно торжественной обстановке. - Магда вздохнула с довольным видом. - Я всегда считала: связанные с

завещаниями мероприятия очень драматичны.

- Мисс София?

- Да, - сказала София. - Я помню все точно.

- А каковы условия завещания? - спросил Тавернер.

Мистер Гэйтскилл собрался было ответить со свойственной ему обстоятельностью, но Роджер Леонидис опередил его:

- Условия завещания предельно просты. Поскольку Электра и Джойс умерли, их доля возвратилась к отцу. Сын Джойс, Уильям, погиб на войне в Бирме, и его деньги тоже вернулись к отцу. Филип с детьми и я - последние оставшиеся в живых Леонидисы. Папа оставил пятьдесят тысяч тете Эдит и сто тысяч плюс этот дом - Бренде. Все остальное делится на три равные части: одна - мне, другая - Филипу, а третья распределяется между тремя внуками поровну. Кажется, я все верно изложил, мистер Гэйтскилл?

- Да. В общих чертах это и есть условия завещания, которое я оставлял для мистера Леонидиса, - подтвердил мистер Гэйтскилл, несколько недовольный тем, что ему не дали говорить самому.

- Отец зачитал нам документ, - продолжал Роджер, - и спросил, есть ли у нас какие-нибудь замечания и возражения. Конечно, ни у кого никаких замечаний и возражений не было.

- У Бренды было замечание, - подала голос мисс де Хэвилэнд.

- Да! - с жаром подтвердила Магда. - Она говорила, что не может слышать, как ее милый Аристид говорит о смерти. Мол, у нее мурашки бегают от таких разговоров. И мол, после его смерти ей не нужны будут эти противные деньги.

- Традиционное для людей ее класса поведение, - сказала мисс де Хэвилэнд.

Это было жестокое и язвительное замечание. Внезапно я осознал, насколько сильно Эдит де Хэвилэнд не любит Бренду.

- Очень ясные и разумные условия, - сказал мистер Гэйтскилл.

- И что же случилось после того, как завещание было зачитано?

- После того как завещание было зачитано, папа подписал его, - сказал Роджер.

Тавернер подался вперед.

- Как и когда именно он подписал его?

Роджер оглянулся и призывно посмотрел на жену. Заговорила Клеменси. Все члены семьи, похоже, были довольны, что слово взяла именно она.

- Вы хотите знать, как все происходило, в мельчайших подробностях?

- Да, пожалуйста, миссис Леонидис.

- Мой свекор положил завещание на стол и попросил одного из нас кажется, Роджера - позвонить в колокольчик. Роджер позвонил. Когда на звонок пришел Джонсон, свекор велел ему пригласить в гостиную Джанет Волмер, горничную. Когда Джонсон и Джанет вернулись, мистер Леонидис подписал документ и приказал слугам тоже поставить свои подписи.

- Все правильно, - вставил мистер Гэйтскилл. - Завещание должно быть подписано завещателем в присутствии двух свидетелей, которые после этого должны поставить на документе и свои подписи.

- И затем? - спросил Тавернер.

- Мой свекор поблагодарил слуг, и те покинули гостиную. Мистер Леонидис взял завещание, положил его в длинный конверт и сказал, что наутро отправит его мистери Гэйтскиллу.

- Вы все подтверждаете точность этого рассказа? - инспектор Тавернер обвел взглядом присутствующих.

Все согласно закивали головами.

Значит, завещание лежало на столе. Как далеко вы находились от стола?

- Довольно далеко. В пяти-шести ярдах.

Зачитывая завещание, мистер Леонидис сидел за столом?

- Да.

- Он вставал или выходил из-за стола перед тем, как подписать документ?

- Нет.

- Могли ли слуги прочитать текст завещания, когда подписывали его?

- Нет, - ответила Клеменси. - Свекор прикрыл текст листом бумаги.

- Как и подобает в таких случаях, - вставил Филип. - Содержание завещания слуг совершенно не касается.

- Понятно, - сказал Тавернер. - То есть... ничего не понятно.

Резким движением он извлек из кармана длинный конверт и протянул его поверенному.

- Взгляните, - предложил он. - И объясните, пожалуйста, что это такое.

Мистер Гэйтскилл вынул из конверта сложенный лист бумаги, развернул его и пробормотал с ошеломленным видом:

- Нечто совершенно неожиданное... Ничего не понимаю... Где вы нашли это, инспектор?

- В сейфе, среди бумаг мистера Леонидиса.

- Но что это? - спросил Роджер. - О чем вы?

- Это то самое завещание, которое я подготовил для вашего отца, Роджер... но непонятно... после всего, что вы рассказали... Документ не

подписан!

- Как? А-а, это, наверное, черновик.

- Нет, - сказал поверенный. - Черновик мистер Леонидис мне вернул, после чего я переписал завещание начисто - в_о_т_ э_т_о_ с_а_м_о_е_ з_а_в_е_щ_а_н_и_е_, - мистер Гэйтскилл постучал по документу пальцем, - и послал его вашему отцу на подпись. Согласно вашим показаниям, мистер Леонидис и двое свидетелей подписали завещание в вашем присутствии... И тем не менее документ не подписан.

- Но это невозможно! - воскликнул Филип Леонидис, наконец-то демонстрируя слабые признаки каких-то эмоций.

- Как у вашего отца было со зрением?

- Он страдал глаукомой и для чтения пользовался сильными очками.

- Он был в очках в тот вечер?

- Конечно. И не снимал их до тех пор, пока не подписал документ. Я прав?

- Абсолютно, - подтвердила Клеменси.

- И никто не подходил к столу перед тем, как завещание было подписано?

- Никто к столу не подходил, - твердо сказала София. - И дедушка из-за стола не вставал.

- И стол находился на том же месте, что и сейчас? Не у двери? Не у окна?

- Нет, на том же самом месте.

- Я пытаюсь понять, каким образом могла быть произведена какая-нибудь подмена, - пояснил инспектор. - А подмена явно имела место. Мистер Леонидис был уверен, что подписывает только что зачитанный документ.

- А подписи не могли быть стерты?

- Нет, мистер Леонидис. Так, чтобы не осталось следа, нет.

- Но существует еще одна вероятность: это не тот документ, который мистер Гэйтскилл послал мистеру Аристиду и который мистер Аристид подписал в присутствии всей семьи.

- Ничего подобного, - вмешался поверенный. - Могу присягнуть: это подлинный документ. Здесь, в верхнем левом углу листа находится маленькое пятнышко, похожее на самолетик... дефект бумаги. Я сразу его заметил.

Все недоуменно переглядывались.

- Чрезвычайно любопытная ситуация, - сказал мистер Гэйтскилл. Беспрецедентный случай в моей практике.

- Просто невероятно! - воскликнул Роджер. - Мы же все присутствовали при подписании завещания. Все это просто не могло произойти!

Мисс де Хэвилэнд сухо кашлянула.

- Сейчас бессмысленно тратить силы и время на подобные заявления, заметила она. - Все это уже произошло. И каково наше положение на данный момент, вот что хотелось бы узнать?

Гэйтскилл мгновенно превратился в осторожного юриста.

- Ситуацию можно тщательно проверить, - сказал он. - Данное завещание, безусловно, аннулирует все предыдущие. Мистер Леонидис, будучи в полном уме и здравии, подписывал при большом количестве свидетелей документ, который искренне считал этим вот завещанием. Хм-м. Очень интересно.

Тавернер взглянул на часы.

- Боюсь, я задерживаю ваш ленч, - сказал он.

- Вы не останетесь на ленч, инспектор? - спросил Филип.

- Спасибо, мистер Леонидис, но мне еще нужно встретиться с доктором Грэм.

Филип повернулся к поверенному:

- А вы останетесь, мистер Гэйтскилл?

- Благодарю вас, Филип.

Все поднялись со своих мест. Я незаметно пробрался к Софии.

- Мне уйти или остаться? - тихо спросил я. Фраза прозвучала смешно, как название викторианской песенки.

- Думаю, можешь уйти, - ответила она.

Я незаметно выскользнул из гостиной вслед за Тавернером.

В коридоре болталась Джозефина. У нее был страшно довольный вид.

- Полицейские - дураки! - сообщила она.

Из гостиной вышла София.

- Чем ты тут занималась Джозефина?

- Помогала Нэнни на кухне.

- А я полагаю, ты подслушивала.

Джозефина скорчила сестре гримасу и удалилась.

- С этим ребенком, - вздохнула София, - хлопот не оберешься.

11

Я вошел в кабинет отца в Скотленд-Ярде и застал там Тавернера, завершающего изложение скорбной повести.

- И что мы имеем? - говорил он. - Я вывернул всех в доме наизнанку и к чему пришел? - Да ни к чему. Ни у кого никаких мотивов. В деньгах

никто не нуждается. Единственное, в чем можно уличить жену Леонидиса и ее молодого человека, - это в том, что последний смотрел на нее бараньими глазами, когда та наливала ему кофе.

- Ну-ну, Тавернер, - вмешался я, - я могу несколько разнообразить вашу информацию. - Можешь? Итак, мистер Чарлз, что же удалось узнать в_а_м_?

Я сел, закурил, откинулся на спинку стула и выдал:

- Роджер Леонидис с женой собирались уехать за границу в следующий вторник. У Роджера с отцом произошел бурный разговор в день смерти старика. Старый Леонидис обнаружил какой-то непорядок в делах фирмы сына, и Роджер признал себя виновным.

Тавернер побагровел.

- Откуда, черт побери, ты узнал это? - осведомился он. - Если эта информация идет от слуг...

- Не от слуг, - сказал я. - От личного агента.

- То есть?

- И должен заметить, что, в полном соответствии с канонами детективной литературы, он - или, верней, она, или даже _о_н_о_ - во всех отношениях превзошло полицию... Кроме того, - продолжал я, - мой частный сыщик наверняка держит про запас еще кое-какие сведения.

Тавернер открыл рот и снова закрыл. Он хотел задать сразу так много вопросов, что не знал, с какого начать.

- Роджер! - наконец произнес он. Значит, у Роджера рыльце в пушку, да?

Теперь, когда я все выложил, у меня стало как-то нехорошо на душе. Мне понравился Роджер Леонидис. Я вспомнил его уютную, располагающую к приятному отдыху комнату, благодушие и дружелюбие стеснительного великана и понял, что совсем не хочу пускать по его следу гончих псов правосудия. Можно предположить, конечно, что информация Джозефины не заслуживала доверия, но мне почему-то так не казалось.

- Значит, тебе сказал это ребенок? - спросил Тавернер. - Девочка, похоже, в курсе всех происходящих в доме событий.

Эти сведения - в случае их достоверности - в корне меняли ситуацию. Если Роджер действительно, как предполагала Джозефина, совершил крупную растрату в фирме и если старик обнаружил злоупотребления сына, последнему было важно заставить старого Леонидиса молчать и скрыться из Англии до того, как правда откроется. Возможно, Роджер оказался перед необходимостью преступного действия.

Было решено безотлагательно сделать запрос о положении дел в фирме

Роджера Леонидиса.

- Ну и шум поднимется, - сказал мой отец. - Это ведь огромный концерт с миллионным оборотом.

- Если фирма действительно обанкротилась, то ситуация проясняется, сказал Тавернер. - Отец вызывает к себе сына. Роджер с перепугу признается в растрате. Бренда Леонидис в это время находится в кино. Роджеру требуется только из комнаты Аристида пройти в ванную, опорожнить пузырек с инсулином и наполнить его эзерином - и все дела. Или это могла сделать его жена. По возвращении с работы она ходила на ту половину дома, якобы за оставленной там трубкой мужа. Но при этом она могла подменить инсулин на эзерин до прихода Бренды. Клеменси абсолютно хладнокровна и вполне способна на подобный поступок.

Я кивнул.

- Да, скорее всего, это сделала Клеменси. У нее хватило бы выдержки. Вряд ли Роджеру Леонидису пришло в голову отравлять отца таким образом - в этом фокусе с эзерином чувствуется работа женского ума.

- Среди отравителей встречается очень много мужчин, сухо заметил мой отец.

- И все равно, мне кажется, Роджер - не того типа человек. Может быть, они с женой действовали в сговоре.

- Итак, мы имеем вариант леди Макбет, - подытожил отец после ухода Тавернера. Клеменси Леонидис показалась тебе похожей на эту героиню, Чарлз?

- Не особенно, - ответил я. - Леди Макбет была по сути своей алчной женщиной. Клеменси Леонидис не такая. Непохоже, чтобы она стремилась к обладанию чем-либо.

- Но ведь она может страстно желать безопасности мужа?

- Это да. И она может быть... жестокой.

К а ж д ы й и з н а с ж е с т о к п о - с в о е м у - вот что говорила София.

Я поднял глаза и встретился взглядом со Стариком.

- О чем ты задумался, Чарлз?

Но я не ответил ему.

На следующий день меня вызвали в Скотленд-Ярд, и в кабинете отца я обнаружил инспектора Тавернера.

У последнего был очень довольный и возбужденный вид.

- Фирма Леонидиса по поставкам на мели, - сообщил отец.

- Разорится с минуты на минуту, - добавил Тавернер.

- Вчера вечером курс их акций действительно резко упал, - сказал я.

Но сегодня утром положение вроде бы поправилось.

- Нам пришлось наводить справки очень осторожно, - сказал Тавернер. Никаких прямых вопросов. Чтобы не вызвать панику и не встревожить нашего готового к отъезду джентльмена. Но полученная нами из некоторых секретных источников информация абсолютно недвусмысленна. Фирма по поставкам находится на грани краха. Она не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства. Дело в том, что в продолжении многих лет управление фирмой осуществлялось из рук вон плохо.

- То есть виноват Роджер Леонидис?

- Да. Он там главный, как ты знаешь.

- И он тратил деньги фирмы...

- Нет, это вряд ли, - покачал головой Тавернер. - То есть, может, он и убийца, но не мошенник. По правде говоря, с деловой точки зрения он просто... дурак. У него нет ни капли здравого смысла. То он башку очертя бросается в какие-то сомнительные мероприятия, то колеблется и отступает перед самыми выгодными сделками. Он облакает властью людей, менее всего способных защищать интересы фирмы. Роджер - недалекий, простодушный парень и всегда доверял всяким проходимцам. В общем, во все времена и во всех случаях он вел себя неправильно.

- Да, такие люди иногда встречаются, - сказал отец. - И они не столько глупы, сколько плохо разбираются в людях. И обуреваемы жаждой деятельности в самые неподходящие моменты.

- Бизнес не для таких, - заметил Тавернер.

- И Роджер никогда и не стал бы заниматься бизнесом, не окажись он сыном Аристиды Леонидиса.

- Когда старик передал предприятие во владение сыну, оно процветало. Это была настоящая золотая жила! И новый владелец мог просто сидеть себе сложа руки, пока дела шли своим чередом.

- Ну нет, - отец покачал головой. - Никакое предприятие не может функционировать само по себе. Всегда должны приниматься какие-то решения: одного уволить, другого принять... Разные нюансы внутренней политики. Роджер Леонидис же во всех случаях принимал неверные решения.

- Это точно, - подтвердил инспектор Тавернер. - Он лояльный мальчик: держал на работе самых никчемных людей - просто из симпатии или жалости. А иногда ему в голову взбрехали разные дикие идеи, которые он непременно пытался воплотить в жизнь, несмотря на связанные с этим огромные расходы.

- Но ничего противозаконного! - уточнил отец. - Абсолютно ничего

противозаконного.

- Тогда почему он пошел на убийство? - спросил я. - Может быть, Роджер Леонидис не мошенник и не подлец, а просто дурак, - сказал Тавернер. - Это дела не меняет - или почти не меняет. Единственное, что могло спасти фирму по поставкам от краха, - это колоссальная сумма денег, полученная к... - он заглянул в записную книжку, - к следующей среде, самое позднее.

- Именно такая сумма, какую он получит - или рассчитывает получить по завещанию отца?

- Совершенно верно.

- Но он не сможет получить ее наличными.

- Да. Но ему откроют кредит! Это одно и то же.

Мой старик покивал.

- А не проще было бы просто обратиться за помощью к старому Леонидису? - предположил он.

- Думаю, Роджер так и сделал, - сказал Тавернер. - И именно этот разговор девчонка и подслушала. Старик наверняка наотрез отказался выбрасывать деньги на ветер. Наверняка.

Я подумал, здесь инспектор Тавернер, похоже, прав. Аристид Леонидис отказался финансировать постановку пьесы для Магды, считая, что спектакль не будет иметь успеха. И последующие события доказали его правоту. Он всегда был щедр по отношению к своей семье, но не собирался вкладывать деньги в сомнительные предприятия. А фирме Роджера требовались тысячи или даже сотни тысяч. Старик отказал сыну наотрез, и единственной возможностью избежать банкротства для Роджера оставалась смерть отца.

Да, мотив, конечно, достаточно серьезный.

Отец взглянул на часы.

- Я попросил его подойти сюда. Он должен быть здесь с минуты на минуту.

- Роджер?

- Да.

- "Приходи ко мне на ужин мухе говорил паук"? - пробормотал я. Тавернер казался несколько шокированным.

- Мы сразу же введем его в курс дела, - сурово сказал он мне.

Сцена была готова к началу действия, стенографистка сидела за столом в углу. Вскоре зазвенел звонок, и несколькими минутами позже в кабинет вошел Роджер Леонидис.

Он вошел энергичной и несколько неуклюжей походкой и тут же

наткнулся на стул. Как прежде, он напомнил мне огромного дружелюбного пса, и я тут же решил для себя совершенно определенно, что инсулин на эзерин заменил не этот человек. Этот обязательно разбил бы пузырек, расплескал лекарство на пол или как-нибудь еще испортил бы все дело. "Нет, - решил я, - Роджер, конечно, был посвящен в план преступления, но исполнителем задуманного являлась Клеменси".

Роджер говорил без умолку:

- Вы хотели видеть меня? Вы обнаружили еще что-нибудь? Привет, Чарлз! Сначала не заметил вас. Очень мило с вашей стороны присутствовать здесь. Но, пожалуйста, скажите мне...

Такой славный, такой по-настоящему симпатичный человек. Но многие убийцы казались славными симпатичными людьми, как говорили впоследствии их ошеломленные друзья. Чувствуя себя Иудой, я приветственно улыбнулся.

Мой отец держался подчеркнуто холодно, был сдержан и официален. Он произносил гладкие, привычные фразы: "Показания... даны без принуждения... Можете требовать присутствия вашего адвоката..."

Роджер Леонидис отшел в сторону все эти традиционные формулы характерным для него нетерпеливым жестом.

Я заметил слабую сардоническую улыбку на губах инспектора Тавернера и прочитал его мысли:

"Э_т_и_ п_а_р_н_и_ в_с_е_г_д_а_ т_а_к_ у_в_е_р_е_н_ы_ в_ с_е_б_е_. О_н_и_ н_е_ м_о_г_у_т_ о_ш_и_б_а_т_ь_с_я_. О_н_и_ т_а_к_и_е_ у_м_н_ы_е_!"

Я сел в уголке, не привлекая к себе внимания.

- Я просил вас прийти сюда, мистер Леонидис, - говорил мой отец, - не для того, чтобы сообщить вам нечто новое, а для того, чтобы услышать нечто новое из ваших уст - то, о чем вы умолчали накануне.

Роджер Леонидис страшно удивился:

- Умолчал?! Но я рассказал вам все - абсолютно все.

- Думаю, все-таки нет. Вы разговаривали с покойным в день его смерти?

- Да, да! Мы с ним пили чай. Я говорил вам.

- Да, говорили. Но вы не сообщили нам о содержании вашего разговора.

- Мы... просто... беседовали.

- О чем?

- О текущих домашних делах, о Софии...

- А о фирме по поставкам товаров в вашем разговоре случайно не

упоминалось?

Наверное, до сих пор я смутно надеялся, что Джозефина все выдумала, но в следующий миг моя надежда бесследно испарилась.

Роджер переменялся в лице - теперь вместо волнения и озабоченности на последнем было написано чувство, очень похожее на отчаяние.

- Боже мой! - Великан упал в кресло и закрыл лицо руками.

Тавернер лениво улыбнулся, как довольный кот.

- Мистер Леонидис, вы признаете, что были недостаточно искренни с нами?

- Откуда вы узнали об этом? Я думал, никто не знает... Я не понимаю, каким образом кому-то стало известно содержание нашего разговора...

- У нас есть свои способы узнавать правду, мистер Леонидис. - Отец сделал торжественную паузу. - Теперь вы, наверное, сами видите, что вам стоит все рассказать нам.

- Да-да, конечно! Я все расскажу! Что именно вы хотите знать?

- Действительно фирма по поставкам товаров находится на грани банкротства?

- Да. Ее уже ничем не спасти. Если бы только отец умер, не успев узнать ни о чем. Мне так стыдно... это такой позор...

- Грозит ли вам судебное преследование?

Роджер резко выпрямился.

- Конечно, нет. Да, это банкротство - но банкротство честное. Я смогу выплатить всем кредиторам по двадцать шиллингов на фунт, если продам все свое имущество, - а я это безусловно сделаю. Нет, мне стыдно, что я не оправдал доверия отца. Он мне так верил! Он отдал мне свою самую крупную и самую любимую - фирму. И никогда не вмешивался в мои дела, никогда меня не контролировал... Он просто... просто верил мне... А я обанкротился.

- Значит, судебное преследование вам не грозит? - сухо сказал отец. Тогда почему же вы с женой собирались тайком уехать за границу?

- Вы и это знаете?!

- Как видите, мистер Леонидис.

- Но разве вы не понимаете?! - Роджер порывисто подался вперед. - Я не мог сказать отцу правду. Это выглядело бы так, будто я прошу у него денег, будто я хочу, чтобы он снова помог мне встать на ноги. Папа... папа очень любил меня. И обязательно захотел бы помочь мне. Но я не мог... не мог больше заниматься бизнесом... потому что все эти неприятности начались бы снова... Я совершенно не умею вести дела. У меня нет к этому способностей. Я не такой человек, каким был мой отец, - и я всегда знал

это. Я очень старался, но у меня ничего не получалось. И я был так несчастен... Боже! Вы себе просто не представляете, как несчастен я был! Я долго пытался как-то выкрутиться и надеялся только на то, что милый старик ничего не прознает о моих неприятностях. Но потом стало ясно, что банкротства не избежать... Клеменси все поняла и согласилась со мной. Мы вдвоем придумали этот план. Никому ничего не говорить. Уехать. Пусть гроза разражается после нашего отъезда. Я собирался оставить отцу письмо с признанием... и мольбами о прощении. Отец всегда был так добр ко мне - вы себе не представляете! Но тогда бы он уже ничего не смог поделать. Вот чего я хотел: не просить его ни о чем, а начать где-нибудь вдалеке новую самостоятельную жизнь. Жить просто и скромно. Выращивать что-нибудь: кофе... фрукты... Зарабатывать только на самое необходимое. Конечно, Клеменси будет тяжело, но это ее не страшит. Она прекрасная женщина, просто прекрасная!

- Понятно, - голос моего отца был холоден. - И почему же вы передумали?

- Передумал?

- Да. Почему в конце концов вы решили пойти к отцу и просить его о денежной помощи?

Роджер непонимающе уставился на него:

- Но я этого не делал!

- Неужели, мистер Леонидис?

- Вы все совершенно неправильно поняли! Это не я пошел к отцу, а он послал за мной. Он все каким-то образом прознал в Сити - наверное, до него дошел какой-то слух... Отец всегда все знал. Он задал мне вопрос в лоб. Конечно, я сразу же признался во всем... и все рассказал ему. Я сказал, что мучаюсь не столь из-за потерянных денег, сколько из-за потерянного в его глазах доверия.

Роджер судорожно сглотнул.

- Милый папа! Вы не представляете, как он был добр ко мне! Никаких упреков. Сама доброта. Я сказал, что не хочу просить помощи у него... что хочу уехать, как и задумал... Но он даже слышать об этом не желал. И настоял на денежной помощи моей фирме.

- Вы хотите заставить нас поверить, что ваш отец намеревался оказать вам финансовую помощь? - резко спросил Тавернер.

- Конечно. Он дал письменные инструкции своим торговым агентам.

Кажется, Роджер заметил недоверие на лицах двух сидящих перед ним мужчин, потому что вдруг вспыхнул:

- Послушайте, это письмо до сих пор находится у меня. Я должен был

отослать его, но потом, в этом смятении... и горе... Я забыл. Оно лежит у меня в кармане.

Роджер вытащил бумажник, порылся в нем и наконец извлек оттуда искомое. Это был мятый конверт с почтовой маркой, адресованный, как я успел заметить, мистерам Греторексу и Ханбери.

- Прочитайте сами, если не верите мне.

Мой отец вскрыл конверт. Тавернер встал у него за плечом. Позже я узнал, что в письме давались указания мистерам Греторексу и Ханбери продать некоторое имущество старого мистера Леонидиса и на следующий день прислать к последнему представителя их фирмы для получения инструкций, касающихся помощи фирме по поставкам товаров.

- Мы выдадим вам расписку в получении этого документа, мистер Леонидис, - сказал Тавернер.

Роджер взял расписку, поднялся и сказал:

- Это все? Теперь вы видите, как было дело?

- Мистер Леонидис дал вам это письмо, и затем вы ушли. Что вы делали дальше? - спросил Тавернер.

- Я бросился к себе. Моя жена только что вернулась с работы. Я рассказал ей о решении отца. О, как он был добр ко мне!.. Я... честное слово... я едва соображал, что делаю...

- И как скоро после этого у вашего отца случился приступ?

- Сейчас, дайте подумать... где-то через полчаса или час. Прибежала Бренда, страшно испуганная. Сказала, что отцу стало плохо... Я... я бросился с ней к старику. Но все это я уже рассказывал вам.

- Во время вашего предыдущего визита на половину отца вы не заходили в смежную с комнатой отца ванную?

- Вроде, нет. Нет... Точно, нет. А почему, собственно, вам пришло в голову, что я...

Отец улыбнулся, встал и протянул Роджеру руку.

- Спасибо, мистер Леонидис. Вы очень помогли нам. Но вы должны были рассказать нам все это раньше.

Дверь за Роджером закрылась. Я поднялся, подошел к столу отца и заглянул в лежащее на нем письмо.

- Это может быть и фальшивка, - с надеждой произнес Тавернер.

- Может быть, - согласился отец. - Но я так не думаю. Похоже, мы должны смириться с ситуацией. Старый Леонидис действительно собирался выводить сына из беды. И живой Аристид помог бы фирме по поставкам быстрее и эффективнее, чем это сделает сам Роджер после смерти отца особенно сейчас, когда обнаружилась пропавшая завещания и

точная сумма унаследованных Роджером денег неизвестна. Последнее означает задержку дел и дополнительные трудности. А банкротство вот-вот произойдет. Нет, Тавернер, у Роджера Леонидиса и его жены не было причин желать смерти старика... Напротив...

Отец резко смолк, потом повторил задумчиво, как если бы размышляя над неожиданно пришедшей ему в голову мыслью:

- Напротив...

- О чем вы подумали, сэр? - поинтересовался Тавернер.

- Если бы Аристид Леонидис прожил еще хотя бы двадцать четыре часа, дела Роджера были бы в полном порядке. Но старик умер внезапно, в течение следующего часа.

- Хм. Вы думаете, кто-нибудь в доме желал разорения Роджера? - спросил Тавернер. - Имел в этом какой-то денежный интерес? Маловероятно.

- Каковы условия завещания? - спросил отец. - Кому же все-таки достаются деньги старого Леонидиса?

Тавернер раздраженно запыхтел.

- Вы же знаете этих юристов. От них никогда не добьешься прямого ответа. Согласно предыдущему завещанию, составленному после женитьбы на Бренде, последней остаются те же сто тысяч; пятьдесят тысяч - мисс де Хэвилэнд, а остальное делится пополам между Филипом и Роджером. Раз последнее завещание не подписано, вероятно, в силу вступит старое. Но все это не так просто. Во-первых, самим фактом составления нового завещания старое аннулировано. Кроме того, существуют свидетели, видевшие, как мистер Леонидис новое завещание подписывал. Представляете, какой шум поднимется, если завещание не найдется? Тогда, вероятно, его вдове достанется все или, по крайней мере, большая часть состояния.

- Значит, пропажа завещания, скорей всего, выгодна Бренде?

- Да. Если тут кроется какой-то обман, то логичнее всего предположить, что в нем замешана Бренда. А тут явно кроется какой-то обман, но будь я проклят, если могу понять, как все это удалось повернуть!

Тогда я тоже никак не мог этого понять. Полагаю, все мы проявили тогда невероятную тупость. И к тому же смотрели на дело совершенно не с той стороны.

12

После ухода Тавернера наступило молчание, потом я спросил:

- Па, а какие они, эти убийцы?

Старик задумчиво посмотрел на меня. Мы с ним так хорошо понимали друг друга, что он тут же догадался, какая именно мысль побудила меня задать этот вопрос. И ответил очень серьезно:

- Да. Сейчас все это чрезвычайно важно для тебя... Ты столкнулся с преступлением вплотную и уже не можешь оставаться просто сторонним наблюдателем.

Я всегда по-дилетантски интересовался наиболее заметными делами, которыми занимался уголовно-следственный отдел, но, как сказал отец, оставался при этом сторонним наблюдателем. Но сейчас - и София поняла это намного быстрее меня - от расследования убийства зависело очень многое в моей жизни.

Старик продолжал:

- Не знаю, верно ли ты адресовал свой вопрос. Могу порекомендовать тебе побеседовать на эту тему с парочкой занудных психиатров, работающих у нас. У них наверняка на все припасен готовый ответ. Да и Тавернер может снабдить тебя обширной информацией по этому вопросу. Но ты хочешь знать, что думаю по этому поводу лично я, исходя из своего опыта общения с преступниками?

- Вот именно, - благодарно сказал я.

- Какие бывают убийцы? Некоторые... - на лице отца появилась меланхолическая улыбка, - ...некоторые из них - исключительно приятные люди.

Наверное, вид у меня был несколько ошеломленный.

- О да, именно, - продолжал отец. - Приятные и вполне обыкновенные люди - как ты, или я, или тот парень, с которым мы недавно беседовали, Роджер Леонидис. Убийство, видишь ли, зачастую является преступлением дилетанта. О гангстерских делах я не говорю. Нередко создается впечатление, что эти приятные и вполне обыкновенные люди совершали убийство почти случайно: просто вдруг оказывались в какой-то экстремальной ситуации или что-то позарез им было нужно: деньги, женщины, например, - и они убивали с целью заполучить желаемое. У них не срабатывал тормоз, который срабатывает у большинства людей. Ребенок, как ты знаешь, претворяет желание в действие без малейших угрызений совести. Он сердится на своего котенка и говорит: "Я убью тебя", и бьет его по голове молотком. А потом долго и страшно страдает от того, что котенок больше не шевелится. Многие дети вытаскивают младших сестреночек и братишек из колясок и топят их - из чистой ревности. С возрастом они начинают понимать, что так поступать нельзя: ведь за этим последует наказание. Еще позже они начинают ч_у_в_с_т_в_о_в_а_т_ь_

с_е_р_д_ц_е_м_ невозможность таких поступков. Но некоторые люди, подозреваю, так и остаются нравственно незрелыми. Умом они понимают - убивать нельзя, но сердцем этого не чувствуют. В моей практике не было ни одного убийцы, который бы по-настоящему раскаивался в содеянном... Вероятно, это и есть Каинова печать. Убийцы стоят в стороне от рода людского, они "другие"... Да, убивать нельзя - но эта заповедь не для них: в их случае убийство было необходимо, жертва сама напросилась, в этом единственный выход...

- Как ты думаешь, мог ли кто-нибудь убить старого Леонидиса просто из ненависти?

- Из чистой ненависти? Нет, это маловероятно. - Отец взглянул на меня с любопытством: - Под ненавистью ты, вероятно, имеешь в виду доведенную до высшей степени неприязнь. Но существует еще ненависть - ревность, которая развивается из любви и разочарования. Констанс Кент, по общему утверждению, очень любила своего младшего брата, которого убила. Но по-видимому, она хотела, чтобы предназначаемые ему любовь и нежность были обращены только на нее. Думаю, люди гораздо чаще убивают тех, кого любят, нежели тех, кого ненавидят. Потому что только те, кого любишь, могут сделать твою жизнь по-настоящему невыносимой. Но всех этих рассуждений тебе недостаточно, да? - продолжал отец. - Ты хотел бы получить от меня некий универсальный опознавательный знак, по которому смог бы безошибочно узнать убийцу среди явно нормальных и приятных людей?

- Точно.

- Можно ли здесь найти какой-нибудь общий знаменатель? Интересно... Отец на секунду задумался. - А знаешь, если общий знаменатель и есть, то я склонен считать - это тщеславие.

- Тщеславие?

- Да, я никогда не встречал убийцы, который не был бы тщеславен... В девяти случаях из десяти именно тщеславие и ведет преступника к гибели. Убийца может бояться разоблачения, но при этом он страшно гордится собой и не может удержаться от хвастовства... И при этом он считает себя слишком умным, чтобы попасться на этом. - Отец помолчал и добавил: - Убийце очень хочется г_о_в_о_р_и_т_ь_.

- Говорить?

- Да. Понимаешь, совершив злодеяние, убийца чувствует себя бесконечно одиноким. Ему хочется поделиться с кем-нибудь своей тайной - но это невозможно. А раз так - ему приходится довольствоваться общими разговорами об убийстве: всесторонне обсуждать его, выдвигать различные

версии... На твоём месте, Чарлз, я бы искал именно такого человека. Поезжай снова к Леонидисам, поболтайся среди них, разговори каждого в отдельности. Конечно, это не так просто. Виновные или нет, они будут рады случаю поговорить с посторонним человеком, которому могут сказать многое из того, что не могут сказать друг другу. Но возможно, ты уловишь разницу. Человек, которому есть что скрывать, не позволит себе говорить в с е. Ребята из разведки знали это во время войны. Если тебя взяли в плен, ты можешь назвать свое имя, звание, номер своей части, но н и ч е г о б о л ь ш е. Люди, пытающиеся дать дополнительную ложную информацию, почти всегда выдавали себя. Заставь Леонидисов говорить, Чарлз, и следи внимательно: кто-то обмолвившись, может выдать себя.

Я передал отцу слова Софии о жестокости - о разных видах жестокости в этой семье. Отец заинтересовался.

- Да, - сказал он, - твоя девушка это верно подметила. В большинстве семей есть какой-то изъян, какая-то трещина в броне. Большинство людей может справиться с одной слабостью, но с двумя и разного рода справиться, как правило, не может. Интересная штука - наследственность! Возьмем, к примеру, жестокость де Хэвилэндов - и качество, которое можно назвать "нещепетильностью", свойственное Леонидисам. С де Хэвилэндами все в порядке, потому что они щепетильны, а с Леонидисами все в порядке, потому что пусть они и нещепетильны, но зато очень добры. Но вот появляется потомок, который наследует оба эти качества: жестокость и неразборчивость в средствах... Чуешь, куда я клоню?

Я уже думал об этом, только не этими словами. Отец продолжал:

- Но не буду морочить тебе голову вопросами наследственности. Все это не так легко и просто. Нет, мой мальчик, тебе следует отправиться в Суинли-Дин и з а с т а в и т ь и х г о в о р и т ь. Твоя София права в одном: и тебе, и ей нужна только правда. Ты должен д о к о п а т ь с я д о и с т и н ы.

- И повнимательней с ребенком, - добавил отец, когда я уже выходил из кабинета.

- С Джозефиной? Ты имеешь в виду не посвящать ее в свои планы?

- Нет, не это. Я имею в виду - присматривай за ней. Мы не хотим, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Я молча уставилась на отца.

- Ну-ну, Чарлз. Один из живущих в этом доме - хладнокровный убийца. А маленькая Джозефина, похоже, знает о происходящих в семействе событиях лучше всех. Она, безусловно, была осведомлена о делах Роджера - пусть ее вывод о растрате и оказался ошибочным. Но ее

показания по поводу подслушанного абсолютно соответствуют истине. Да-да. Показания ребенка всегда самые надежные показания. Им всегда можно доверять. Не в суде, конечно. Дети терпеть не могут прямых вопросов, они начинают мямлить или глядят тупыми глазами и говорят, что ничего не знают. Лучше всего, когда они похваляются, как похвалялась вчера перед тобой эта девочка. И таким образом из нее можно вытянуть очень многое. Главное - не задавать ей никаких вопросов. Притворись, что ты уверен в полной ее неосведомленности в домашних делах. Это раззадорит ее.

Отец помолчал и добавил:

- Но присматривай за ней. Она может знать несколько больше, чем требуется для полной ее безопасности.

13

Я отправился в "кривой домишко" (так я мысленно окрестил особняк Леонидисов) с легким чувством вины. Хотя я и рассказал инспектору Тавернеру о показаниях Джозефины относительно Роджера, но умолчал о ее заявлении насчет того, что Бренда и Лоуренс Браун состоят в любовной переписке.

Я пытался убедить себя: это чистой воды выдумка, верить которой нет никаких оснований. Но в действительности я просто чувствовал странное нежелание помогать сбору дополнительных улик против Бренды Леонидис. Мне было жаль бедную женщину, окруженную решительно настроенными против нее людьми. Если эти письма и существуют, несомненно Тавернер со своими мирмидонами их рано или поздно найдет. Мне же не нравилась роль человека, бросающего очередное подозрение на оказавшуюся в трудном положении женщину. Более того, она ведь торжественно поклялась мне: между ней и Лоуренсом ничего такого нет, и я был склонен больше верить ей, чем этому зловредному гному Джозефине. И разве Бренда сама не сказала, что у Джозефины очень даже "все дома".

Я вспомнил умное выражение круглых блестящих глазок девочки и отогнал прочь неприятную мысль о том, что у Джозефины очень даже "все дома".

Я позвонил Софии и спросил, можно ли мне снова прийти к ним.

- Пожалуйста, Чарлз.

- Как у вас дела?

- Не знаю. Вроде все в порядке. Полицейские продолжают осматривать дом. Чего они ищут?

- Понятия не имею.

- Мы все начинаем нервничать. Приезжай поскорей. Я просто сойду с ума, если не поговорю с кем-нибудь.

Я сказал, что выхожу немедленно. Когда я подъехал к парадному входу дома, вокруг никого не было видно. Я заплатил таксисту, и машина уехала. Я заколебался, соображая, позвонить ли мне или войти без звонка. Дверь была открыта.

В это время за моей спиной раздался легкий шум. Я резко обернулся. В проеме живой изгороди стояла Джозефина и пристально смотрела на меня: лицо девочки было частично скрыто огромным яблоком.

Встретившись со мной взглядом, она отвернулась.

- Привет, Джозефина.

Ничего не ответив, девочка исчезла за изгородью. Я пересек дорожку и последовал за ней. Она сидела на неудобной деревянной скамье декоративного пруда, болтая ногами и сосредоточенно вгрызаясь в яблоко, поверх сферической розовой поверхности которого ее глаза наблюдали за мной мрачно и как будто враждебно.

- Я снова приехал, Джозефина, - сказал я.

Это было никудашное начало, но молчание Джозефины и ее немигающий взгляд несколько обескуражили меня.

Продемонстрировав великолепное стратегическое чутье, девочка продолжала молчать.

- Вкусное яблоко? - спросил я.

На этот раз Джозефина решила снизить до ответа. Последний состоял из одного слова:

- Червивое.

- Жаль, - сказал я. - Я не люблю червивые яблоки.

- Никто не любит, - презрительно заметила Джозефина.

- Почему ты не ответила мне, когда я поздоровался?

- Не хотела.

- Почему?

Джозефина отняла яблоко от лица, дабы обеспечить большую четкость произношения.

- Вы пошли и нафискалили полиции.

- О! - Я несколько растерялся. - Ты имеешь в виду... о...

- О дяде Роджере.

- Но, Джозефина, уже все в порядке - поспешно заверил я ее. - Все в полном порядке. Полицейские знают, что он не сделал ничего плохого...

Джозефина метнула на меня злобный взгляд.

- Как вы глупы!

- Но почему?

- Я беспокоюсь вовсе не о дяде Роджере. Просто следственную работу

нельзя вести таким образом. Разве вы не знаете, что полицейским н_и_ч_е_г_о_ нельзя рассказывать до самого последнего момента?

- О, понимаю, - сказал я. - Я виноват. Я действительно очень виноват.

- Естественно. - И добавила укоризненно: - А я вам верила.

Я сказал, что виноват, в третий раз, и Джозефина как будто немного смягчилась. Она энергично куснула яблоко еще пару раз.

- Но полиция все равно выяснила бы это обстоятельство, - сказал я. Ты... я... мы не смогли бы долго держать его в секрете.

- Вы имеете в виду скорое банкротство его фирмы?

Как всегда, Джозефина была прекрасно информирована.

- Да, думаю, дело кончится именно банкротством.

- Сегодня вечером состоится семейный совет по этому поводу, сообщила Джозефина. - На нем будут присутствовать папа, мама, дядя Роджер и тетя Эдит. Тетя Эдит собирается отдать дяде Роджеру свои деньги правда, она еще не получила наследства. А папа вряд ли станет помогать. Он говорит, если Роджер попал в переплет, то винить должен только себя самого. А мама и слышать не желает ни о какой помощи Роджеру, так как хочет, чтобы папа вложил деньги в ее "Эдит Томпсон". Вы знаете что-нибудь про Эдит Томпсон? Она была замужем, но не любила своего мужа, а любила молодого человека по имени Байуотерс, который однажды увязался за этим мужем после спектакля и ударил его ножом в спину.

Я еще раз подивился необычной направленности интересов и полноте познаний маленькой Джозефины, а также драматическому чутью, которое позволяло ей изложить все волнующие факты истории буквально в двух словах.

- На словах-то все гладко получается, - сказала Джозефина. - Но думаю, спектакль провалится, как и "Иезавель". - Девочка вздохнула. Интересно все-таки знать, почему псы не съели кисти ее рук.

- Джозефина, - сказал я. - Ты говорила, что знаешь почти наверняка, кто является убийцей?

- Ну.

- И кто же?

Джозефина одарила меня презрительным взглядом.

- Понимаю, - сказал я. - В самый последний момент? И даже если я пообещаю ничего не говорить инспектору Тавернеру?

- Мне нужно собрать еще некоторые улики, - сказала Джозефина. - И в любом случае, - добавила она, швыряя огрызок яблока в пруд, - в_а_м_ я не скажу. Если вы вообще тянете в этой истории на какую-то роль - то только на роль Ватсона.

Я проглотил это оскорбление.

- О'кей, - сказал я. - Я Ватсон. Но даже Ватсону предоставлялись исходные данные.

- Чего-чего? - Факты. А он из них выводил разные ошибочные заключения. Несколько мгновений Джозефина боролась с соблазном. Потом отрицательно потрясла головой:

- Нет. - И добавила: - И вообще, я не особо увлекаюсь Шерлоком Холмсом. Он ужасно устарел. Представляете, в то время ездили в кэбах?

- А что эти письма? - спросил я.

- Какие письма?

- Письма, которые, как ты говорила, Лоуренс Браун и Бренда пишут друг другу.

- Я это придумала, - сказала Джозефина.

- Я тебе не верю.

- Да. Придумала. Я часто придумываю всякую всячину. Развлекаюсь таким образом.

Я уставился на нее. Она уставилась на меня.

- Послушай, Джозефина. У меня есть один знакомый, который работает в Британском музее. Он знает все-все про Библию. Если я у него узнаю, почему собаки не съели кисти рук Иезавели, ты расскажешь мне о письмах?

На этот раз Джозефина заколебалась по-настоящему.

Где-то поблизости громко треснула сухая ветка. Наконец Джозефина решительно произнесла:

- Нет, не расскажу.

Я вынужден был смириться с поражением. Несколько запоздало я вспомнил совет отца.

- Ну ладно, - сказал я. - Все это всего лишь игра. Конечно, ты просто ничего не знаешь.

Джозефина яростно сверкнула на меня глазами, но не поддалась искушению.

Я поднялся со скамейки.

- Мне надо идти искать Софию. Пойдем.

- Я останусь здесь, - сказала Джозефина.

- Нет, не останешься. Ты пойдешь со мной.

Я бесцеремонно поднял ее и поставил на ноги. Девочка, казалось, удивилась и хотела было запротестовать, но сдержалась - отчасти, несомненно, потому, что была не прочь понаблюдать за реакцией домашних на мое появление.

В тот момент я и сам не смог бы объяснить, почему настаиваю на том, чтобы Джозефина непременно пошла со мной. Я понял это только когда мы уже входили в дом.

Меня насторожил резкий треск сухой ветки.

14

Из большой гостиной доносился приглушенный шум голосов. Я поколебался, но прошел мимо и, повинувшись какому-то импульсу, открыл дверь, ведущую на половину слуг, и оказался в темном коридоре. Внезапно одна из выходящих в коридор дверей распахнулась, и в освещенном проеме появилась полная пожилая женщина в белоснежном накрахмаленном фартуке. При виде нее у меня сразу же возникло чувство покоя и уверенности, какое всегда возникает в присутствии старой доброй няни. Мне тридцать пять, но внезапно я ощутил себя четырехлетним мальчиком, надежно защищенным от всех невзгод.

Нэнни никогда раньше меня не видела, но сразу же сказала:

- Это мистер Чарлз, не так ли? Заходите на кухню, я угощу вас чайком.

Кухня была просторная, светлая, с веселыми занавесками на окнах. Я сел за стоящий посередине стол, и Нэнни поставила передо мной чашку чая и блюдечко с двумя пирожными. Больше чем когда-либо в жизни я почувствовал себя маленьким ребенком в уютной детской. Здесь царили доброта и спокойствие - и страх темноты и ночные ужасы оставили меня.

- Мисс София очень обрадуется вашему приходу, - сказала Нэнни. - Она чересчур возбуждена сегодня. - И добавила осуждающе: - Все они чересчур возбуждены.

Я оглянулся через плечо:

- А где Джозефина? Она вошла в дом вместе со мной.

Няня неодобрительно поцокала языком.

- Вечно подслушивает под дверями и что-то записывает в этот дурацкий блокнот, который постоянно таскает с собой. Ей бы ходить в школу да играть со своими ровесниками. Я это говорила мисс Эдит, и она согласилась со мной, но хозяин решил, что девочку лучше держать дома.

- Наверное, он очень любит ее, - сказал я.

- Да, сэр. Он очень любил их всех.

Я несколько удивился тому обстоятельству, что чувства Филипа к своим отпрыскам так определенно относятся к прошедшему времени. Нэнни увидела выражение моего лица и, чуть покраснев, пояснила:

- Когда я говорю "хозяин", я имею в виду старого мистера Леонидиса.

Прежде чем я успел ей ответить, дверь распахнулась и в кухню вошла София.

- О, Чарлз... - выдохнула она и потом быстро проговорила: - Нэнни, как я рада, что он пришел!

- Знаю, золотко.

Нэнни нагрузила поднос кастрюлями и сковородками и отправилась в судомойную. Когда дверь за ней закрылась, я встал из-за стола, подошел к Софии, обнял ее за плечи и притянул к себе.

- Милая, - сказал я. - Ты вся дрожишь. В чем дело?

- Мне страшно, Чарлз. Страшно.

- Я люблю тебя, - сказал я. - Если бы только я мог забрать тебя отсюда...

София отстранилась и покачала головой:

- Нет, это невозможно. Мы должны пройти через все это. Но, Чарлз, как тяжело знать наверняка, что... кто-то в этом доме... кто-то, с кем я вижу и разговариваю каждый день, является хладнокровным расчетливым убийцей...

Я ничего не мог ответить на это. Такая девушка, как София, не нуждается в пустых, ничего не значащих словах утешения.

- Если бы только з_н_а_т_ь_... - прошептала она. - - Больше всего меня пугает, что мы можем не узнать н_и_к_о_г_д_а_...

Да, это действительно было страшно представить... И действительно существовала возможность так никогда и не узнать имени убийцы.

И тут я вспомнил, что хотел задать Софии один вопрос на интересующую меня тему.

- Скажи, София, а кто в доме знал об этих глазных каплях, об эзерине? То есть, первое, что они у бабушки есть и, второе, что они смертельно ядовиты?

- Понимаю, куда ты клонишь. Но это бесполезно. Об этом знали все.

- Да, конечно, вообще знали все... Но конкретно...

- Мы все знали конкретно. Как-то мы пили кофе у бабушки всей семьей. Он любил, когда вся семья собиралась вокруг него. Вдруг у него заболели глаза, и Бренда достала эзерин, чтобы закапать бабушке. А Джозефина, которая всегда и по любому поводу задает вопросы, спросила: "Почему на этикетке написано "Только для наружного употребления?" А бабушка улыбнулся и ответил: "Если бы Бренда по ошибке ввела мне в вену вместо инсулина эзерин, пожалуй, я бы задохнулся от негодования, порядком посинел и затем умер, потому что, видишь ли, у меня не очень сильное сердце." - "О-о..." сказала Джозефина, а бабушка продолжал: "Так что мы должны внимательно следить за тем, чтобы Бренда не перепутала лекарства и не сделала мне инъекцию эзерина вместо инсулина". - София

помолчала и закончила: - Мы все это слышали, понимаешь? Мы все это слышали!

Я понимал. Если до сих пор у меня еще оставалась слабая надежда, что убийца должен был обладать какими-то специальными знаниями, то теперь оказалось: старый Леонидис самолично подсказал убийце план действий. Преступнику не нужно было ничего придумывать - простой и легкий способ умерщвления предложила ему сама жертва.

Я глубоко вздохнул. Прочитав мои мысли, София сказала:

- Да, это ужасно.

- Знаешь, София, - медленно проговорил я, - я понял одну вещь.

- Какую?

- Ты права: Бренда этого сделать не могла. Она не могла убить старика именно этим способом... после его слов, которые вы все слышали... и все прекрасно помните...

- Не знаю. Бренда довольно глупа в некоторых отношениях.

София отошла от меня.

- Тебе не хочется, чтобы это оказалась Бренда, да?

Что я мог ответить на этот вопрос? Я не мог, просто не мог заявить: "Нет. Я надеюсь, убийцей окажется Бренда".

Почему? Не знаю, просто я видел: Бренда осталась совсем одна против враждебно настроенной могущественной семьи Леонидисов. Было ли это рыцарством? Жалостью к слабому, к незащитному? Я вспомнил, как Бренда сидела на тахте в своем дорогом траурном платье. Вспомнил нотки безнадежности в её голосе и выражение страха в глазах.

Тут очень кстати вернулась Нэнни и, не знаю, каким образом, сразу же почувствовала возникшую между мной и Софией напряженность.

- Все только и говорят, об убийствах и тому подобном, неодобрительно заворчала она. - Забудьте об этом, вот мой вам совет. Вас это дело совершенно не касается.

- О, Нэнни... разве ты не понимаешь, в этом доме живет убийца...

- Чепуха, мисс София. Просто не знаю, что с вами делать. Разве передняя дверь не открыта все время? Да все двери в доме открыты... Свободный вход любым ворам и грабителям.

- Но ведь это не мог быть грабитель, ведь ничего не украдено! И вообще, зачем грабителю отравлять дедушку?!

- Я не сказала, что это был грабитель, мисс София. Я только сказала: все двери в доме всегда открыты. В дом легко мог войти любой человек. Я лично считаю - это дело рук коммунистов. - Нэнни покивала с удовлетворенным видом.

- Но чего ради коммунистам убивать бедного дедушку?

- Ну... за всеми темными делами стоят коммунисты. А если и не коммунисты, то по крайней мере нечестивые католики. Блудница Вавилонская вот кто они такие. И с видом человека, сказавшего свое последнее и решительное слово, Нэнни снова отправилась в судомойную.

Мы с Софией рассмеялись.

- Старый добрый протестант, - заметил я.

- Да. Слушай, Чарлз, пойдем в гостиную. Там что-то вроде семейного совета. Вообще-то мы намечали его на вечер, но решили начать пораньше.

- Наверное, мне не стоит влезать в ваши дела?

- Если ты собираешься когда-нибудь стать членом нашей семьи, тебе лучше заблаговременно познакомиться с ней поближе.

- А что обсуждается сегодня на семейном совете?

- Дела дяди Роджера. Кажется, ты в курсе его неприятностей. Но как ты мог подумать, что он убил дедушку? Дядя Роджер просто обожал его!

- Я подозревал не Роджера, а Клеменси.

- Только потому, что я сама подкинула тебе эту мысль. Думаю, Клеменси совершенно не расстроится, если Роджер потеряет все деньги. Скорей всего, она даже будет довольна этим. У нее странная страсть не иметь лишних денег. Пойдем.

Когда мы с Софией вошли в гостиную, громкие голоса сразу смолкли. Все посмотрели на нас.

Вся семья была в сборе. Филип сидел у окна в большом, обтянутом малиновой парчой кресле. Его красивое лицо напоминало холодную суровую маску. Он походил на судью, готового огласить приговор. Роджер пристроился на пуфике у камина. Видимо, продолжительное время он нервно ерошил волосы, и сейчас они стояли дыбом по всей голове. Левая штанина у него задралась, галстук сдвинулся набок. Великан тяжело дышал, лицо его покраснелось. Рядом с мужем сидела Клеменси - ее миниатюрная фигура буквально утопала в огромном глубоком кресле. Отвернув лицо в сторону от остальных присутствующих, она бесстрастным взглядом изучала обшитые деревом стены. Эдит, прямая как палка, восседала на дедушкином кресле и, плотно сжав рот, с невероятной скоростью орудовала вязальными спицами. Самыми привлекательными фигурами в гостиной были Магда и Юстас, будто сошедшие с портрета Гейнсборо. Мать и сын расположились на диване - смуглый красивый подросток с мрачным взглядом и около него, небрежно бросив руку на спинку дивана, Магда, герцогиня из замка "Три фронтона", в изысканном темном халате, из-под полы которого была аккуратно выставлена

маленькая ножка в парчовой туфельке.

Филип нахмурился.

- София, - сказал он, - извини, но мы обсуждаем внутрисемейные дела.

Мисс де Хэвилэнд звякнула спицами. Я приготовился извиниться и выйти, но София опередила меня.

- Мы с Чарлзом, - сказала она звонким решительным голосом, собираемся пожениться. Я хочу, чтобы мой жених присутствовал на семейном совете.

- А почему бы и нет? - вскричал Роджер, порывисто вскакивая с пуфика. - Я повторяю, Филип, в этом деле нет ничего секретного! Завтра-послезавтра об этом узнает весь мир. И в любом случае, мой мальчик, - Роджер подошел ко мне и дружески положил руку на мое плечо, - вы все равно уже все знаете. Вы же присутствовали при моем утреннем разговоре с полицейскими в Скотленд-Ярде.

- Расскажите! Расскажите же мне! - воскликнула Магда, подаваясь вперед. - Какая в Скотленд-Ярде обстановка? Это так интересно! В кабинетах там стулья или кресла? Какие занавески на окнах? Никаких цветов, наверное? Диктофоны на столах?

- Угомонись, мама, - сказала София. - Ты же велела Джону Вавасуру выбросить из пьесы сцену в Скотленд-Ярде, посчитав ее малодинамичной и неубедительной.

- Да, она сводит пьесу к дешевому детективу, - согласилась Магда. - В то время как "Эдит Томпсон" - это психологическая драма или психологический триллер... Какое из определений звучит лучше?

- Вы были в полиции сегодня утром? - резко спросил Филип. - Зачем? Ах, да... ваш отец...

Он нахмурился, и я еще более отчетливо понял, что мое присутствие здесь крайне нежелательно, но София крепко держала меня за руку.

Клеменси пододвинула мне стул:

- Присаживайтесь.

Я благодарно взглянул на нее и воспользовался предложением.

- Можете говорить, что хотите, - сказала мисс де Хэвилэнд, очевидно продолжая прерванный разговор, - но мы должны уважать желания Аристиды. Как только все формальности с завещанием будут улажены, я тут же отдам тебе все свои деньги, Роджер.

Роджер яростно дернул себя за волосы.

- Нет, тетя Эдит! Н е т! - выкрикнул он.

- Мне хотелось бы произнести те же слова, - заговорил Филип, - но нужно принять во внимание все факторы...

- Старина Фил, неужели тебе непонятно? Я не собираюсь ни у кого брать ни полпенни.

- Конечно, ему непонятно, - резко заметила Клеменси.

- В любом случае, Эдит, - сказала Магда, - когда все формальности с завещанием будут улажены, у Роджера появится собственный капитал.

- Но ведь эти формальности вряд ли будут улажены к нужному сроку, подал голос Юстас.

- Ты не можешь судить об этом, Юстас, - отрезал Филип.

- Мальчик абсолютно прав! - воскликнул Роджер. - Он попал в самую точку! Ничто уже не в силах предотвратить банкротства. Ничто!

В голосе его как будто слышалось облегчение.

- Так что здесь и обсуждать нечего, - добавила Клеменси.

- Так или иначе, все эти разговоры не имеют никакого значения, сказал Роджер.

- А я считаю, все эти разговоры имеют очень даже большое значение. Филип поджал губы.

- Нет! - воскликнул Роджер. - Н е т! Что может иметь значение по сравнению со смертью отца?! Папа _у_м_е_р_! А мы сидим здесь и обсуждаем какие-то денежные дела. Бледные щеки Филипа чуть порозовели.

- Мы просто пытаемся как-то помочь тебе, - холодно заметил он.

- Я знаю, Фил. Знаю, старина. Но ничего уже нельзя поделать, и нужно смириться с этим.

- Пожалуй, я все-таки _м_о_г_у_ собрать некоторую сумму. Правда, цены на недвижимость упали в последнее время и часть капитала я просто не имею права трогать - деньги Магды и тому подобное... но...

- Конечно, тебе не набрать достаточную сумму, дорогой, - быстро вмешалась Магда. - Смешно даже пытаться... И это было бы непорядочно по отношению к нашим детям.

- Говорю же вам, я ни у кого ничего не прошу! - завопил Роджер. - Я уже _о_х_р_и_п_, повторяя вам одно и то же. Меня абсолютно устраивает существующее положение вещей.

- Это вопрос престижа, - сказал Филип. - И отца, и нашего.

- Это было не семейное предприятие. Концерном владел я е_д_и_н_о_л_и_ч_н_о_.

- Да, - Филип холодно посмотрел на брата. - Концерном владел ты единолично.

Эдит де Хэвилэнд встала.

- Полагаю, мы достаточно подробно обсудили эту тему. Железные

нотки в ее властном голосе всегда оказывали свое действие. Филип и Магда поднялись. Юстас неторопливо направился к двери, и я впервые обратил внимание на некоторую скованность его походки. Мальчик не то чтобы прихрамывал, но передвигался неровными, скачущими шагами.

Роджер взял Филипа под руку: Спасибо, Фил, за предложение помощи!
- И братья вышли вместе.

- Дурацкая нервозность! - пробормотала Магда, удаляясь вслед за ними.

София сказала, что должна распорядиться насчет моей комнаты, и ушла тоже.

Эдит де Хэвилэнд поднялась с места, складывая свое вязание. Старая леди посмотрела на меня, и мне показалось, она хочет заговорить со мной. Ее взгляд был почти умоляющим. Но потом тетя Эдит вдруг передумала, вздохнула и вышла из комнаты вслед за остальными.

Клеменси подошла к окну и стояла там, глядя в сад. Я приблизился и стал рядом с ней. Она чуть повернула голову в мою сторону.

- Слава Богу, все кончено, - произнесла Клеменси и, помолчав, добавила с отвращением: - Какая все-таки нелепая комната!

- Вам не нравится?

- Я здесь задыхаюсь. Здесь всегда стоит запах полумертвых цветов и пыли.

Наверное, Клеменси была не вполне справедлива к этой комнате, но я понял, что она имеет в виду. Все дело определено заключалось в особенности интерьера.

Это была комната истинной женщины: экзотичная, кокетливо-нарядная, надежно укрытая от порывов холодного ветра. Мужчина здесь не мог бы чувствовать себя в своей тарелке. Среди этих пышных декораций невозможно было расслабиться, читать газеты и курить трубку, беззаботно вытянув ноги. Тем не менее я предпочел бы гостиную Магды пустым холодным комнатам Клеменси наверху. То есть я вообще отдавал предпочтение роскошному будуару перед анатомическим театром.

- Это же просто сцена с декорациями, - продолжала Клеменси, оборачиваясь. - Подходящий интерьерчик для разыгрывания сцен в духе Магды Леонидис. - Клеменси взглянула на меня: - Вы же, наверное, поняли, что здесь сейчас происходило? Акт второй. Семейный совет. Его организовала Магда без всякой в том необходимости. Говорить было не о чем, и нечего было обсуждать. Постановка закончена.

В ее голосе не слышалось печали - скорей удовлетворение. Клеменси поймала мой взгляд.

- О, неужели вы не поняли? - нетерпеливо спросила она. - Мы с мужем с_в_о_б_о_д_н_ы_ - наконец-то свободны! Неужели вы не поняли: долгие годы Роджер был несчастен - совершенно н_е_с_ч_а_с_т_е_н_?! Его никогда не тянуло к бизнесу. Он любит лошадей, коров и бесхитростную деревенскую жизнь. Но он обожал своего отца - они все его обожали. Вот что неладно в этом доме: слишком уж тут сильно чувство семьи. Не хочу сказать, будто старик был тираном, который терзал и запугивал своих детей. Вовсе нет. Он дал им деньги и свободу. Но он был им предан всей душой. А они были преданы ему.

- Разве это плохо?

- Думаю, да. Когда дети вырастают, родители должны отойти в сторону, вычеркнуть себя из их жизней, з_а_с_т_а_в_и_т_ь_ их забыть себя.

- Заставить? Довольно крутая мера, вы не находите? Разве принуждение не одинаково неприемлемо в любой форме?

- И если он не смог стать для своих детей т_а_к_о_й_ личностью...

- Но ведь он б_ы_л_ личностью, - заметил я.

- Да. И слишком сильной для Роджера. Роджер преклонялся перед отцом, выполнял все его прихоти. Он хотел быть достойным сыном своего замечательного отца. И не мог. Мистер Леонидис передал ему свою радость и гордость - фирму по поставкам. И Роджер отчаянно пытался не ударить в грязь лицом. Но у него нет никаких способностей к предпринимательству. В деловых вопросах Роджер - скажем прямо! - просто дурак. И это разбивало его сердце. Долгие годы бедняга страдал, видя, как дела фирмы неуклонно катятся под гору, из кожи лез вон, пытаюсь поправить положение. Он постоянно носился с какими-то "блестящими" идеями и проектами, которые всегда с треском проваливались... Это ужасно - из года в год осознавать себя неудачником. Вы не представляете себе, как Роджер был несчастен все это время! А я очень даже хорошо представляю. - Клеменси снова повернулась ко мне: - И вы действительно могли предположить, что Роджер убил отца из-за денег?! Ведь это просто... просто нелепо!

- Теперь я это понимаю, - смущенно признался я.

- Когда Роджер узнал, что фирма находится на грани банкротства, он впервые за долгое время вздохнул облегченно. Да-да! Его волновала единственно реакция отца - и больше ничего. И он с радостью и надеждой глядел в наше с ним будущее. - Лицо женщины дрогнуло, и голос ее смягчился.

- И куда вы собирались ехать?

- На Барбадос. Там недавно умерла моя дальняя родственница. Она оставила мне крохотное поместье - о, действительно крохотное! Но по крайней мере есть куда ехать. Пусть мы жили бы очень бедно, но зарабатывать себе на хлеб мы всегда сумели бы. И там мы были бы одни, вдали от всех Леонидисов... - Она вздохнула. - Роджер смешной. Он всю жизнь беспокоится о том, что мне не хватает денег. Наверное, леонидисовское отношение к богатству слишком глубоко засело в его сознании. Мы с моим первым мужем жили очень бедно, и Роджер считает, что я благородно приносила себя в жертву! И он не понимает - именно тогда я и была счастлива, по-настоящему счастлива! И все же... я никогда не любила Ричарда так сильно, как люблю Роджера.

Глаза Клеменси были полузакрыты. Я почти физически ощущал силу ее сдержанной страсти.

Наконец она открыла глаза и посмотрела на меня:

- Так что, вы видите, я никогда никого не стала бы убивать из-за денег. Я не люблю деньги.

И она имела ввиду именно то, что говорила. Клеменси Леонидис относилась к тем редким людям, для которых деньги ничего не значат, которые не любят роскошь, предпочитают ей суровую простоту обстановки и подозрительно относятся ко всякого рода приобретениям.

Но все же для многих деньги хоть и не имеют ценности сами по себе, но важны как средство, дающее силу и власть.

- Вы можете не желать денег для себя, - осторожно сказал я. - Но ведь их можно вложить в важные и интересные предприятия - например, в научные исследования.

Мне казалось, Клеменси должна быть фанатически предана науке, но она ответила:

- Не думаю, что вложения капитала в науку приносят особую пользу. Стоящие открытия обычно делаются по вдохновению энтузиастами, преданными идее людьми. Дорогое оборудование и тщательная подготовка к экспериментам не так эффективны, как вы полагаете. Вложенные в науку деньги попадают, как правило, не в те руки.

- Вам не жаль будет бросать работу? Вы ведь не передумали ехать на Барбадос?

- О, конечно, мы отправимся туда, как только полиция позволит нам это сделать. Нет. Мне совсем не жаль бросать работу. Я ненавижу бездействие, но на Барбадосе это мне не грозит. - И она добавила с тревогой: - О, скорей бы все утряслось, чтобы мы могли спокойно уехать отсюда!

- Клеменси, а у вас есть какие-нибудь подозрения насчет личности убийцы? - спросил я. - У вас наверняка должны быть какие-то догадки.

Клеменси искоса бросила на меня странный взгляд. Ее голос разом потерял былую непринужденность и зазвучал напряженно и резко:

- Строить догадки - антинаучно. В данной ситуации ясно одно: самыми очевидными подозреваемыми являются Брендэ и Лоуренс.

- Значит, вы думаете, это их рук дело?

Клеменси пожала плечами.

Несколько мгновений мы стояли молча, словно прислушиваясь к чему-то, потом Клеменси повернулась и вышла из гостиной, столкнувшись в дверях с мисс де Хэвилэнд.

Эдит решительно направилась ко мне:

- Я бы хотела поговорить с вами.

В моей памяти всплыли слова отца. Было ли это?..

Но Эдит де Хэвилэнд продолжала:

- Надеюсь, у вас не сложилось ложного впечатления о Филипе. Его бывает довольно трудно понять иногда. Он может показаться скрытным и холодным, но это совсем не так. Просто такая манера поведения. И Филип ничего не может с этим поделать.

- Да я и не думал... - начал было я.

Но старая леди не дала мне вставить слово.

- И сейчас... в этой истории с Роджером. Филип вовсе не скуп. Деньги никогда не имели для него никакого значения. И он очень милый... и всегда был очень милым... Просто его надо понять.

Я смотрел на старую леди, всем своим видом показывая, что я как раз и есть тот, кто хочет его понять. Эдит де Хэвилэнд продолжала:

- Частично все происходит из-за того, что Филип - второй ребенок в семье. Второму ребенку часто приходится трудней, чем первенцу. Понимаете, Филип обожал отца. Конечно, все дети обожали Аристида, и он отвечал им взаимностью. Но Роджером он особенно гордился и восхищался, потому что это был старший сын - и первый ребенок. И думаю, Филип всегда ощущал предпочтение, отдаваемое старшему брату. Он замкнулся в себе. Погрузился в книги, в историю и прочие занятия, не имеющие ничего общего с повседневностью. Наверное, он страдал... Дети всегда страдают...

Старая леди помолчала и снова заговорила:

- В общем, я хочу сказать, Филип всегда страшно ревновал отца к Роджеру. И едва ли сам осознавал это. И вряд ли банкротство старшего брата тронуло Филипа так сильно, как должно было бы... О, ужасно

говорить такие вещи, но я уверена - Филип сам этого не понимает...

- Вы имеете в виду, что Филипа, скорей, радует неудача брата?

- Да, - сказала мисс де Хэвилэнд. - Именно это я и имею в виду. - И добавила, слегка нахмурившись: - Меня очень расстроило, что он не сразу предложил Роджеру помощь.

- А почему он должен предлагать ему помощь? - спросил я. - В конце концов Роджер наломал дров. Он взрослый человек. Детей у него нет. Если бы он был болен или слезно просил о помощи, конечно, семья помогла бы ему. Но несомненно, Роджер просто предпочитает начать новую и совершенно самостоятельную жизнь.

- О да! Его волнует только самочувствие Клеменси. А Клеменси абсолютно загадочное существо. Ей действительно нравится испытывать неудобства и иметь в хозяйстве не больше одной чашки для чая. Вероятно, это очень современно. У этой женщины нет чувства прошлого и нет чувства красоты.

Старая леди разглядывала меня пронизательными глазами.

- Это ужасное испытание для Софии, - продолжала она. - Мне жаль, что ее молодость омрачена этой трагедией. Я, знаете ли, люблю их всех. Роджера и Филипа... И внуков: Софию, Юстаса и Джозефину. Чудесные дети. Дети и внуки моей сестры Марции. Да, я нежно люблю их... - Эдит помолчала и резко добавила: - Но имейте в виду, подобное чувство граничит с идолопоклонством.

Она решительно повернулась и вышла из гостиной. Мне показалось, последним замечанием старая леди хотела что-то подчеркнуть - но я не мог понять, что именно.

15

- Твоя комната готова, - сказала София.

Она стояла около меня и смотрела через окно в сад. Сад с раскачивающимися на ветру полуобнаженными деревьями казался серым и печальным.

- Какое запустение... - тихо произнесла София, угадав мои мысли.

В это время из-за живой изгороди со стороны декоративного садика появилась фигура и вслед за ней - другая. Оба человека казались серыми бесплотными тенями в неверном свете осеннего дня. Первой шла Бренда Леонидис. Она куталась в серую шиншилловую шубку и, ступая с кошачьей грацией, скользила сквозь сумрачный воздух как жутковатый призрак. Когда она проходила мимо окна, я рассмотрел ее лицо. На нем блуждала знакомая мне туманная кривая полуулыбка, которую я уже видел накануне, когда разговаривал с молодой вдовой в ее гостиной. Несколькими

секундами позже мимо окна проплыла худая сгорбленная фигура Лоуренса Брауна. Эти двое не походили на прогуливающих в саду людей - зыбкие и невесомые, они напоминали приведения, прячущиеся от людского взора.

"Интересно, - подумал, - не под ногой ли Брендды или Лоуренса громко треснула та сухая ветка?.."

И по ассоциации мыслей я спросил:

- А где Джозефина?

- Наверное, в классной комнате с Юстасом. - София нахмурилась: Чарлз, меня очень тревожит Юстас.

- Почему?

- Последнее время мальчик какой-то мрачный и странный. Знаешь, он так изменился после этой ужасной болезни... Не могу понять, что у него на уме. Иногда мне кажется, он ненавидит всех нас.

- Вероятно, это пройдет. Просто переходный возраст.

- Может быть... Но все равно мне тревожно.

- Да почему же, милая?

- А потому, наверное, что отца с матерью совсем не беспокоит состояние Юстаса. Они словно и не родители ему.

- Может, оно и к лучшему. Чаще дети страдают от чрезмерной опеки, чем от равнодушия.

- Это правда. Знаешь, я как-то не задумывалась об этом до своего возвращения из-за границы, но мои родители составляют престранную пару. Отец всецело погружен в мир каких-то отдаленных исторических эпох, а мать чудесно проводит время, организуя вокруг себя театральные действия. Сегодняшнее дурацкое представление - дело исключительно ее рук. Никакой нужды в этом семейном совете не было. Маме просто хотелось разыграть сцену семейного совета. Бедняжка иногда страшно скучает здесь и развлекается по мере сил и способностей.

На какой-то миг мне представилось фантастическое видение: Магда с легким сердцем отравляет старого свекра в целях разыграть трагедию с убийством с собой в главной роли.

Дурацкая мысль! Я тут же отогнал ее в сторону, но у меня в душе остался какой-то неприятный осадок.

- За мамой нужен глаз да глаз, - сказала София. - Никогда не знаешь, что она может выкинуть в следующий момент.

- Забудь о своей семье, - твердо сказал я.

- Я бы с удовольствием, но это слишком трудно сделать в настоящий момент. Как счастлива я была в Каире, когда на какое-то время забыла их всех!

В те времена София действительно никогда не упоминала о своем доме и семье.

- Поэтому ты никогда ничего не рассказывала о них? - спросил я. Хотела забыть их?

- Наверное, да... Знаешь, все мы слишком тесно связаны. Мы... все мы слишком любим друг друга и этим отличаемся от тех семей, где каждый смертельно ненавидит другого. Конечно, ненависть - страшное зло. Но жить разрываясь между противоположными привязанностями едва ли не страшней... Наверное, именно это я и имела в виду, когда говорили, что все мы как-то криводушны и жалки. Помнится, я хотела сказать: все мы не в состоянии существовать независимо друг от друга, не умеем стоять без подпорок и расти вверх сами по себе. Все мы какие-то немного изломанные, искривленные...

И вдруг с нами оказалась Магда, которая ворвалась в комнату, с грохотом распахнув дверь и крича:

- Милые мои! Что же вы не включаете свет?! Уже темно!

Она принялась щелкать выключателями, и на стенах и на столах засияли светильники и лампы. Мы втроем задержали тяжелые розовые занавеси на окнах и очутились в благоухающем королевском будуаре. И Магда упала на диван восклицая:

- Какая это была невероятная сцена! И как был раздражен Юстас! Он сказал мне, что находит этот семейный совет совершенно неприличным! Мальчишки такие странные в этом возрасте! - Она вздохнула. - Роджер - просто лапочка. Я его обожаю, когда он начинает ерошить волосы и наткаться на мебель. Не правда ли, со стороны Эдит было очень мило предложить Роджеру деньги? Вряд ли она действительно собиралась расстаться с деньгами - это просто жест. Но это страшно глупо... Филип, должно быть, почувствовал себя обязанным последовать ее примеру! Конечно, Эдит готова н_а_ в_с_е_ ради семьи. В любви старой девы к племянникам есть что-то очень трогательное. Когда-нибудь я сыграю одну из этих преданных семье незамужних тетусшек. Излишне любопытных, упрямых и преданных семье до мозга костей.

- Наверное, ей пришлось трудно после смерти сестры, - заметил я, не желая быть втянутым в обсуждение очередной роли Магды. - Раз она так сильно не любила старого Леонидиса.

- Не любила? - прервала меня Магда. - Кто вам это сказал? Она всегда любила его!

- Мама! - воскликнула София.

- Не спорь со мной, дорогая. Конечно, в твоём возрасте естественно

воображать, что любовь - это двое прекрасных молодых людей в лунном свете.

- Но мисс Эдит сама сказала мне, что никогда не любила покойного, настаивал я.

- Может, поначалу и не любила. Она не могла простить сестре этот брак. Да, у них с Аристидом была своего рода вражда. Но Эдит безусловно любила его! Дорогая, я знаю что говорю! Конечно, Аристид не мог жениться на сестре умершей жены и все такое прочее... и ему вряд ли вообще приходила в голову подобная мысль. Да и Эдит наверняка тоже не думала на эту тему. Она была совершенно счастлива, занимаясь с детьми и конфликтуя с Аристидом. Но она страшно переживала, когда он женился на Бренде. С_т_р_а_ш_н_о_ переживала!

- Не больше, чем ты или папа, - сказала София.

- Конечно, мы все были возмущены этим браком! Конечно! Но Эдит была возмущена больше всех. Дорогая моя, я не раз замечала, как она смотрела на Бренду!

- Ну-ну, мама.

Магда бросила на Софию нежный, чуть виноватый взгляд - взгляд шаловливого избалованного ребенка - и продолжала, явно не замечая своей непоследовательности:

- Я решила отдать Джозефину в школу.

- Джозефину? В школу?

- Да. В Швейцарии. Завтра я буду говорить об этом с одним своим знакомым. Я действительно считаю: Джозефину нужно н_е_м_е_д_л_е_н_н_о отослать из этого дома. Вся эта ужасная обстановка ей абсолютно не на пользу. Ребенок она болезненный и слишком впечатлительный. Ей необходимо общение со сверстниками. Веселая школьная жизнь. Я всегда так считала.

- Дедушка категорически запрещал отдавать ее в школу, - медленно проговорила София.

- Милый старый дорогуша любил держать всех нас под присмотром. Старые люди часто эгоистичны в этом смысле. Ребенок должен расти среди детей. К тому же в Швейцарии прекрасный, здоровый климат... и всякие зимние виды спорта... чудесный воздух и гораздо, гораздо более хорошие продукты!

- Но сейчас ведь, наверное, трудно устроить ребенка в швейцарский пансионат? - спросил я.

- Чепуха, Чарлз! Существует специальная организация, занимающаяся этими вопросами. И потом в Лозанне живет Рудольф Альстир! Я позвоню

ему завтра, и он _в_с_е_ устроит. Джозефину можно будет отправить уже к концу недели.

Магда взбила диванную подушку, мило улыбнулась нам, подошла к двери и, обернувшись, одарила нас совершенно чарующим взглядом.

- Ах, дорогие мои! - восторженно произнесла она. - Подумайте лучше о цветах... О синих горечавках и белых нарциссах...

- Это в октябре-то? - спросила София, но Магда уже ушла.

София облегченно вздохнула.

- Да, - сказала она. - Мама, конечно, чрезвычайно утомительна. Вечно носится с какими-то внезапными идеями, посылает в разные концы света тысячи телеграмм с тем, чтобы все было улажено в мгновение ока. Зачем ей понадобилось так срочно отсылать Джозефину в Швейцарию?

- Но в ее рассуждениях есть здравый смысл. Полагаю, общение со сверстниками пойдет Джозефине на пользу.

- Дедушка так не считал, - упрямо сказала София.

Я почувствовал легкое раздражение.

- Но, милая София, неужели по-твоему девяностолетний старик мог лучше всех судить о том, что необходимо для благоденствия ребенка?

- Дедушка мог судить лучше всех о благоденствии любого члена семьи, ответила София.

- И лучше тети Эдит?

- Нет, наверное, не лучше. Тетя Эдит оказывает предпочтение школьному воспитанию. Да, Джозефина - довольно трудный ребенок... Эта ужасная привычка подсматривать и подслушивать... Но я все-таки думаю, ее испортили эти дурацкие игры в сыщиков...

Только ли забота о благополучии Джозефины заставила Магду принять это неожиданное решение, подумалось мне. Девочка была невероятно хорошо информирована обо всех событиях, происходивших в доме накануне убийства и абсолютно никак ее не касающихся. Здоровая жизнь в пансионате с играми и занятиями спортом на свежем воздухе безусловно пойдет ей только на пользу. Но мне все-таки показалось странным внезапное настойчивое желание Магды отослать дочь в Швейцарию - ведь Швейцария находится очень далеко отсюда.

16

"Разговори их", - сказал мне мой старик.

Бреясь на следующее утро перед зеркалом в ванной комнате, я размышлял над тем, как далеко завела меня эта тактика.

Со мной разговаривали Эдит де Хэвилэнд - она специально искала возможности поговорить со мной. И Клеменси разговаривала со мной (или

я с ней?). Со мной побеседовала Магда - в том смысле, что я составлял часть аудитории, присутствовавшей на одном из ее спектаклей. Естественно, со мной разговаривала София. И даже Нэнни. Извлек ли я что-нибудь важное из всех этих разговоров? Обратил ли внимание на какое-нибудь важное слово или фразу? Заметил ли в ком-нибудь признаки того противоестественного тщеславия, о котором упоминал мой отец? Нет, ничего подобного я не заметил.

Естественным, кто не выразил ни малейшего желания общаться со мной, был Филип. Разве это не противоестественно в некотором смысле? Он уже давно должен знать, что я собираюсь жениться на его дочери, и все же продолжает вести себя так, как если бы меня в доме вовсе не было. Вероятно, мое присутствие здесь ему неприятно. Эдит де Хэвилэнд извинилась за своего воспитанника, объяснив, что это просто такая манера поведения. Она как-будто обеспокоена состоянием Филипа. Почему?

Я принялся размышлять об отце Софии. Во всех отношениях он представляет собой прекрасный пример подавленной индивидуальности. Несчастный, терзающий ревностью ребенок. Он замкнулся в себе, нашел прибежище в мире книг и отдаленного исторического прошлого. Под маской хладнокровия и самообладания могут бушевать сильные страсти. Мотив денежной выгоды от смерти отца казался неубедительным - Филип Леонидис не стал бы убивать старика из-за денег. Но желание смерти отца может иметь глубокие психологические причины. Филип возвращается в дом обожаемого родителя, но вслед за ним сюда же переезжает и Роджер, лишившийся жилища в результате бомбежки. И вот Филип изо дня в день вынужден видеть предпочтение, оказываемое отцом своему любимому первенцу... Можно ли предположить, что измученный ревностью мозг нашел единственный путь к покою - через убийство старика? К тому же в этом случае подозрения падали бы на Роджера, который находился на грани банкротства и отчаянно нуждался в деньгах. Ничего не зная о разговоре Роджера с отцом и о решении последнего помочь сыну, разве не мог Филип надеяться - мотив брата покажется полиции достаточно серьезным? Насколько серьезно нарушено душевное равновесие Филипа, что это привела его к убийству?

Я порезал подбородок и чертыхнулся.

Чем я, собственно, занимаюсь? Пытаюсь повесить убийство на отца невесты? Очень мило с моей стороны! София позвала меня сюда вовсе не за этим.

Или... все-таки за этим? За просьбой Софии о помощи явно скрывалось нечто большее. Пока у нее есть какие-то смутные подозрения,

касающиеся отца, она никогда не согласится выйти за меня замуж. А поскольку это все-таки София - ясноглазая, смелая и бескомпромиссная, - она хочет знать правду, потому что любая неопределенность всегда будет стоять непреодолимой преградой между нами. По сути дела девушка говорила мне: "Докажи, что мои дикие подозрения несправедливы, - либо докажи, что они справедливы. Я хочу знать правду, сколь бы страшна она ни была!"

А может, Эдит де Хэвиленд знает - или предполагает, - что Филип виновен? Что она подразумевает под словами "это чувство граничит с идолопоклонством"?

И почему Клеменси посмотрела на меня так странно, когда я спросил ее, кого она подозревает? И ответила: "Самыми очевидными подозреваемыми являются Бренда и Лоуренс".

Все хотят, чтобы преступниками оказались Бренда и Лоуренс; все надеются на это, и никто по-настоящему не верит в виновность Бренды и Лоуренса...

Но конечно, все могут и ошибаться. И в конце концов, преступниками действительно могут оказаться Бренда и Лоуренс.

Или один Лоуренс - без Бренды...

Это был бы лучший вариант из всех возможных.

Я кончил промокать порезанный подбородок и спустился к завтраку, твердо решив побеседовать с Лоуренсом как можно скорей.

Только после второй чашки кофе я осознал, что "кривой домишко" уже оказал свое влияние и на меня: я тоже хотел найти не верное решение вопроса, но то, которое устроило бы меня лучшим образом.

После завтрака я прошел через холл и поднялся по лестнице. София сказала, что Лоуренса можно найти в классной комнате с Юстасом и Джозефиной.

На верхней площадке перед дверью Бренды я нерешительно остановился. Должен ли я позвонить или постучать - или могу зайти без спроса? Я решил вести себя так, будто весь дом принадлежал Леонидисам, не выделяя из него личные апартаменты Бренды.

Я открыл дверь и вошел. На половине Бренды было тихо и пустынно. Слева от меня находилась закрытая дверь в большую гостиную, а справа - две открытые двери; одна из них вела в спальню, другая же - в смежную со спальней ванную комнату. Это и была та самая ванная, где хранились лекарства Аристиды Леонидиса.

Осмотр этих помещений полиция уже закончила. Я воровато оглянулся и неслышно проскользнул в ванную. Теперь я понял насколько легко

любому из домашних (или любому постороннему с улицы, если уж на то пошло!) подняться на второй этаж и проникнуть на половину Аристида никем не замеченным.

Я осмотрелся. Это была роскошная ванная, облицованная сияющим кафелем. По одну руку от меня стояли разные электрические приборы: небольшая электрическая плитка с грилем, электрический чайник, тостер словом, все, что может понадобиться камердинеру, обслуживающему старого джентльмена. На стене висел белый эмалированный шкафчик. Я открыл его. В шкафчике находились разные медицинские принадлежности: два медицинских стакана, глазная ванночка, пипетка и несколько пузырьков с этикетками; аспирин, борная кислота, йод, эластичные бинты и прочее. На отдельной полочке - пузырьки с инсулином, бутылочка медицинского спирта и две иглы для подкожного впрыскивания. На третьей полочке стояла бутылочка с таблетками, и здесь же, несомненно, прежде стоял и пузырек с глазными каплями. В шкафчике царили чистота и порядок: при надобности все необходимое очень легко мог найти любой - в том числе и убийца.

Я мог бы спокойно поманипулировать пузырьками, потом неслышно выйти из ванной, спуститься вниз - и никто никогда не узнает, что я заходил сюда. Ничего нового во всех этих размышлениях не было, но просто я еще раз понял, насколько трудна стоящая перед полицией задача.

Узнать правду можно только от самого преступника - или преступников.

- Припугни их, - наставлял меня Тавернер. - Не давай им передохнуть. Дай им понять, что мы напали на след. Рано или поздно преступник перестанет вести себя естественно, начнет нервничать и осторожничать - и вот тогда мы и схватим его".

Что ж, до сих пор преступник ничем себя не выдал.

Я вышел из ванной. По-прежнему не встретив ни души, я пошел по коридору мимо столовой, расположенной слева, и затем мимо смежной с ванной комнатой спальни Брендды. Там делала уборку одна из горничных. Дверь столовой была закрыта. Откуда-то сверху слабо доносился голос Эдит де Хэвилэнд - старая леди разговаривала по телефону все с тем же торговцем рыбой. На третий этаж вела винтовая лестница. Я поднялся. Там находились спальня и гостиная тети Эдит, еще две ванны и комната Лоуренса Брауна. Оттуда короткий лестничный марш вел вниз, к просторному помещению, расположенному над половиной слуг, которое использовалось как классная комната.

У двери классной комнаты я остановился. До меня долетел голос

Лоуренса Брауна. Должно быть, страсть Джозефины к подслушиванию была заразна, потому что я без малейшего угрызания совести прислонился к косяку и навострил ухо.

Шел урок истории, темой которого был период французской Директории. По мере того как я слушал, глаза мои удивленно расширились: Лоуренс Браун оказался великолепным преподавателем. Непонятно, почему это меня так удивило. В конце концов, Аристид Леонидис прекрасно разбирался в людях. Несмотря на свою мышиную внешность, Лоуренс обладал редким даром пробуждать энтузиазм и воображение в своих учебниках. Драма термидора, гонения сторонников Робеспьера, величие Бараса, коварство Фуше, полуголодная жизнь молодого офицера Наполеона - все казалось живым и достоверным в изложении учителя.

Вдруг Лоуренс прервал повествование и предложил Юстасу и Джозефине поставить себя на место сначала одного, потом другого героя исторической драмы. От Джозефины, голос которой звучал как-то насморчно, учитель не добился внятного ответа, но Юстас отвечал умно и рассудительно, демонстрируя острое историческое чутье, несомненно унаследованное им от отца. И в голосе мальчика не слышалось обычной мрачности.

Потом раздался скрип отодвигаемых стульев. Я рванул к лестнице, прыгнул на несколько ступенек вверх - и когда дверь классной комнаты распахнулась, я мирно спускался по лестнице в коридорчик.

Из классной комнаты вышли Джозефина и Юстас.

- Привет, - сказал я.

Юстас удивленно взглянул на меня и удивленно спросил:

- Вам что-то здесь надо?

Джозефина, не проявив никакого интереса к моему появлению, проскользнула мимо меня.

- Я просто хотел взглянуть на классную комнату, - довольно неубедительно ответил я.

- Вы же видели ее. Просто комната для малышни. Раньше здесь была детская, и тут до сих пор полно игрушек.

Он придержал дверь, пропуская меня. Лоуренс Браун стоял у стола. Подняв на меня глаза, он вспыхнул, пробормотал что-то невразумительное в ответ на мое приветствие и торопливо вышел.

- Вы его напугали, - заметил Юстас. - Его очень легко напугать.

- Ты любишь его, Юстас?

- О! С ним все в порядке. Конечно, он страшный осел.

- Но хороший преподаватель? - Да, с ним довольно интересно. Он

страшно образованный и умеет посмотреть на вещи с самой неожиданной стороны. Я, например, никогда не знал, что Генрих Восьмой писал стихи Анне Болейн, само собой разумеется, - и премилые стихи, между прочим.

Некоторое время мы с мальчиком оживленно обсуждали "Сказание о Древнем Мореходе", произведения Чосера, политическую подоплеку крестовых походов, средневековое понимание смысла жизни, а также удивительный, с точки зрения Юстаса, факт отмены Кромвелем рождественских праздников. За вечной раздражительностью и дурными манерами юного Леонидиса скрывался, как я понял, любознательный и живой ум.

Для меня стала очевидной и причина ожесточенности мальчика: болезнь являлась для него не только тяжелым физическим испытанием, но и крушением всех надежд, трагедией, разыгравшейся в тот момент, когда он всем существом радовался жизни.

- На следующий семестр я бы уже перешел в одиннадцатый класс. Довольно фигово постоянно торчать дома и делать уроки с такой малявкой, как Джозефина. Ей же всего двенадцать.

- Да, но вы же занимаетесь по разным программам, правда?

- Конечно, она еще не проходит высшую математику и латынь. Но кому охота делить учителя с д е в ч о н к о й?

Я попытался успокоить его уязвленное мужское самолюбие, заметив, что Джозефина - не по годам развитой ребенок.

- Вы полагаете? Я считаю ее ужасно глупой. Она свихнулась на этой детективной белиберде - бродит по дому, сует всюду свой нос, чиркает что-то в черном блокнотике и притворяется, будто очень много знает. Просто маленькая глупая девчонка, - презрительно сказал Юстас. - И кроме того, добавил он, - девчонки не могут быть настоящими сыщиками. Я ей уже говорил это. Думаю, мама совершенно права, и чем скорей Джо отправят в Швейцарию, тем лучше.

- Ты не будешь скучать по ней?

- Скучать по этой малявке? - высокомерно удивился Юстас. - Конечно, буду. Бог мой, наш дом - это просто что-то невообразимое! Мать постоянно носит в Лондон и заставляет посредственных сценаристов переписывать для нее посредственные сценарии, и постоянно поднимает страшный шум по ничтожнейшим поводам. А отец сидит запершись в кабинете со своими книгами и зачастую даже не слышит, как к нему обращаются. Почему мне достались такие странные родители? Дядя Роджер всегда так доброжелателен и участлив, что иногда просто с души воротит. С тетей Клеменси все в порядке: она, по крайней мере, никому не докучает своим

присутствием, но иногда производит впечатление не вполне нормальной. Тетя Эдит - тоже ничего, но она слишком стара. С приездом Софии в доме стало немного повеселей, хотя сестрица временами бывает чересчур резка. Но согласитесь все-таки, странная семейка? Когда бабушка по возрасту годится тебе в тети или в старшие сестры, чувствуешь себя по-идиотски.

Отчасти я мог понять мальчика, потому что смутно помнил и собственную сверхчувствительность в этом возрасте, свой ужас и стыд при мысли о том, что я или мои родственники можем показаться смешными и непохожими на окружающих людей.

- А дедушка? - спросил я. - Ты любил его?

Странное выражение скользнуло по лицу Юстаса.

- Дедушка, - сказал он, - был абсолютно антисоциальным элементом!

- В каком смысле?

- Он думал только о своей выгоде. Лоуренс утверждает, это в корне неправильная позиция. И дедушка был очень большим индивидуалистом. Такие черты должны отмирать со временем, как вы считаете?

- Что ж, - довольно резко сказал я, - он, собственно, и умер.

- Не такая уж это трагедия, - заметил Юстас. - Не хочу показаться жестоким, но по-моему, в этом возрасте уже нельзя по-настоящему р_а_д_о_в_а_т_ь_с_я_ жизни.

- И твой дед уже не радовался?

- Естественно, нет. И в любом случае он умер вовремя. Он...

Юстас смолк, увидев входящего в классную комнату Лоуренса.

Мистер Браун принялся рыться в книгах на столе, но мне показалось, краешком глаза он наблюдает за мной.

Наконец молодой человек взглянул на наручные часы и сказал:

- Пожалуйста, будь здесь ровно в одиннадцать, Юстас. Мы очень много пропустили за последние несколько дней.

- О кей, сэр.

Юстас неторопливо направился к двери и вышел, что-то насвистывая.

Лоуренс Браун метнул еще один настороженный взгляд в мою сторону и нервно облизал губы. Я был уверен - он вернулся в классную комнату с единственной целью поговорить со мной.

Наконец после нескольких бессмысленных манипуляций, долженствующих изображать поиски нужной ему книги, Лоуренс заговорил:

- Э-э... И насколько же они продвинулись в следствии?

- Они?

- Полицейские.

Его ноздри задрожали. Мышь в ловушке, подумалось мне. Настоящая мышь в ловушке.

- Они не верят мне свои секреты, - ответил я. - О! Мне показалось, помощник комиссара - ваш отец.

- Так оно и есть, - подтвердил я. - Но естественно, он не разглашает служебной тайны.

Я говорил намеренно напыщенным тоном.

- Значит, вы не знаете, как... что... если... - его голос сорвался. Они никого не собираются арестовывать?

- Насколько мне известно, пока нет. Но повторяю, я не в курсе дела.

"Напугай их", - говорил мне инспектор Тавернер. Что ж, Лоуренс Браун был явно напуган.

Он, страшно нервничал, зачастил:

- Вы не представляете себе, что это такое.. Это напряжение... Не знаешь, как... я имею в виду, они просто приходят и уходят... задают дурацкие вопросы, как будто не имеющие никакого отношения к делу...

Молодой человек резко смолк. Я ждал. Он хочет поговорить - что ж, пусть говорит.

- Вы здесь были в тот день, когда главный инспектор сделал то чудовищное предположение? Относительно меня и миссис Леонидис?.. Ч_у_д_о_в_и_щ_н_о_е_ предположение! И ведь ничего нельзя поделать. Нельзя... запретить людям строить догадки! И все это так несправедливо! Просто потому, что она... была гораздо моложе мужа... Это ужасная мысль, ужасная! Я чувствую... не могу не чувствовать... это организованный з_а_г_о_в_о_р_!

- Заговор? Интересно.

Это было действительно интересно, хотя и не в том смысле, в каком понял молодой человек.

- Эта семья, вы знаете... В семье мистера Леонидиса никогда не любили меня. Всегда меня чуждались. Я всегда ощущал их презрение.

У Лоуренса затряслись руки.

- Просто потому, что они всегда были богаты и могущественны. Они смотрели на меня свысока. Кто я для них? Всего лишь жалкий учительшка, человек, отказавшийся от воинской службы. Но у меня были на это веские основания! Были!

Я промолчал.

- Ладно, - взорвался Лоуренс. - Пусть я... испугался! Испугался вдруг не потяну, вдруг в нужный момент не сумею заставить себя нажать спусковой крючок. Как можно быть уверенным, что убиваешь именно

нациста, а не простого деревенского паренька, не имеющего никаких политических убеждений и просто призванного в армию? Я убежден: война - это зло и несправедливость. Твердо убежден.

Я продолжал молчать. Молчание сейчас было уместней любых реплик, потому что Лоуренс Браун спорил с собой, раскрывая при этом скрытые доселе стороны своей души.

- Все постоянно смеются надо мной. - Голос его задрожал. - У меня какая-то феноменальная способность всегда выглядеть смешным. Не то чтобы я трус, но я все время делаю все невпопад. Однажды я бросился в горящий дом спасать женщину, но сразу же заблудился в комнатах, потерял сознание от удушья, и пожарникам пришлось долго разыскивать меня. Я слышал потом, как они говорили: "И чего этот идиот полез не в свое дело?" Я вечный неудачник, и все вечно недовольны мной. Тот, кто убил мистера Леонидиса, подстроил все так, чтобы подозрение падало на меня. Убийца хотел погубить м е н я!

- А что вы можете рассказать о миссис Леонидис? - спросил я.

Лоуренс вспыхнул и стал чуть больше похож на человека и чуть меньше на мышь.

- Миссис Леонидис - это ангел, - сказал он. - Ангел. Ее нежность и доброта по отношению к старому мужу достойны восхищения. И подозревать ее в отравлении смешно, просто смешно! И как этот меднолобый инспектор не понимает этого!

- Он настроен с некоторым предубеждением, - пояснил я, - из-за большого количества раскрытых дел об отравлениях пожилых мужей нежными молодыми женами.

- Несносный болван! - сердито отрезал Лоуренс Браун.

Он подошел к книжному шкафу и принялся рыться в нем. Решив, что у учителя мне больше ничего не удастся вытянуть, я медленно вышел из классной комнаты.

17

Когда я шел по коридору, слева от меня неожиданно распахнулась дверь, и откуда-то сверху мне под ноги свалилась Джозефина.

Она появилась так эффектно, как появляется дьявол в старомодном пантомиме. Лицо и руки были перепачканы пылью, с одного уха свешивалась густая длинная паутина.

- Ты откуда, Джозефина?

Я заглянул в открытую дверь. Несколько ступенек вели наверх, в прямоугольное чердачное помещение, в глубине которого маячило несколько больших котлов.

- Из котельной.

- А что ты там делала?

- Расследовала, - деловито сообщила Джозефина.

- Но что можно расследовать в котельной?

На это Джозефина просто сказала:

- Мне нужно умыться.

- Это уж непременно.

Девочка исчезла за дверью ближайшей ванной комнаты, потом выглянула оттуда и спросила:

- Вам не кажется, что пришло время для второго убийства?

- Что ты имеешь в виду?.. Какого второго убийства?

- Ну как же, в книгах всегда совершается второе убийство - вскоре после первого. Убийца убивает того, кто слишком много знает, пока тот не успел ничего рассказать полиции.

- Ты читаешь слишком много детективов, Джозефина. В жизни так не бывает. И если кто-нибудь в этом доме что-нибудь и знает, он меньше всего хочет делиться своими знаниями с полицией.

Голос Джозефины прозвучал невнятно из-за шума льющейся в умывальник воды:

- Бывает, кто-то что-то знает, но сам об этом не догадывается.

Я поморгал, обдумывая последнее высказывание. Потом, оставив Джозефину совершать омовение, направился вниз.

Как раз в тот момент, когда я выходил на лестничную площадку второго этажа, из дверей своей гостиной легко и стремительно выскользнула Бренда.

Она приблизилась ко мне, взяла меня за руку и заглянула мне в глаза:

- Ну что?

Тот же вопрос, только иначе сформулированный, задал мне Лоуренс. И единственное произнесенное устами Бренды слово было гораздо более действенным, чем все сбивчивые тирады Лоуренса.

Я отрицательно покачал головой:

- Ничего нового.

Женщина глубоко вздохнула:

- Я так боюсь, Чарлз... Так боюсь...

Ее страх был непритворным; сейчас, в этом тесном пространстве, он как будто передался и мне, и я еще раз остро ощутил одиночество Бренды среди этого враждебного окружения.

Она как будто отчаянно воскликнула: "Кто, кто же на моей стороне?!" И что можно было бы ей ответить? Лоуренс Браун? Но кто такой, в конце

концов, этот Лоуренс Браун? Разве можно на него опереться в трудную минуту? Слабое, жалкое существо. Я вспомнил, как накануне вечером эти двое проплывали в сумерках мимо окон гостиной.

Мне очень хотелось помочь Бренде. Но я ничего не мог для нее сделать и не мог сказать ей ничего утешительного. И в глубине души я чувствовал себя виноватым, словно за мной следили насмешливые глаза Софии. "Она успела тебя обработать", - слышался мне голос девушки.

И София никак не желала войти в положение Бренды - одинокой, беспомощной, подозреваемой в убийстве женщины.

- На завтра назначено официальное дознание, - сказала Бренда. Что... что там будет происходить?

Здесь я мог успокоить ее.

- Пусть это вас не волнует. Дознание отложено. Хотя это развяжет языки газетчикам. До сих пор в прессе не появлялось никаких сообщений, что мистер Аристид умер не естественной смертью. Леонидисы - очень влиятельная семья. Но сейчас, когда дознание отложено, вероятно, и начнется самое забавное.

(Какие дикие слова иногда срываются с языка! Забавное! Почему я употребил именно это слово?!)

- Это все... будет ужасно?

- На вашем месте я бы просто никому не давал никаких интервью. И знаете, Бренда, вам нужен адвокат...

Она отпрянула в сторону, задохнувшись от ужаса.

- Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Просто юрист, охраняющий ваши интересы и могущий посоветовать, что делать и говорить и чего не делать и не говорить. Вы же понимаете, - добавил я, - вы остались совсем одна.

Она сжала мою руку:

- Да! Вы поняли это. Вы помогли мне, Чарлз, помогли...

Я повернулся и начал спускаться вниз с чувством некоторого облегчения и удовлетворения... И тут я увидел стоящую на ступеньках Софию. Голос девушки был холоден и сух.

- Где ты пропадаешь так долго? - осведомилась она. - Звонили из Лондона. Твой отец срочно хочет видеть тебя.

- Он в Скотленд-Ярде?

- Да.

- Интересно, зачем я понадобился ему? Он ничего не говорил?

София отрицательно покачала головой. Взгляд ее был тревожен. Я притянул девушку к себе.

- Не волнуйся, дорогая моя, - сказал я. - Я скоро вернусь.

В кабинете отца царила какая-то напряженная атмосфера. Мой старик сидел за столом, главный инспектор Тавернер стоял у окна, опершись плечом о стену. В кресле посетителей сидел мистер Гэйтскилл, явно чем-то раздраженный.

- ...оскорбительное недоверие... - холодно говорил он.

- Конечно, конечно - успокаивал его отец. - А, привет, Чарлз! Ты как раз вовремя. Тут обнаружили некоторые удивительные обстоятельства дела.

- Беспрецедентный случай, - вставил мистер Гэйтскилл.

Маленький поверенный был явно уязвлен чем-то до глубины души. За его спиной инспектор Тавернер ухмылялся мне.

- Я расскажу, с вашего позволения? - сказал отец. - Мистер Гэйтскилл получил сегодня любопытную записку, Чарлз. От некоего мистера Агродополуса, владельца ресторана "Дельфос". Это глубокий старик, грек по национальности. Очень давно Аристид Леонидис выручил его - тогда еще молодого человека - из беды, и Агродополус навсегда сохранил чувство благодарности к другу юности и благодетелю. И похоже, Аристид безоговорочно доверял ему.

- Никогда бы не поверил, что Леонидис так подозрителен и скрытен, раздраженно заговорил мистер Гэйтскилл. - Конечно, он был в весьма преклонных годах... практически на грани старческого слабоумия.

- Видите ли, мистер Гэйтскилл, - мягко заметил отец, - когда человек очень стар, он часто уносится мыслями в свои молодые годы, к друзьям юности.

- Но я вел дела Леонидиса больше сорока лет! - взвился поверенный. Сорок три с половиной года, если уж быть точным.

Тавернер снова ухмыльнулся.

- А что, собственно, случилось? - поинтересовался я.

Мистер Гэйтскилл открыл было рот, но отец опередил его:

- В своей записке мистер Агродополус сообщал, что выполняет указания, данные его другом Аристидом Леонидисом. Короче, с год назад мистер Леонидис отдал ему на хранение письмо, которое мистер Агродополус должен был передать мистеру Гэйтскиллу сразу после смерти старого Леонидиса. В случае же если мистер Агродополус умрет первым, передача письма возлагалась на его сына, крестника мистера Леонидиса. В своей записке мистер Агродополус извиняется за задержку, объясняя ее тем, что болел воспалением легких и узнал о смерти старого друга только вчера вечером.

- Все это в высшей степени непрофессионально! - прошипел мистер Гэйтскилл.

- Вскрыв запечатанный конверт и ознакомившись с его содержанием, мистер Гэйтскилл счел себя обязанным...

- В данных обстоятельствах, - вставил поверенный.

- ...ознакомить с ним и нас. В конверте находится завещание старого Леонидиса, должным образом подписанное и заверенное, и сопроводительное письмо.

- То есть завещание наконец-то обнаружилось? - уточнил я.

Мистер Гэйтскилл побагровел.

- Это не то завещание! - рявкнул он. - Это не тот документ, который я составлял по просьбе мистера Леонидиса. Это завещание написано его собственной рукой! Очевидно, мистер Леонидис хотел выставить меня полным идиотом.

Главный инспектор Тавернер попытался налить немного бальзама на душевные раны поверенного.

- Все-таки он был очень стар, мистер Гэйтскилл, - сказал он. - А старики, как правило, все с приветом... Нет, они не сумасшедшие - просто слегка эксцентричные.

Мистер Гэйтскилл только фыркнул в ответ.

- Итак, мистер Гэйтскилл позвонил нам, - продолжал отец, - и вкратце ознакомил нас с содержанием завещания. Я попросил его прийти сюда и принести с собой документ. И позвонил тебе, Чарлз.

Я до сих пор не понимал, зачем здесь понадобилось мое присутствие. Поведение отца и Тавернера в данном случае казалось мне непонятным. В свое время я, безусловно, узнал бы об условиях завещания, и, в конце концов, меня совершенно не касалось, как старый Леонидис распорядился своими деньгами.

- Это что, совсем другое завещание? - спросил я. - - То есть наследство распределяется как-то иначе?

- Естественно, - сказал поверенный.

Мой отец внимательно смотрел на меня. И главный инспектор Тавернер тоже смотрел на меня очень внимательно. Я почувствовал себя несколько неуютно... Что-то было у них на уме - что-то, о чем я никак не мог догадаться.

Я вопросительно взглянул на Гэйтскилла.

- Условия завещания мистера Леонидиса, - сказал поверенный, - конечно же, ни для кого не являются секретом. Просто я посчитал себя обязанным ознакомить с этим документом сначала помощника комиссара и

инспектора, дабы получить от них дальнейшие инструкции. Насколько я понимаю... мистер Гэйтскилл сделал паузу. - Между вами и мисс Софией Леонидис существует... э-э... взаимопонимание, так скажем?

- Я надеюсь жениться на ней, - ответил я. - Но в данный момент мисс Леонидис не желает объявлять о помолвке.

- Очень разумно с её стороны, - заметил мистер Гэйтскилл.

Мысленно я с ним не согласился, но сейчас было не до споров.

- Согласно этому завещанию, - произнес мистер Гэйтскилл, датированному двадцать девятым ноября прошлого года, мистер Леонидис после отказа ста тысяч фунтов в пользу своей жены, оставляет все остальное состояние целиком и полностью своей внучке, Софии Катерине Леонидис.

У меня отвалилась челюсть. Я ожидал всего, чего угодно, но только не этого.

- Он оставил все Софии? - тупо переспросил я. - Как странно. А по каким соображениям?

- Все свои соображения по этому поводу он очень ясно изложил в сопроводительном письме, - сказал отец, беря со стола лист бумаги. - Вы не возражаете, если Чарлз ознакомится с ним, мистер Гэйтскилл?

- Мне все равно, - холодно ответил поверенный. - Это письмо, по крайней мере, предлагает хоть какое-то объяснение ситуации и хоть в какой-то мере извиняет дикое поведение мистера Леонидиса.

Мой старик вручил мне лист бумаги, исписанный мелким неразборчивым почерком, по которому можно было судить о сильном характере и неординарности его обладателя.

"Дорогой Гэйтскилл!

Вы будете удивлены, получив это письмо, и, вероятно, обижены. Но у меня есть причины вести себя с непонятной для вас скрытностью. Я всегда глубоко верил в Индивидуальность. В любой семье (это я заметил еще в детстве и запомнил навсегда), как правило, есть одна сильная личность, которой суждено нести на себе груз забот и проблем всех остальных родственников. В моей семье такой личностью всегда был я. Я переехал в Лондон, устроился здесь и всю жизнь помогал живущим на Смирне родственникам; однажды вызволил из тюрьмы одного из братьев, потом купил одной из сестер свободу от несчастливого брака и так далее. Бог благосклонно даровал мне долгую жизнь и счастливую возможность вырастить детей и внуков. Многих забрала смерть, остальные же - к моей радости живут под одной крышей со мной. После моей смерти бремя ответственности, которое сейчас несу я, должен будет взять на свои плечи

кто-то другой. Я долго сомневался, делить ли мне состояние среди моих любимых родственников на - по возможности - равные части, и пришел к выводу, что в результате такое равенство обернется неравенством. Люди не рождаются одинаковыми - и для того чтобы компенсировать разницу природных качеств, необходимо перераспределить баланс. Другими словами, кто-то должен стать моим преемником и взять на себя ответственность за всю остальную семью. По долгом размышлении я пришел к выводу, что ни один из моих сыновей на это не способен. Мой горячо любимый сын Роджер абсолютно не обладает деловой хваткой и, несмотря на прекрасную душу, слишком импульсивен, чтобы верно оценивать ситуацию. Филип слишком неуверен в себе, чтобы сделать в жизни что-нибудь большее, чем уйти от действительности в мир книг. Мой внук Юстас слишком еще молод, и я не думаю, что он обладает необходимым для лидера здравым смыслом. Он ленив и легко поддается постороннему влиянию. И только моя внучка София, по-моему, обладает всеми требуемыми качествами: она умна, рассудительна, решительна, умеет объективно оценивать ситуацию и, полагаю, благородна духом. Ей я и поручаю ответственность за благоденствие семьи и за благоденствие моей дорогой свояченицы Эдит де Хэвилэнд, которой я глубоко благодарен за пожизненную преданность и верность нашей семье.

Все вышесказанное является объяснением прилагаемого документа. Гораздо труднее мне объяснить вам, мой старый друг, почему я прибегнул к подобному обману. Я просто посчитал разумным не возбуждать лишних разговоров и раздумий по поводу того, как я распорядился своим состоянием, и не хотел ставить семью в известность о своем решении касательно Софии. Поскольку оба моих сына уже в достаточной мере обеспечены деньгами, я не считаю, что условия данного завещания ущемят их жизненные интересы.

Во избежание лишних разговоров и домыслов я попросил вас составить для меня завещание, которое и зачитал вслух на семейном собрании, после чего положил документ на стол, прикрыв его листом промокательной бумаги и велел пригласить в гостиную двух слуг для его подписания. Когда они подошли ко мне, я чуть сдвинул вверх промокашку, открыв нижнюю часть листа с текстом завещания, поставил на нем свою подпись, после чего предложил расписаться и свидетелям. Излишне пояснять, что при этом подписано было завещание, приложенное к данному письму, а не составленное вами и зачитанное мной семье.

Не смею надеяться, что вы сможете понять причины, побудившие меня совершить подобный поступок, - я просто прошу вас простить меня за

скрытность. Старики любят хранить свои маленькие секреты.

Спасибо вам, мой дорогой друг, за усердие, с которым вы всегда вели мои дела. Засвидетельствуйте перед Софией мою глубокую любовь к ней и призовите ее разумно править семьей.

Искренне преданный вам Аристид Леонидис".

Я ознакомился с этим замечательным документом с огромным интересом.

- Невероятно! - сказал я, кончив читать.

- В высшей степени невероятно! - мистер Гэйтскилл поднялся с кресла. - Повторяю, я всегда полагал, что мой старый друг мистер Леонидис доверяет м_н_е_.

- Нет, Гэйтскилл, - сказал мой отец. - Старый джентльмен был природным хитрецом. Он всю жизнь любил неординарные ходы, _к_р_и_в_ы_е_ окольные пути.

- Это уж точно, сэр, - с чувством подтвердил Тавернер. - Он был хитрец из хитрецов.

Гэйтскилл выплыл из кабинета с по-прежнему оскорбленным видом. Как профессионал он был уязвлен до глубины души.

- Для него это тяжелый удар, - заметил инспектор Тавернер. - Очень уважаемая фирма "Гэйтскилл, Каллит энд Гэйтскилл". Не признают никакого мошенничества. И когда Леонидис прокручивал какие-то темные махинации, он никогда не обращался за содействием к этой фирме. Его обслуживал еще с добрый десяток юридических контор. О, это был настоящий хитрец!

- И как никогда это его качество проявилось при составлении данного завещания! - подхватил отец.

- Мы были глупы, - сказал Тавернер. - Ведь если подумать как следует, то получается, что единственный, кто мог смухлевать с этим завещанием, был сам старик. Нам просто не пришло в голову, что ему это могло понадобиться!

Я вспомнил высокомерную улыбку Джозефины и её слова: "Полицейские д_у_р_а_к_и_!"

Но Джозефина при оглашении завещания не присутствовала. И даже если девочка подслушивала под дверью (что казалось мне весьма вероятным), она едва ли могла угадать действия своего деда. Но откуда тогда этот высокомерный вид? Какие основания у Джозефины называть полицейских дураками? Или это просто рисовка?

Внезапно пораженный царящей в кабинете тишиной, я поднял глаза: отец и Тавернер внимательно наблюдали за мной. Не знаю, _ч_т_о_ в их

поведении заставило меня возмущенно воскликнуть:

- София ничего об этом не знала! Абсолютно ничего!

- Нет? - произнес отец.

Я не вполне понял, утверждение это или вопрос.

- Она будет страшно удивлена.

- Да?

- Страшно удивлена!

Наступило молчание. Потом - неожиданно громко и резко - зазвонил телефон на столе отца. Он поднял трубку: - Да? - подождал немного и сказал: - Соедините, - потом взглянул на меня:

- Это твоя девушка. Хочет поговорить с тобой. Что-то важное.

Я взял трубку:

- София?

- Чарлз? Это ты? Джозефина... - голос Софии сорвался.

- Что Джозефина?

- Кто-то ударил ее по голове. Сотрясение мозга. Она... она в тяжёлом состоянии... Врачи говорят, она может не оправиться...

Я повернулся к отцу и инспектору:

- На Джозефину совершено покушение.

Отец взял у меня трубку и сказал со всей резкостью, на какую был способен:

- Говорил же я вам присматривать за этим ребенком...

[Глава 17???]

18

Уже через несколько минут мы с Тавернером неслись в полицейской машине по направлению к Суинли-Дин.

Я вспомнил вывалившуюся мне под ноги с чердака Джозефину и ее небрежное замечание: "Пришло время для второго убийства". Бедная девочка не предполагала, что именно она, по всей вероятности, и явится новой жертвой.

Я полностью признавал свою вину и справедливость молчаливой укоризны отца. Конечно же, я не должен был спускать с Джозефины глаз. Хотя ни у меня, ни у Тавернера до сих пор не возникло никаких догадок по поводу личности отравителя, вполне возможно, что они были у Джозефины. И все принятое мной за детскую болтовню и рисовку вовсе таковым не являлось. В процессе своей сыскной деятельности девочка случайно могла стать обладательницей какой-то информации, важности которой сама не понимала.

Я вспомнил треск сухой ветки в саду.

Тогда у меня возникло смутное ощущение опасности. Позже мои подозрения показались мне необоснованными и мелодраматичными. Я же должен был отдавать себе отчет в том, что речь идет об убийстве и что совершивший его человек рискует головой и, значит, в целях обеспечения своей безопасности не остановится перед вторым преступлением.

Может быть, какой-то непонятный материнский инстинкт подсказал Магде - Джозефине грозит опасность, и именно этим и объясняется ее внезапное решение отправить дочь в Швейцарию.

София встречала нас у дверей. Джозефину, сказала она, увезли на машине "Скорой помощи" в местной госпиталь. Доктор Грей сообщит о результатах рентгеновского обследования.

- Как это случилось? - спросил я.

София повела нас вокруг дома, и вскоре мы очутились в маленьком заднем дворике, в углу которого находилось небольшое сооружение с распахнутой настежь дверью.

- Это что-то вроде прачечной, - пояснила София. - В нижней части двери вырезан лаз для кошки, и Джозефина любила, встав в него ногами, кататься на двери взад-вперед.

Я вспомнил, как сам любил кататься на дверях в детстве.

Прачечная была маленькая и довольно темная. Там стояли какие-то ящики, старые стулья, валялись старые садовые инструменты, резиновый шланг и прочий хлам. Прямо при входе на полу лежал упор для двери в виде мраморного льва.

- Это упор от главной двери, - пояснила София. - Должно быть, кто-то пристроил его здесь на верхней части двери.

Тавернер провел рукой по верхней кромке низкой двери домика.

- Ловушка, - сказал он и для пробы несколько раз болтанул дверь туда-сюда, потом наклонился над куском мрамора, но брать его в руки не стал.

- Кто-нибудь дотрагивался до этого?

- Нет, - сказала София. - Я не позволила.

- Правильно. Кто обнаружил девочку?

- Я. Джозефина не появилась к обеду в час. А пятнадцатью минутами раньше Нэнни видела, как она прошла через кухню на задний двор - Джо здесь часто играет в мяч или катается на двери.

И я пошла за ней.

София замолчала.

- Говорите, девочка любила кататься на двери? Кто знал про это?

София пожала плечами:

- Да все в доме, пожалуй. - Кто пользовался этим домиком?

Садовники?

София помотала головой:

- Никто к нему и не приближается.

- И этот дворик из дома не просматривается?

- Инспектор Тавернер подытожил:

- Значит, практически любой мог проскользнуть сюда незаметно и подстроить эту ловушку. Хотя и очень ненадежную...

Он замолчал и снова задумчиво поворачивал дверь на петлях туда-сюда.

- Наверняка тут не рассчитаешь. Либо попадание, либо промах. И скорей, промах, чем попадание. Но Джозефине не повезло: в ее случае было попадание.

София содрогнулась, а Тавернер перевел взгляд на пол и принялся рассматривать белеющие на нем выбоины.

- Похоже, злоумышленник сначала поэкспериментировал... проверял, как будет падать камень... В доме никто ничего не слышал?

- Нет. Ни у кого и в мыслях не было ничего дурного, пока я не пошла за Джозефиной и не нашла ее здесь... распростертую на полу лицом вниз, голос Софии чуть дрогнул. - Голова у нее была вся в крови.

- Это ее шарф? - тавернер указал на клетчатый шерстяной шарфик, валяющийся чуть в стороне.

- Да.

С помощью шарфа инспектор осторожно поднял с пола кусок мрамора.

- Здесь могли остаться отпечатки пальцев, - сказал он, но без особой надежды в голосе. - Правда, тот, кто это сделал, наверняка был осторожен...

- И спросил меня:

- Что тебя так заинтересовало?

Я разглядывал деревянный стул со сломанной спинкой, стоявший поодаль у стены. На его сиденье чернелось несколько комков свежей земли.

- Любопытно, - сказал Тавернер. - Кто-то забирался на этот стул с грязными ногами. Зачем ему это понадобилось?

Он потряс головой.

- Когда именно нашли девочку, мисс Леонидис?

- Вероятно, около пяти минут второго.

- А Нэнни видела Джозефину двадцатью минутами раньше. Кто-нибудь сегодня до без пятнадцати час выходил на задний двор?

- Понятия не имею. Разве что сама Джозефина. Она каталась здесь на двери после завтрака.

Тавернер кивнул.

- Значит, начиная с того времени и до без четверти час кто-то подошел к прачечной и устроил здесь ловушку для Джозефины. Говорите, это упор от главной двери? Вы не заметили, когда он пропал оттуда?

София покачала головой.

- Сегодня дверь не держали открытой: слишком холодно.

- Вы не знаете, кто где находился в течение утра?

- Я выходила прогуляться. Юстас и Джозефина занимались в классной комнате до половины первого с перерывом в половине одиннадцатого. Отец, кажется сидел все утро в библиотеке.

- А ваша мать?

- Когда я вернулась с прогулки, она только-только вышла из спальни это было приблизительно в четверть первого. Мама не любит вставать рано.

Мы вернулись в дом. Я последовал за Софией в библиотеку. Филип с бледным, осунувшимся лицом сидел в кресле. У его коленей, тихо плача, примостилась Магда.

- Из госпиталя звонили? - спросила София.

Филип отрицательно покачал головой.

Магда всхлипнула.

- Почему мне не позволяют поехать к ней! Мое дитя... мое смешное безобразное дитя. Я дразнила ее подкидывшем троллей и страшно этим сердила... Как я могла быть столь жестокой?! И теперь она умрет... Я знаю, она умрет...

- Замолчи, дорогая, - сказал Филип. - Замолчи. Бога ради.

Я почувствовал, что мое присутствие здесь неуместно, незаметно вышел из библиотеки и отправился на розыски Нэнни. Старая женщина сидела на кухне, тихо плача в передник.

- Это наказание мне, мистер Чарлз, за мои скверные мысли. Наказание, вот что это такое.

Я не стал уточнять, какие именно мысли она имеет в виду.

- В этом доме обитает зло. Вот что здесь обитает. Я не хотела этого замечать, не хотела поверить в это. Но теперь верю. Кто-то убил хозяина, и он же пытался убить маленькую Джо.

- А зачем кому-то убивать Джозефину?

Нэнни выглянула из-за передника одним внимательным глазом.

- Вы достаточно хорошо представляете себя, что это был за ребенок, мистер Чарлз. Она хотела все знать - это у нее с самого детства. Бывало, крошка пряталась под обеденным столом и подслушивала разговоры служанок, а потом все им же и выкладывала. Чувствовала себя при этом

страшно важной персоной. Понимаете, она всегда была обделена вниманием и лаской матери. Джозефина, в отличие от первых двух, - некрасивый ребенок. Маленькая дурнушка. "Подкидыш троллей", - называла ее миссис. Я всегда порицала миссис за это. Убеждена, именно такое отношение и озлобило девочку. Но Джозефина в какой-то мере поквиталась за обиду тем, что стала вынюхивать у окружающих разные секреты и давала им понять о своей осведомленности. Но это совсем небезопасно делать, когда где-то рядом ходит отравитель!

Конечно, это было совсем небезопасно делать. В связи с этим мне пришла в голову одна мысль.

- А вы не знаете, где она хранила маленький черный блокнот, ну тот, в который все записывала? - спросил я.

- Я понимаю, о чем вы говорите, мистер Чарлз. Джозефина берегла его как зеницу ока. Однажды я увидела, как она лизала карандаш и писала в блокнотике и потом снова лизала карандаш. И я ей сказала тогда: "Не лижи грифель, отравишься!" А она мне: "Нет, не отравлюсь, потому что в грифеле никакого свинца нет, а есть только уголь". Хотя я не понимаю, как так может быть: ведь если предмет называется "свинцовый карандаш", то, наверное, все-таки потому, что сделан он из свинца.

- Я вас понимаю, - согласился я. - Но в этом случае Джозефина действительно была права. - (Джозефина всегда была права.) - Так как насчет этого блокнотика? Вы не знаете, где она его хранила?

- Понятия не имею, сэр. Берегла его как зеницу ока.

- А когда ее нашли, блокнотика при ней не было?

- О нет, мистер Чарлз, не было.

Значит, блокнотик кто-то взял? Или Джозефина прячет его в своей комнате? Я решил пойти посмотреть. Где находится комната Джозефины, я не знал, но когда я в нерешительности шел по коридору, из-за одной из дверей раздался голос Тавернера:

- Зайди-ка сюда, Чарлз! Я в комнате ребенка. Видел когда-нибудь что-нибудь подобное?

Я переступил порог и стал как вкопанный.

У небольшой комнаты был такой вид, будто по ней пронесся ураган страшной силы. Ящики комода выдвинуты, и их содержимое разбросано по полу. Матрасы и постельное белье сдернуты с маленькой кровати. Ковры свалены в кучу в углу, стулья перевернуты, картины сорваны со стен и фотографии вырваны из рамок.

- Боже мой! - воскликнул я. - Что здесь произошло?

- А как ты сам полагаешь?

- Кто-то что-то искал.

- Точно.

Я осмотрелся и присвистнул.

- Но как... как можно было пробраться в комнату и учинить такой разгром, не будучи никем увиденным или услышанным?

- Да очень просто. Миссис Леонидис все утро провела в спальне за маникюром, телефонными разговорами с друзьями и примеркой новых туалетов. Филип сидел над книгами в библиотеке.

Нэнни на кухне чистила картошку, лущила фасоль и гремела кастрюлями. В семье, где всем хорошо известно времяпрепровождение друг друга, планировать подобные действия очень легко. И вот что я тебе скажу. Проверить это нехитрое дельце - то есть устроить ловушку для ребенка и перевернуть вверх дном детскую - мог абсолютно любой в доме. Но человек этот страшно спешил, на спокойные поиски у него не было времени.

- Вы говорите, любой в доме?

- Да, я проверил. У каждого из домашних имелась такая возможность. У Филипа, у Магды, у Нэнни и у твоей девушки. То же самое и наверху. Бренда провела большую часть утра в одиночестве. У Лоуренса и Юстаса был перерыв в занятиях - с половины одиннадцатого до одиннадцати. Часть этого времени с ними находился ты - но не все время. Мисс де Хэвилэнд гуляла одна в саду. Роджер сидел в своем кабинете.

- Только Клеменси была на работе в Лондоне.

- Нет, даже она не исключение, потому что осталась сегодня дома из-за головной боли - и находилась все утро одна в своей спальне. То есть это мог сделать любой из них - абсолютно любой! Но кто именно - я не знаю. Не имею ни малейшего представления. Если бы знать, что именно здесь искали... - он обвел глазами разоренную комнату. - И если бы знать, нашли ли искомое...

В глубине моего сознания шевельнулась какая-то смутная догадка.

Инспектор Тавернер помог мне, спросив:

- А чем девочка занималась, когда ты видел ее в последний раз?

- Подождите-ка! - И я бросился прочь из комнаты, взлетел по лестнице на второй этаж, повернул налево, преодолел еще один лестничный марш, потом снова спустился на несколько ступенек, пробежал по коридору, распахнул дверь котельной, шагнул наверх через две ступеньки и огляделся по сторонам, пригибая голову из-за низкого потолка.

В ответ на вопрос, что она делает в котельной, Джозефина сказала: она, мол, расследует.

Я не понял, что можно расследовать на пыльном, затянутом паутиной чердаке среди грязных котлов. Но ведь это помещение могло служить прекрасным тайником! Вероятно, Джозефина что-то прятала здесь - то, что ей нельзя было держать при себе. А если так, то найти это не составит особого труда.

На поиски у меня ушло всего минуты три. За самой большой котел, доносившееся из глубины которого шипение вносило дополнительную зловонную ноту в мрачную атмосферу чердака, была заткнута пачка писем, обернутых куском коричневой упаковочной бумаги.

Я прочитал первое письмо. "О, Лоуренс... мой дорогой, моя любовь... Как прекрасно вчера вечером ты прочитал стихотворение! Я знала, оно предназначалось мне, хоть ты и не смотрел на меня в это время!

"Вы хорошо декламируете", - сказал Аристид, и он не знал, что оба мы чувствовали при этом. Дорогой мой, я знаю, скоро все устроится, и мы будем радоваться тому, что он никогда ничего не узнал и умер счастливым. Аристид всегда был очень добр ко мне, и я не хочу, чтобы он страдал. Но я действительно не понимаю, какую радость можно находить в жизни, когда тебе уже за восемьдесят. Я бы не хотела жить так долго! Скоро мы будем вместе навсегда. И как же прекрасно будет то время, когда я смогу сказать тебе: "Мой милый, милый муж..." Возлюбленный мой! Мы созданы друг для друга! Я люблю, люблю, люблю тебя - и не вижу конца нашему чувству! Я..."

Там было еще много чего написано, но у меня пропало желание продолжать чтение.

Я мрачно спустился вниз и сунул сверток Тавернеру.

Тавернер прочитал несколько абзацев, присвистнул и бегло просмотрел еще несколько писем.

Потом посмотрел на меня с видом довольного кота, отведавшего жирных сливок.

- Ну что ж, - нежно пропел он. - Эта улика выводит прямиком на миссис Бренду Леонидис. И мистера Лоуренса Брауна. Значит, это все-таки они...

19

Впоследствии мне даже самому казалось странным, насколько внезапно и бесповоротно вся моя жалость и сочувствие к Бренде Леонидис исчезли с обнаружением ее писем к Лоуренсу Брауну. Было ли уязвлено мое самолюбие сознанием того, что эта женщина любила Лоуренса Брауна слепой слащавой любовью и расчетливо и бесстыдно лгала мне? Не знаю, я не психолог. Предпочитаю считать - конец моей жалости к Бренде

положила мысль о маленькой девочке Джозефине, хладнокровно убранный преступниками с пути в целях сохранения.

- Безусловно, ловушку устроил Браун, - сказал Тавернер. - И это объясняет один момент, показавшийся мне загадочным.

- В смысле?

- Да как-то все это было страшно глупо обставлено. Суди сам: ребенок заполучил эти письма - письма совершенно убийственного содержания! Первое логическое движение - попытаться вернуть их (в конце концов, бездоказательные разговоры о любовных письмах можно счесть детскими фантазиями). Но вернуть их невозможно, так как неизвестно, где они спрятаны. Значит остается единственное - заставить ребенка молчать. Человек же, совершивший одно убийство, не остановится перед вторым. Все знали, что девочка любит кататься на двери старой прачечной, расположенной в пустынном заднем дворе. Идеальным вариантом, конечно, было бы подкараулить Джозефину за дверью и разобраться с опасной свидетельницей с помощью кочерги, железного прута или резинового шланга (которые находятся тут же в домике, прямо под рукой). Зачем возиться с дурацким мраморным львом, устанавливая его на верхней кромке двери, если существует большая вероятность, что он в девочку не попадет или попадет, но не убьет (как оно и получилось)? Я спрашиваю: З_а_ч_е_м_?

- Ну и каков же ответ?

- Первое, что пришло мне в голову, - это мысль об организации алиби. То есть каким образом кто-то обеспечивает себе железное алиби во время покушения на Джозефину. Но эта версия не работает: во-первых, ни у кого из домашних никакого алиби все равно нет, и, во-вторых, обнаруживший тело девочки обязательно нашел бы и кусок мрамора поблизости - и весь *modus operandi* все равно стал бы ясным. Конечно, е_с_л_и_б_ы_ преступник убрал кусок мрамора до того, как ребенок был обнаружен, картина покушения осталась бы непонятной. Но в целом вся эта история кажется лишенной смысла.

Инспектор развел руками.

- И чем же вы все это объясните?

- Особенностью характера Лоуренса Брауна. Индивидуальной идиосинкразией. Молодой человек совершенно не переносит насилия - он не может заставить себя совершить над кем-то акт насилия. Он просто физически н_е_м_о_г_ стать за дверью и раскроить ребенку череп. Но м_о_г_ устроить ловушку и убежать прочь, чтобы только ничего не видеть.

- Да, понимаю, - медленно проговорил я. - И эзерин в пузырьке из-под инсулина - из той же оперы?

- Точно.

- Вы полагаете, он действовал без ведома Бренды?

- Это объясняло бы, почему она не выбросила использованный пузырек. Конечно, они могли действовать сообща... или даже Бренда могла сама придумать и организовать номер с отравлением... Милая безболезненная смерть для старого мужа. Но я уверен, ловушку для Джозефины устраивала не она. Женщины никогда не возлагают надежд на подобные трюки - и в этом они правы. Я лично считаю - идея с эзеринном возникла в голове Бренды и, возникнув, полностью подчинила женщину себе. Вообще-то Бренда относится к тому типу людей, которые умудряются не скомпрометировать себя нив каких ситуациях, всегда выходят сухими из воды - и продолжают жить со спокойной совестью.

Он помолчал и продолжал:

- Эти письма существенно проясняют дело. Если девочка оправится, можно будет считать, что все устроилось самым лучшим образом.

- Тавернер искоса взглянул на меня:

- Ну, и каково же чувствовать себя помолвленным с миллионом фунтов стерлингов?

Я недоуменно заморгал. В тревогах и волнениях последних нескольких часов я совершенно забыл про завещание старого Леонидиса.

- София еще ничего не знает, - сказал я. - Вы хотите, чтобы я поставил ее в известность?

- Насколько я понял, Гэйтскилл собирается объявить печальные (или радостные) новости после завтрашнего дознания. - Тавернер задумчиво посмотрел на меня: - Интересно, как отреагирует на это семья?

20

С дознанием дела обстояли так, как я и предсказывал. То есть по просьбе полиции оно было отложено.

Все мы находились в приподнятом настроении: накануне оказалось значительно менее серьезным, чем предполагалось сначала, и что можно надеяться на скорое выздоровление девочки.

- Правда, пока, - сказал доктор Грей, - навещать ее нельзя никому, даже матери.

- И в первую очередь матери, - шепнула мне София. - Я ясно дала это понять доктору Грею. Да он и сам прекрасно знает маму.

Должно быть, на моем лице изобразилось сомнение, потому что София резко спросила:

- Ты чем-то недоволен?

- Ну как... все-таки мать...

- Меня трогают твои старомодные представления о жизни, Чарлз. Но ты просто плохо знаешь маму. Милое создание совершенно не в силах вести себя в соответствии с ситуацией: она обязательно разыгрывает грандиозную драматическую сцену у постели больного ребенка. А драматические сцены - не самое лучшее лекарство для человека, лежащего с пробитой головой.

- Ты успеваешь подумать обо всем, моя милая, не так ли?

- Что ж, кто-то должен думать обо всем теперь, когда дедушка умер.

Я задумчиво посмотрел на Софию. Было ясно - проницательность старого Аристиды не подвела его и здесь. Груз ответственности за семью уже лежал на хрупких плечах Софии.

После процедуры дознания Гэйтскилл приехал с ними в Суинли-Дин. Когда вся семья собралась в гостиной Магды, поверенный откашлялся и торжественно произнес:

- Считаю себя обязанным сделать следующее объявление.

Я испытывал приятное ощущение человека, посвященного в таинство ведь содержание объявления я знал заранее, - и приготовился внимательно следить за реакцией каждого члена семьи.

Гэйтскилл был краток и сух и внешне ничем не обнаружил своей обиды и раздражения. Сначала он зачитал письмо Аристиды Леонидиса, затем - текст завещания.

Наблюдать со стороны за присутствующими было чрезвычайно интересно, и я только жалел, что не могу смотреть одновременно на всех.

На Брендю с Лоуренсом я не обращал особого внимания, так как доля вдовы по этому завещанию оставалась прежней. В основном я наблюдал за Роджером и Филипом и уже потом - за Магдой и Клеменси.

На первый взгляд все они держались великолепно.

Филип сидел откинув красивую голову на высокую спинку стула и плотно сжав рот. Он не произнес ни слова.

Магда же, напротив, как только мистер Гэйтскилл смолк, разразилась бурным потоком восклицаний:

- София! Дорогая! Как неожиданно! Как р_о_м_а_н_т_и_ч_н_о_! Милый старый фантазер так хитрил и скрытничал - словно маленький ребенок! Неужели он не доверял нам?! Неужели он думал - мы рассердимся?! Он никогда не подавал виду, что как-то выделяет Софию среди всех нас. Но правда, все это в высшей степени романтично!

Внезапно Магда легко вскочила на ноги, протанцевала к Софии и

присела перед ней в глубоком реверансе.

- Мадам София, ваша нищая старая мать униженно просит у вас подаяния. - И добавила хриплым голосом, подражая выговору простолюдинки: - Кинь-ка грошик, дорогуша. Твоя мамаша намылилась в кино, - и протянула к Софии трясущуюся руку со скрюченными пальцами.

- Угомонись, Магда! Это бессмысленное кривляние совершенно неуместно сейчас, - проговорил Филип, почти не разжимая губ.

- О! Но как же Роджер! - Магда резко повернулась к Роджеру: Бедняжка Роджер! Наш милый старик хотел помочь тебе, но смерть помешала ему... И теперь Роджер не получит в наследство ничего. - Магда величественно повернулась к дочери: - София! Ты просто обязана помочь Роджеру.

- Нет! - Клеменси шагнула вперед. Лицо ее приобрело непреклонное выражение. - Не надо. Нам ничего не надо.

Роджер, похожий на огромного добродушного медведя, неуклюже подошел к Софии и нежно взял ее за руку.

- Я не возьму у тебя ни пенни, милая девочка. Как только все дела в доме будут улажены, мы с Клеменси уедем в Западную Индию и начнем там новую, простую жизнь. Если когда-нибудь я окажусь в крайней нужде, я обращаюсь за помощью к главе семьи, - он обаятельно улыбнулся Софии. - Но до тех пор я не возьму у тебя ни пенни, ведь на самом деле я очень неприятелен - Клеменси может это подтвердить.

Неожиданно подала голос Эдит де Хэвилэнд.

- Все это, конечно, замечательно, - сказала старая леди. - Но вы не должны забывать и о внешней стороне дела. Если ты, Роджер, обанкротишься, не приняв помощи Софии, а потом уедешь куда-то на край света - в обществе пойдут неприятные для Софии разговоры.

- Да что значит общественное мнение? - презрительно сказала Клеменси.

- Для вас, Клеменси, ничего, - отрезала Эдит де Хэвилэнд. - Но София живет в _э_т_о_м_ мире. Она девушка со светлой головой и добрым сердцем, и я не сомневаюсь, что Аристид абсолютно прав в своем выборе главы семьи, хотя для наших английских умов и кажется несколько странным решение обойти наследством двоих сыновей. Но полагаю, будет неприятно, если кто-то заподозрит Софию в жадности и нежелании помочь разорившемуся родственнику.

Роджер подошел к тетушке, обнял ее и прижал к себе.

- Тетя Эдит! - сказал он. - Вы милая... и такая упряmica. Но вы совсем не понимаете Клеменси! И я сам знаю, чего мы с женой хотим, а чего - не

хотим.

Внезапно вперед выступила Клеменси, на ее худых щеках полыхали алые пятна.

- Никто из вас, - вызывающе заявила она, - не понимает Роджера! И никогда не понимал! И не думаю, что когда-нибудь поймет! Пойдем, Роджер.

И они покинули гостиную. Мистер Гэйтскилл кашлянул и принялся собирать бумаги. Лицо его выражало глубокое неодобрение. Он терпеть не мог семейных сцен, следующих за оглашением условий завещания. По нему это было хорошо видно.

Наконец я перевел взгляд на Софию: у камина стояла стройная красивая девушка с гордо поднятой головой и твердым ясным взглядом. Только что она стала обладательницей огромного состояния, но главной моей мыслью сейчас была мысль о том, насколько одинока стала София в одно мгновение. Между ней и ее семьей возникла непреодолимая преграда, и мне показалось, что девушка уже осознала этот факт и безропотно смирилась с ним. Старый Леонидис переложил на ее плечи тяжелый груз ответственности, веря, что он ей по плечу. Но в этот момент мне было ее нестерпимо жаль.

До сих пор София не произнесла ни слова - ей еще не дали такой возможности. А за внешней расположенностью семьи к девушке я уже ощутил скрытую враждебность. Даже в разыгранной Магдой изящной сценке мне почудилась тонкая нотка недоброжелательности.

Откашлявшись, мистер Гэйтскилл произнес краткую осторожную речь:

- Позвольте мне поздравить вас, София. Вы стали чрезвычайно богатой женщиной. Хочу вас предостеречь от... э-э... совершения каких-либо неосмотрительных шагов. На текущие расходы я могу представить вам некоторую сумму наличными. Если вы пожелаете подробно обсудить положение ваших дел - всегда буду рад помочь вам советом. Вы сможете найти меня в отеле "Линколнз".

- Роджер... - упрямо начала Эдит де Хэвилэнд.

- Роджер, - перебил ее поверенный, - должен заботиться о себе сам. Он взрослый человек... э-э... пятидесяти четырех лет от роду, кажется. И Аристид Леонидис был совершенно прав, знаете ли. Роджер - не деловой человек и никогда таковым не будет. - Гэйтскилл взглянул на Софию: - Вы, конечно, еще можете спасти фирму по поставкам от банкротства, но не обольщайтесь надеждой, что Роджер сумеет успешно вести ее дела.

- Спасать фирму дяди Роджера я и не подумаю, - София впервые за все

это время подола голос - и голос ее был решителен и деловит. - Это абсолютно бессмысленная затея.

Гэйтскилл исподлобья взглянул на девушку и незаметно улыбнулся. Потом попрощался со всеми и вышел.

Несколько мгновений в гостиной царило молчание, затем Филип медленно поднялся на ноги.

- Мне пора вернуться к работе, - сказал он. - Я и так потерял слишком много времени.

- Отец... - голос Софии прозвучал неуверенно, почти моляще.

Я почувствовал, что девушка чуть вздрогнула и слегка отшатнулась назад, когда отец устремил на нее холодный, враждебный взгляд.

- Извини, что не поздравляю тебя, - произнес он. - Но все это явилось для меня большим потрясением. Я никогда не мог даже предположить, что мой отец так унизит меня... в благодарность за мою искреннюю любовь и преданность... Да, любовь и преданность!

Впервые из-под маски ледяного спокойствия проступили человеческие черты.

- Боже мой! - воскликнул Филип. - Как? Как он мог так поступить со мной?! Он всегда был несправедлив ко мне - всегда!

- О нет, Филип, ты не должен так говорить, - вмешалась тетя Эдит. Не расценивай завещание Аристида как очередное оскорбление в свой адрес. Это совсем не так! Просто когда люди старятся, они самым естественным образом тянутся к молодому поколению... Уверяю тебя, дело только в этом. И кроме того, у Аристида всегда было чрезвычайно острое деловое чутье. Он часто говорил: делить состояние нельзя...

- Он никогда не любил меня, - произнес Филип тихим охрипшим голосом. - Для него существовал один Роджер... И вот наконец... - Выражение крайней злобы исказило его прекрасные черты. - Наконец отец понял, что Роджер глупец и неудачник, и лишил обожаемого первенца наследства.

- А как же я? - сказал Юстас.

До сих пор я едва обращал на него внимание, но успел заметить мальчик дрожит всем телом, словно с трудом сдерживая сильнейшее волнение. Лицо Юстаса горело, в глазах стояли слезы, в срывающемся голосе слышались истерические нотки: - Это позор! Просто позор! Как смел дедушка так поступить со мной? Как он смел?! Я был его единственным внуком. Как он смел предпочесть мне Софию? Это подло, я ненавижу его! Ненавижу! И никогда в жизни не прощу ему этого. Отвратительный старый тиран!

Я желал его смерти. Я мечтал уехать из этого проклятого дома и жить независимо... А теперь я должен буду бегать на задних лапках перед Софией, выклянчивая подачки, и выглядеть полным идиотом. Лучше умереть...

Голос Юстаса сорвался, и мальчик опрометью бросился из комнаты.

Эдит де Хэвилэнд осуждающе поцокала языком и пробормотала:

- Никакой выдержки!

- А я прекрасно понимаю, что он чувствует сейчас! - - воскликнула Магда.

- Я в этом не сомневаюсь, - ядовито заметила тетя Эдит.

- Бедняжка! Пойду утешу его.

- Но, Магда!.. - И мисс де Хэвилэнд поспешила за миссис Леонидис.

Их голоса стихли в отдалении. София продолжала смотреть молящим взглядом на отца, но тот уже взял себя в руки и был спокоен и враждебно-холоден.

- Ты прекрасно использовала свои возможности, София, - произнес Филип и вышел из гостиной.

- Какие жестокие слова! - воскликнул я. - София...

Девушка протянула руки ко мне, и я обнял ее.

- Тебе пришлось нелегко сегодня, милая.

- Я их хорошо понимаю, - сказала София.

- Этот старый черт, твой дедушка, не должен взваливать на тебя такое бремя.

София выпрямилась.

- Он верил: мне это по силам. Значит, действительно по силам. Только... жаль, что Юстас так обиделся.

- Он скоро отойдет.

- Ты думаешь? Он очень долго и очень болезненно все переживает. И мне страшно неприятно, что отец так уязвлен.

- Зато с твоей матерью все в порядке.

- Нет, она тоже не в восторге. Конечно, малопрочно выпрашивать у дочери деньги на постановку спектаклей. Вот увидишь, и глазом моргнуть не успеем, как она заведет разговор о постановке "Эдит Томпсон".

- И что ты ей ответишь? Ведь если ей это доставляет радость...

София высвободилась из моих объятий и вскинула голову:

- Я отвечу "н е т"! Пьеска дрянная, и эта роль не для мамы. Финансировать "Эдит Томпсон" все равно что выбрасывать деньги на ветер.

Я тихо рассмеялся не в силах сдержаться.

- В чем дело? - подозрительно осведомилась София.

- Я начинаю понимать, почему дедушка оставил деньги именно тебе. Ты пошла в его породу, София.

21

Все это время я сожалел единственно о том, что при этих захватывающих событиях не присутствует Джозефина. Она получила бы колоссальное удовольствие от происходящего.

Девочка быстро шла на поправку, и ее возвращения из больницы ожидали со дня на день. Но тем не менее она все-таки опоздала к еще одному важному событию.

Как-то утром, когда мы с Софией и Брендой прогуливались в декоративном садике, к дому подъехала машина. Из нее вышли Тавернер и сержант Лэмб и поднялись по ступенькам в дом.

Бренда замерла на месте, не сводя испуганного взгляда с машины.

- Эти люди... - пролепетала она. - Они вернулись... А я думала, все уже позади... - Женщину била мелкая дрожь.

Бренда присоединилась к нам с Софией десятью минутами раньше. Зябко кутаясь в шиншилловую шубку, она сказала:

- Я просто сойду с ума, если не пройду немного по свежему воздуху. Только сунешься за ворота, как со всех сторон напрыгивают репортеры. Такое ощущение, что дом осажден. Сколько времени это может продолжаться?

София предположила, что репортерам скоро надоест сторожить дом, и добавила:

- Вы же можете выезжать в машине.

- Я же сказала, мне нужно пройтись по свежему воздуху, - раздраженно заметила Бренда и тут же резко поменяла тему разговора: - Вы увольняете Лоуренса Брауна, София. Почему?

- Юстас будет продолжать образование в университете. А Джозефина уезжает в Швейцарию.

- Но Лоуренс очень расстроен. Он чувствует, вы не доверяете ему.

София не ответила - и как раз в этот момент к дому подъехала машина Тавернера.

- Что им надо? - бормотала Бренда, мелко дрожа всем телом. - Зачем они приехали?

Я-то сразу догадался, зачем они приехали. Я не сообщал Софии о найденных письмах, но знал: они переданы главному прокурору.

Тавернер вышел из дома, пересек подъездную дорогу и направился через лужайку к нам. Бренда задрожала сильнее.

- Что ему надо? - нервно повторила она. - Что ему здесь надо?

Приблизившись к нам, Тавернер официальным тоном произнес несколько традиционных фраз:

- У меня есть ордер на ваш арест... Вы обвиняетесь в отравлении Аристида Леонидиса, имевшем место девятнадцатого сентября сего года. Должен предупредить: каждое произнесенное вами слово может использоваться на суде как свидетельство против вас.

И тут Бренда просто обезумела. Она завизжала. Она вцепилась в меня, истерически крича:

- Нет, нет, нет! Это неправда! Чарлз, скажите им, что это неправда! Я этого не делала! Я ничего не знаю! Это заговор... Не позволяйте им увозить меня! Это неправда, говорю вам! Это н_е_п_р_а_в_д_а... Я не виновата!..

Это было ужасно, невыразимо ужасно. Я старался успокоить Бренду. Я с трудом отцепил от себя ее руки. Я обещал ей найти хорошего адвоката... убеждал хранить спокойствие... адвокат о ней позаботится...

Тавернер мягко взял Бренду за локоть.

- Пойдемте, миссис Леонидис. Вы не хотите взять шляпу? Нет? Тогда сразу и тронемся.

Внезапно Бренда резко отстранилась от инспектора и уставилась на него огромными кошачьими глазами:

- Лоуренс... Что вы сделали с Лоуренсом?

- Мистер Лоуренс тоже арестован, - сказал Тавернер.

И тогда Бренда сломалась. Все ее тело как-то разом поникло и словно усохло. По лицу несчастной женщины заструились слезы, и она безропотно пошла с Тавернером через лужайку к машине. Я увидел выходящих из дома сержанта Лэмба и Лоуренса. Полицейские и арестованные сели в машину и уехали.

Я глубоко вздохнул и повернулся к Софии. Она была очень бледна и расстроена.

- Это ужасно, Чарлз. Совершенно ужасно.

- Да.

- Ты должен найти ей действительно первоклассного адвоката... лучшего в городе. Ей надо помочь всем, чем только можно.

- Страшная вещь - арест. Никогда раньше не приходилось видеть.

- Да. Страшная вещь.

Мы оба умолкли. Я вспоминал выражение отчаянного ужаса на лице Бренды. Мне оно показалось смутно знакомым - и вдруг я понял почему. То же выражение я видел на лице Магды в первый день нашего знакомства, когда она говорила об "Эдит Томпсон".

"...А потом начинается этот кошмар..." - И на лице Магды изобразился тот же дикий ужас, который я только что видел на лице Брендды. Да, по натуре Брендды не была бойцом. Меня вообще удивляло, что у нее хватило духу совершить убийство. Правда, может быть, это Лоуренс Браун, со своей манией преследования и неустойчивой психикой, перелил содержимое одного пузырька в другой... во имя свободы любимой женщины.

- Итак, все кончено, - сказала София и глубоко вздохнула. - Но почему их арестовали сейчас? Я думала, что никаких доказательств их вины у полиции нет.

- Тут всплыли некоторые улики. Письма.

- Их любовная переписка?

- Да.

- Какими же идиотами нужно быть, чтобы хранить подобные вещи!

Да, конечно. Идиоты. Разновидность глупости, для которой чужой печальный опыт абсолютно ничего не значит. Нельзя развернуть утреннюю газету без того, чтобы тут же не наткнуться на скандал, связанный с подобного рода глупостью: стремлением сохранить запечатленные на бумаге слова любви.

- Все это страшно неприятно, София, - сказал я. - Но тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, разве не этой развязки все мы хотели? Помнишь нашу первую встречу в ресторане "Марио"? Тогда ты сказала мне: все будет в порядке, если окажется, что убийство совершил н_а_д_л_е_ж_а_щ_и_й человек. Ты имела в виду Брендду. Брендду или Лоуренса.

- Не надо, Чарлз. Ты меня мучаешь.

- Но мы должны рассуждать здраво. Теперь мы можем пожениться, София. Теперь, когда выяснилось, что семья Леонидисов никакого отношения к убийству не имеет, ты не можешь больше мне отказывать.

Девушка подняла на меня глаза - до сих пор я как-то не замечал, насколько они глубоки и сини.

- А ты уверен, что семья Леонидисов никакого отношения к убийству не имеет?

- Моя милая девочка, ни у кого из вас не было и тени мотива.

Внезапно София смертельно побледнела.

- Ни у кого, кроме меня, Чарлз. Мотив был у_м_е_н_я_.

- Да, конечно... - Я был ошеломлен. - Но совершенно условный. Ты же ничего не знала про завещание.

- Но я знала, Чарлз, - прошептала она.

- Что?! - Я непонимающе уставился на Софию. Мне вдруг стало

почему-то холодно.

- Все это время я знала, что дедушка оставил все деньги мне.

- Но откуда?

- От самого дедушки. Дней за десять до смерти он вдруг совершенно неожиданно сказал мне: "Я завещал все свое состояние тебе, София. Ты будешь заботиться о семье, когда я умру".

Я продолжал неотрывно смотреть на Софию.

- Но ты никогда ни словом не обмолвилась мне!

- Да. Понимаешь, когда все рассказывали, как дедушка огласил завещание и подписал его... я решила, что, может, он просто ошибся... или оговорился... Или если такое завещание действительно существовало, то, может, оно потерялось и никогда не найдется. Я не хотела, чтобы оно нашлось... Я этого боялась.

- Боялась? Но почему?

- Не знаю. Наверное, из-за убийства...

Я снова вспомнил выражение дикого ужаса на лице Брендды. И точно такое же выражение на лице Магды, представляющей себя в роли убийцы. София не могла поддаться подобной слепой панике, так как была слишком разумна для этого, но она отчетливо понимала, что завещание Леонидиса делало ее подозреваемой номер один. И теперь я окончательно понял, чем мотивирован ее отказ обручиться со мной и каковы причины ее настойчивого стремления узнать правду во что бы то ни стало. "Я должна знать правду. Я должна з н а т ь!" Я помнил, с какой страстью произнесла девушка эти слова.

Мы медленно направились к дому, и вдруг в какое-то мгновение я вспомнил еще кое-что, сказанное Софией в тот вечер.

"Думаю, в принципе я способна на убийства, - сказала тогда София. Но конечно, для убийства у меня должны быть действительно стоящие причины".

22

Из-за живой изгороди навстречу нам вышли Роджер и Клеменси. Просторный твидовый костюм шел Роджеру куда больше строгих туалетов делового мужчины.

- Привет! - сказал великан. - Ну наконец-то! Я уже начал думать, что они никогда не арестуют эту мерзавку. Чего они выжидали, непонятно. Ну что ж, теперь она и ее жалкий воздыхатель очутились за решеткой - и, надеюсь, их ждет виселица.

Клеменси нахмурилась.

- Не будь таким жестоким, Роджер.

- Жестокий? Чепуха! Совершенно хладнокровное убийство доверчивого беспомощного старика - а когда я выражаю законную радость по поводу поимки преступников, меня называют жестоким. Говорю тебе, я с удовольствием задушил бы эту женщину собственными руками. Она ведь была с вами, когда инспектор Тавернер пришел по ее душу? Ну и как она вела себя?

- Это было ужасно, - тихо ответила София. - Бренда чуть с ума не сошла от страха.

- Так ей и надо.

- Не будь таким мстительным, Роджер, - сказала Клеменси.

- У тебя совершенно нет воображения, - полушутя ответил ей муж.

Представь себе, что отравили меня...

Я заметил, как дрогнули веки Клеменси и руки судорожно сжались в кулаки.

- Не смей говорить такие вещи даже в шутку, - отчеканила она.

- Успокойся, дорогая. Скоро мы будем далеко от всего этого.

Мы направились к дому. Роджер и София шли впереди, мы с Клеменси чуть отстали.

- Полагаю, теперь... нам позволяет уехать? - спросила она.

- Вам так не терпится уехать?

- У меня больше нет никаких сил.

Я удивленно взглянул на нее. Она горько улыбнулась мне и легко кивнула:

- Разве вы не понимаете, Чарлз, что все это время я боролась? Отчаянно боролась за свое счастье. И за счастье Роджера. Я так боялась, что родственники убедят его остаться в Англии и нам придется вечно жить среди них, задыхаясь в плену тесных и прочных семейных уз. Я боялась, что София предложит Роджеру часть дохода и он согласится, так как это означало бы комфорт и покой для меня. Беда с Роджером заключается в том, что он н и к о г о не слушает. У него в голове постоянно возникают новые идеи и всегда абсолютно несостоятельные. Роджер н и ч е г о не понимает в жизни. И при этом по природе своей он достаточно Леонидис, чтобы считать: счастье женщины заключается в богатстве и комфорте. Но я буду бороться за свое счастье - буду! Я увезу мужа отсюда и научу его вести ту жизнь, для которой он создан и в которой он никогда не почувствует себя неудачником. Я хочу, чтобы Роджер принадлежал мне безраздельно... вдали от всей его родни...

Клеменси говорила торопливо, приглушенным голосом, в котором звучали горечь и отчаяние, поразившее меня. До сих пор я не догадывался,

что она находится практически на грани нервного срыва. И не догадывался, насколько страстным и собственническим было ее чувство к мужу.

Я вспомнил слова Эдит де Хэвилэнд, произнесенные со странной интонацией: "Это чувство граничит с идолопоклонством". Не Клеменси ли она имела в виду?

"Больше всех на свете Роджер любил своего отца, - подумал я. - Даже больше своей жены, хоть он и предан ей всей душой".

Я впервые понял, насколько сильно желала Клеменси владеть Роджером безраздельно. Он был ее ребенком, кроме того, что был ее мужем и возлюбленным.

К дому подъехала машина.

- Привет! - сказал я. - А вот и Джозефина!

Из машины вышли Джозефина и Магда. У девочки была забинтована голова, но в остальном она выглядела прекрасно.

- Как там мои золотые рыбки? - сразу же спросила она и двинулась навстречу нам по направлению к декоративному садику с прудом.

- Дорогая моя! - вскричала Магда.

- Не суетись, мама, - сказала Джозефина. - Со мной все в порядке. И я терпеть не могу излишней опеки.

Магда заколебалась. Я знал, что в действительности Джозефина была готова к выписке уже несколько дней назад и ее держали в госпитале только по просьбе инспектора Тавернера, который не мог гарантировать безопасность девочки до тех пор, пока подозреваемые не окажутся за решеткой.

- Смею предположить, свежий воздух пойдет Джозефине только на пользу, - сказал я Магде. - Я присмотрю за ней.

Я догнал Джозефину по дороге к пруду.

- Тут много чего произошло, пока ты лежала в госпитале, - сообщил я.

Джозефина не ответила. Близоруко щурясь, она смотрела в пруд.

- Я не вижу Фердинанда, - сказала девочка.

- Фердинанд это который?

- С четырьмя хвостами.

- Забавная порода. Мне нравится вон та, ярко-золотистая.

- Самая заурядная рыбешка.

- Я вон от той белой, изъеденной молью, не в восторге.

Джозефина одарила меня презрительным взглядом.

- Это шебункин. Такая рыбка стоит намного... гораздо больше простой золотой.

- Тебе не интересно узнать, что тут происходило в твое отсутствие,

Джозефина?

- А я и так все знаю.

- Ты знаешь, что обнаружилось второе завещание, по которому все деньги достались Софии?

Джозефина скучающе кивнула.

- Мама мне сказала. Вообще-то я и без нее это знала.

- То есть ты слышала какие-то разговоры в госпитале?

- Нет. Я просто знала, что дедушка оставил все деньги Софии. Я собственными ушами слышала, как он ей говорил это.

- Ты опять подслушивала?

- Ага. Я люблю подслушивать.

- Подслушивать некрасиво. И запомни, тот, кто подслушивает, ничего хорошего о себе никогда не услышит.

Джозефина как-то странно взглянула на меня:

- А я слышала, что дедушка сказал Софии обо мне, если вы об этом. - И добавила: - Нэнни приходит в страшную ярость, когда застаёт меня за подслушиванием. Она говорит, что подобные занятия не к лицу юным леди.

- И она абсолютно права.

- Фи, - Джозефина презрительно сморщила нос. - В наше время юные леди давно перевелись.

Я переменял тему разговора.

- Ты немножко опоздала к интересному событию, - сказал я. Главный инспектор Тавернер арестовал Брендю и Лоуренса.

Я ожидал, что Джозефину как юного сыщика страшно заинтересует это сообщение, но она только повторила тем же скучающим тоном:

- Ага. Я знаю.

- Ты не можешь этого знать. Это произошло только что.

- Нам навстречу ехала машина, в которой сидели инспектор Тавернер, сыщик в замшевых ботинках и Бренда с Лоуренсом, - и я сразу поняла, что их арестовали. Надеюсь, инспектор Тавернер предъявил им ордер на арест. Это обязательно, сами знаете.

Я заверил девочку, что Тавернер действовал в строгом соответствии с законом.

- Я должен был рассказать им о письмах, - сказал я извиняющимся тоном. - Я нашел их за котлом на чердаке. Конечно, я должен был оставить за тобой право сообщить о письмах полиции, но тебя вывели из строя.

Джозефина осторожно потрогала голову.

- Меня могли ведь и убить, - самодовольно сказала она. - Я же говорила - настало время для второго убийства. Прятать письма за котлом,

конечно, глупо. Я сразу обо всем догадалась, когда увидела Лоуренса выходящим из котельной. Понятное дело, он там что-то прятал - чем еще можно заниматься на чердаке?

- Но я думал... - начал я и смолк, заслышав повелительный голос Эдит де Хэвилэнд.

- Джозефина! Джозефина! Сейчас же иди сюда!

Джозефина вздохнула. - Начинается. Я пойду, пожалуй. С тетей Эдит опасно спорить. И она побежала через лужайку. Я неторопливо последовал за ней.

Обменявшись несколькими словами с тетей Эдит, Джозефина прошла в дом, а я присоединился к сидящей на террасе в плетеном кресле старой леди. Сегодня утром она выглядела полностью на свой возраст, и меня потрясло выражение усталости и страдания на ее старом больном лице. Заметив мой восторженный взгляд, мисс де Хэвилэнд попыталась улыбнуться.

- Ребенок как будто полностью оправился, - сказала она. - За ней нужно получше присматривать. Впрочем... полагаю, теперь в этом не будет необходимости? - Тетя Эдит вздохнула. - Я рада, что все кончилось. Но какой позор! Если уж вас арестовывают по обвинению в убийстве, нужно, по крайней мере, сохранять чувство собственного достоинства. Терпеть не могу таких людей, как Бренда, которые впадают в истерику и визжат от страха. Никакой силы воли. Лоуренс Браун был похож на затравленного кролика.

Я испытал неясное чувство жалости.

- Бедняги!

- Да... Бедняги. Надеюсь, у нее хватит ума позаботиться о себе? Я имею в виду приличного адвоката... и все такое прочее.

Странно, как сочеталось в них всех, с одной стороны, острая неприязнь к Бренде и, с другой - благородная забота о ее защите в суде.

Эдит де Хэвилэнд продолжала:

- Интересно, как долго все это протянется?

Я ответил, что дело будет сначала рассмотрено в полиции, потом передано в суд. Три-четыре месяца, вероятно. А по вынесении приговора еще можно будет подать апелляцию.

- Вы думаете, их осудят?

- Трудно сказать. Неизвестно, какими доказательствами располагает полиция. Эти письма...

- Любовные письма?.. Значит, они все-таки были любовниками?

- Да, они любили друг друга.

Лицо тети Эдит помрачнело.

- Не нравится мне все это, Чарлз. Я не люблю Бренду. Я всегда очень не любила ее и отзывалась о ней крайне резко. Но сейчас... Я хочу, чтобы Бренда воспользовалась каждым шансом - каждым возможным шансом. Аристид тоже хотел бы этого. Я чувствую себя обязанной обеспечить Бренде хорошую защиту.

- А как же Лоуренс?

- О, Лоуренс! - Старая леди раздраженно пожала плечами. - Мужчины должны сами заботиться о себе. Но Аристид никогда не простил бы нас, если... - Она оставила фразу незаконченной, помолчала и сказала: - Время ленча. Пойдемте в дом.

- Я должен ехать в Лондон.

- Вы на своей машине?

- Да.

- Хм. Может быть, вы меня подвезете? Полагаю, теперь нам уже можно выехать в город?

- Конечно, подвезу. Но кажется, Магда с Софией тоже собирались в Лондон после ленча. Может, вам будет удобней поехать с нами? У меня двухместный автомобиль.

- Я не хочу ехать с ними. Возьмите меня с собой и не распространяйтесь, пожалуйста, на эту тему.

Я удивился, но выполнил ее просьбу. По дороге в город мы не разговаривали. Я спросил старую леди, где ее высадить.

- На Харлей-стрит.

В моем уме забрезжила некая смутная догадка, но мне не хотелось ни о чем спрашивать.

- Впрочем, нет, еще слишком рано, - сказала тетя Эдит. - Высадите меня у "Дебенкама". Я перекушу там и потом пройду пешком до Харлей-стрит.

- Надеюсь... - начал было я и остановился.

- Именно поэтому я и не хотела ехать с Магдой. Она всегда драматизирует ситуацию. Поднимает страшный шум по любому поводу.

- Мне очень жаль, - сказал я.

- Это лишнее. Я прожила хорошую жизнь. Очень хорошую. - Неожиданно старая леди усмехнулась: - И она еще не кончилась.

23

Я не видел отца уже несколько дней. Застав его за делами, не имеющими отношения к Леонидисам, я отправился на поиски Тавернера.

Инспектор выразил желание выйти со мной пропустить по стаканчику.

Я поздравил его с успешным завершением дела; поздравления он принял, но вид у него при этом был далеко не победоносный.

- Что ж, все кончено, - сказал Тавернер. - Дело закрыто. И никто не посмеет отрицать этого.

- Как вы думаете, обвинительный приговор будет вынесен?

- Трудно сказать. Прямых улик нет... как часто бывает в делах об убийствах. Многое зависит от того, какое впечатление обвиняемые произведут на присяжных.

- А насколько серьезно содержание писем?

- На первый взгляд просто убийственно.

Сплошные разговоры о сладкой совместной жизни, которая ждет любовников после смерти старого мужа Бренды. Фразы типа "Теперь осталось недолго ждать". Не забывай, защита будет трактовать все это иначе: мол, муж был уже так стар, что молодые люди с полным основанием могли ожидать его естественной смерти. Впрямую об отравлении в письмах не говорится, но есть некоторые пассажи, которые можно понять вполне однозначно. Все зависит от того, кто будет судействовать. Если старый Карберри - то он живо разберется с любовниками: страшно добродетелен. Защищать обвиняемых будет, вероятно, Иглз или Хэмфри Керр. Хэмфри великолепно ведет подобные дела, но для успеха ему обязательно подавай блестящего героя войны или что-нибудь вроде этого. А человек, уклонившийся от воинской службы, несколько смажет ему картину. Но главное для обвиняемых - понравиться присяжным. С присяжными никогда не угадаешь. Но знаешь, Чарлз, эти двое определенно возбуждают симпатию и жалость. Бренда - милостивая молодая женщина, бывшая замужем за глубоким стариком; Лоуренс - невротик, освобожденный от службы в армии. Само преступление настолько традиционно, настолько соответствует некоей избитой схеме, что невольно начинаешь верить в невиновность подозреваемых. Конечно, суд может решить, что старика отравил Лоуренс без ведома Бренды или она без ведома любовника но может и обвинить их в сговоре.

- А что вы сами думаете по этому поводу? - спросил я.

Лицо Тавернера осталось совершенно бесстрастным.

- А я ничего не думаю. Я собрал факты и отправил дело в прокуратуру, где уже и были сделаны все выводы. Я исполнил свои обязанности, а остальное меня не касается. Вот и все, Чарлз.

Да, нет, не все. Тавернер определенно был не очень счастлив.

И только три дня спустя я завел разговор на эту тему с отцом. Сам он о деле Леонидисов не упоминал. В наших отношениях возникла некоторая

напряженность - и мне казалось, я догадываюсь о ее причинах. Но мне было необходимо разрушить возникшую между нами преграду.

- Нужно назвать вещи своими именами, - сказал я. - - Тавернер не верит, что старика убили эти двое, - и ты тоже не веришь в это.

Отец покачал головой и повторил слова Тавернера:

- Мы свое дело сделали. Остальное решит суд. И никаких вопросов здесь быть не может.

- Но вы-то с Тавернером не считаете их виновными?

- Это решать присяжным.

- Бога ради, не заговаривай мне зубы! Я спрашиваю, что л и ч н о ты думаешь по этому поводу?

- Мое личное суждение не отличается от твоего, Чарлз.

- Нет, отличается. Я более осведомлен.

- В таком случае, буду откровенен: я просто... не знаю!

- Они м о г у т быть виновными?

- О да!

- Но ты в их виновности не уверен?

Отец пожал плечами.

- Не уклоняйся от ответа, па. Прежде ты был уверен? Не сомневался?

- В общем, да. Не всегда, правда.

- Я молю небо, чтобы ты оставался уверенным и сейчас.

- Я тоже.

Мы помолчали. Я думал о двух призрачных фигурах, выплывающих в сумерках из парка. Одинокое испуганные люди. Они были испуганы с самого начала. Разве это не является признаком нечистой совести? Но тут же я ответил сам себе: "Совсем не обязательно". Оба они, и Бренда, и Лоуренс, боялись самой жизни - у них не было уверенности в себе; а тут еще они оказались участниками традиционной истории незаконной любви, разрешившейся убийством старого мужа.

- Ну-ну, Чарлз, - заговорил отец мягким грустным голосом. - Нужно смириться с ситуацией. Неужели ты до сих пор допускаешь возможность, что в действительности преступником является кто-то из Леонидисов?

- Я ни в чем не уверен, - ответил я. - Все как-то запутано и неясно. Но у меня ощущение... в целом... что все они пытаются закрыть глаза на правду.

Отец кивнул.

- Все, кроме Роджера, - добавил я. - Роджер безоговорочно верит в виновность Бренды и страстно желает увидеть ее повешенной. С Роджером легко общаться: он очень прост, прям и не держит никаких задних мыслей.

Но остальные Леонидисы явно чувствуют себя виноватыми... Все они беспокоятся, чтобы обеспечить Бренде возможно лучшую защиту на суде... дать ей возможность воспользоваться любым шансом... Почему?

- Потому что в глубине души они по-настоящему не верят в виновность Бренды? Что ж, звучит логично. - Отец помолчал и спокойно спросил: - А кто же все-таки м_о_г это сделать? Ты разговаривал с каждым из них. Кто, по-твоему, наиболее вероятный подозреваемый?

- Не знаю, - сказал я. - И это приводит меня в бешенство. Никто из них не отвечает твоему описанию убийцы, и все же я чувствую - именно чувствую, - что кто-то из Леонидисов я_в_л_я_е_т_с_я убийцей.

- София?

- Нет! Бог мой, нет!

- Но ты обдумываешь и эту возможность, Чарлз... да-да, не отрицай. И тем более настойчиво, что страшно боишься этой возможности... А как остальные? Филип?

- Только по самым невообразимым мотивам.

- Мотивы убийства могут быть самыми невообразимыми - или до нелепости незначительными. И какие же мотивы могли быть у него?

- Он страшно ревновал отца к Роджеру - всю жизнь. Оказываемое старшему брату предпочтение приводило его в бешенство. Фирма Роджера оказалась на грани банкротства, старый Леонидис прослышал об этом и пообещал сыну помочь поправить дела. Предположим, Филип узнал об этом. Если старик умрет в ближайшее время, Роджеру уже никто помочь не сможет, и он полностью разорится. О, я понимаю, это нелепо...

- Да нет, вовсе нет. Это ненормально, но такое случается. Люди бывают самые разные. А Магда?

- Магда довольно инфантильна, у нее совершенно нет чувства меры. Но мне никогда и в голову не пришла бы мысль о ее причастности к преступлению, если бы не ее внезапное решение отправить Джозефину в Швейцарию. Возможно, Магда боится, что Джозефина что-то знает и может случайно сболтнуть...

- И девочку пытались пристукнуть?

- Ну, мать это сделать не могла!

- Почему?

- Но, отец, мать не может...

- Чарлз, Чарлз, разве ты никогда не читал полицейских сводок? Матери очень часто питают острую неприязнь к одному из своих детей. Только к одному, остальным она может быть глубоко предана. Как правило, у женщины есть вполне определенная причина для ненависти - какие-то

подсознательные ассоциации, мотивы, - но докопаться до нее очень трудно.

- Магда называла Джозефину "подкидывшем троллей", - неохотно признался я.

- Ребенка это обижало?

- Кажется, да.

- Кто там еще? Роджер?

- Роджер отца не убивал. В этом я абсолютно уверен.

- Хорошо, Роджера вычеркнем. Его жена... как ее? Клеменси?

- Да, - сказал я. - Если старого Леонидиса убила она, то из очень странных соображений.

И я поведал отцу о своем разговоре с Клеменси и предположил возможность того, что в своем страстном желании увезти мужа из Англии она могла отравить старика.

- Клеменси убеждала Роджера скрыться, не предупреждая Аристида. Но старик все узнал и собирался помочь фирме сына избежать банкротства. Все планы и надежды Клеменси рушились. И она действительно безумно любит Роджера - это чувство граничит с идолопоклонством.

- Ты повторяешь слова Эдит де Хэвилэнд!

- Да. И Эдит - следующий человек, который, думаю, мог совершить убийство. Не знаю, какие у нее могли быть на это причины, но при наличии достаточно веских оснований Эдит может оставить за собой право вершить правосудие. Такой она человек.

- И при этом она чрезвычайно озабочена тем, чтобы у Бренды была хорошая защита на суде?

- Да. Это можно объяснить угрызениями совести. Я абсолютно убежден: Эдит не допустит осуждения невиновных.

- Вероятно, не допустит. Но смогла бы она поднять руку на ребенка?

- Нет, - медленно произнес я. - В такое поверить просто невозможно. Но это наводит меня на какую-то смутную мысль... о чем-то, что говорила мне Джозефина... не могу вспомнить, вылетело из головы. Какое-то несоответствие... какая-то деталь, не увязывающаяся с общей картиной... Если бы только вспомнить...

- Не мучайся. Вспомнишь позже. Еще какие-нибудь соображения у тебя есть?

- Да, - сказал я. - И много. Что ты знаешь о детском церебральном параличе? Я имею в виду - о последствиях влияния этой болезни на характер человека?

- Юстас?

- Да. Чем больше я думаю, тем больше мне кажется что Юстас вполне

подходит на роль подозреваемого. Его нелюбовь к бабушке и обида на него. Его странность и угрюмость. Мальчик не вполне нормален. Он единственный из семьи, кого я могу представить хладнокровно покушающимся на Джозефину, которой что-то известно о нем. А ведь ей наверняка что-то было известно. Это дитя знает все. И записывает свои наблюдения в блокнотике...

Я резко смолк.

- Боже мой, - сказал я. - Какой же я идиот!

- В чем дело?

- Я вспомнил, в чем заключается то несоответствие, о котором я недавно говорил. Мы с Тавернером пришли к выводу, что разгром в комнате Джозефины произведен во время поиска писем. Я думал, девочка раздобыла эти письма и спрятала их в котельной. Но потом в разговоре со мной она обронила, что письма в котельной спрятал сам Л_о_у_р_е_н_с! Джозефина однажды увидела учителя выходящим из котельной, обыскала ее и обнаружила там эти письма. Девочка, конечно, прочитала их. Но оставила там, где нашла.

- Ну и?

- Неужели ты не понимаешь?! З_н_а_ч_и_т, в_к_о_м_н_а_т_е Д_ж_о_з_е_ф_и_н_ы_и_с_к_а_л_и_н_е_п_и_с_ь_м_а. А что-то еще.

- И это...

- И это - маленький черный блокнотик, куда она записывала результаты своих наблюдений. Вот что там искали! И думаю, искавший блокнотик не нашел его, и тот до сих пор находится у Джозефины! Но если так...

Я привстал с кресла.

- Если так, - подхватил отец, - девочке по-прежнему грозит опасность. Ты это имеешь в виду? - Да. И будет грозить до тех пор, пока Джозефину не отправят в Швейцарию.

- А она хочет ехать?

Я задумался.

- Едва ли.

- Значит, вероятно, она еще не уехала, - сухо сказал отец. - Но пожалуй, ты прав: девочке действительно грозит опасность. Тебе лучше отправиться в Суинли-Дин немедленно.

- Юстас? - в отчаянии спросил я. - Клеменси?

- По-моему, - мягко заговорил отец, - все факты указывают на совершенно определенное лицо... Странно, что ты не видишь этого сам... Я...

В дверь заглянул Гловер:

- Извините, мистер Чарлз, вас к телефону. Мисс Леонидис из Суинли-Дин. Что-то срочное.

Это казалось ужасным повторением уже происходившей ранее сцены. Неужели Джозефина опять пала жертвой преступника? И на этот раз злодей не совершил ошибки?..

Я бросился к телефону:

- София? Я слушаю.

В голосе Софии звучало глубокое отчаяние:

- Чарлз, ничего не кончилось. Убийца по-прежнему среди нас.

- О чем ты? Что случилось? Джозефина?..

- Не Джозефина. Нэнни.

- Н_э_н_н_и_?

- Да. Это какао... Джозефина отказалась от своего какао и оставила чашку на столе в холле. Нэнни было жалко выливать его - и она выпила какао сама.

- Бедная Нэнни. Ей очень плохо?

Голос Софии задрожал и сорвался:

- О, Чарлз! Она _у_м_е_р_л_а_.

24

Снова начался кошмарный сон.

Я думал об этом, сидя в машине, когда мы с Тавернером ехали из Лондона в Суинли Дин. Это было точное повторение нашего прошлого путешествия.

Тавернер иногда произносил какие-то бранные слова. Я же время от времени твердил тупо и бессмысленно одну и ту же фразу: «Значит, это не Бренда и не Лоуренс. Значит, не Бренда и не Лоуренс».

Верил ли я сам в это? Скорее мне хотелось верить, хотелось уйти от других, более зловещих предчувствий...

Они влюбились друг в друга и писали друг другу глупые, сентиментальные, любовные письма. Они уповали на то, что старый муж Бренды скоро спокойно и тихо отойдет в мир иной, – я даже не был уверен, что они так уж жаждали его смерти. У меня было чувство, что отчаяние и тоска несчастной любви их вполне устраивают, даже больше, чем перспектива будничной супружеской жизни. Бренда вряд ли была страстной женщиной. Для этого она была слишком анемична, слишком пассивна. Она мечтала о романтической любви. Думаю, что и Лоуренс тоже был из тех, для кого несбывшиеся надежды и неясные мечты о будущем блаженстве значат больше, чем утехы плотской любви.

Они попали в ловушку и, насмерть перепуганные, не могли сообразить, как из нее выбраться. Лоуренс сделал невероятную глупость, не уничтожив письма Брендды. Его письма Бренда, очевидно, все же уничтожила. Иначе бы их нашли. И вовсе не Лоуренс положил мраморного льва на дверь прачечной. Это был кто-то другой, чье лицо по-прежнему было скрыто от нас маской.

Мы подъехали к двери. Тавернер вышел, я последовал за ним. В холле стоял какой-то незнакомый мне человек в штатском. Он поздоровался с Тавернером, который сразу же отозвал его в сторону.

Внимание мое привлекла гора чемоданов в холле. На всех чемоданах были бирки с адресом. Пока я смотрел на них, по лестнице спустилась Клеменси. На ней было ее неизменное красное платье, пальто из твида, а на голове красная фетровая шляпа.

– Вы приехали как раз вовремя, чтобы попрощаться, Чарльз, – сказала она.

– Вы уезжаете?

– Да. Мы сегодня вечером едем в Лондон. Самолет завтра рано утром. Она была спокойна и улыбалась, но глаза глядели настороженно.

– Но сейчас вы ведь не можете уехать.

– Почему не можем? – Голос сразу стал жестким.

– А смерть...

– Смерть няни к нам не имеет никакого отношения.

– Может быть, и нет. Тем не менее...

– Почему вы говорите «может быть, и нет»? Она действительно к нам не имеет отношения. Мы были у себя наверху, складывали остатки вещей. И ни разу не спускались вниз, пока какао стояло на столе в холле.

– Вы можете это доказать?

– Я отвечаю за Роджера, а он за меня.

– И никаких других свидетелей? Не забываете, вы муж и жена.

Гнев ее вылился наружу.

– Вы невыносимы, Чарльз! Мы с Роджером собираемся уехать – начать новую независимую жизнь. На кой дьявол нам понадобилось на прощание дать яд доброй глупой старухе, не причинившей нам никакого зла?

– Может быть, вы намеревались дать яд кому-то другому?

– Еще менее вероятно, что мы хотели отравить ребенка.

– Но это ведь зависит от того, какой это ребенок. Не согласны?

– Что вы имеете в виду?

– Жозефина не совсем обычный ребенок. Она много знает о людях.

Она...

Я запнулся. В дверях, ведущих в гостиную, появилась Жозефина. Она грызла неизменное яблоко, а глаза над его круглым румяным бочком светились каким-то бесовским торжеством.

– Няню отравили, – объявила она. – Точь-в-точь как и дедушку. Интересно, правда?

– Тебя что, это совсем не огорчает? – спросил я сурово. – Ты же очень ее любила, мне кажется.

– Не особенно. Она всегда меня ругала за что-нибудь. Вечно шум поднимала.

– А ты хоть кого-нибудь любишь, Жозефина? – спросила Клеменси.

Жозефина остановила свой гоблинский взгляд на Клеменси.

– Я люблю тетю Эдит, – сказала она. – Я очень даже люблю тетю Эдит. И еще я могла бы любить Юстаса, но только он всегда такой злющий со мной, и ему совсем не интересно разгадывать, кто все это сделал.

– Я советую тебе прекратить эти разгадывания, – сказал я. – Это небезопасно.

– Мне больше ничего не надо разгадывать. Я все знаю.

Воцарилось молчание. Неподвижный торжествующий взгляд Жозефины был устремлен на Клеменси. До моего слуха донесся звук, напоминающий глубокий вздох. Я резко обернулся. На ступеньках, на середине лестницы, стояла Эдит де Хевиленд, но мне казалось, что вздохнула не она. Звук пришел из-за двери, через которую вошла Жозефина.

Прыжком я пересек комнату и распахнул дверь – за ней никого не было.

Я тем не менее был сильно обеспокоен. Кто-то только что стоял за дверью и слышал, что сказала Жозефина. Я вернулся и взял Жозефину за руку. Она по-прежнему жевала яблоко и в упор смотрела на Клеменси. Помимо важного высокомерия, в этом взгляде было какое-то злобное торжество.

Я сказал:

– Пойдем, Жозефина. Нам надо немного поговорить.

Я догадывался, что Жозефина воспротивится, но я был настроен решительно. Я почти насильно дотащил ее до той части дома, где она жила. Там была небольшая комната типа гостиной, которой пользовались в дневные часы и где, я надеялся, никто не потревожит нас. Я привел ее туда и, закрыв крепко дверь, усадил на стул. Затем я пододвинул второй стул и сел так, чтобы видеть ее лицо.

– Ну, а теперь, Жозефина, поговорим откровенно. Итак, что тебе

известно?

– Масса всего.

– В этом я не сомневаюсь. У тебя голова, наверное, так забита, что туда уже больше не вмещается никаких сведений – ни нужных, ни ненужных. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, не так ли?

– Конечно, знаю. Я же не глупая.

Я так и не понял, предназначалась ли эта шпилька мне или полиции, но я, не обратив на нее внимания, продолжал:

– Ты знаешь, кто положил яд в твое какао?

Жозефина кивнула.

– Ты знаешь, кто отравил дедушку?

Снова кивок.

– А кто прошиб тебе голову?

Она снова кивнула.

– Тогда вспомни то, что ты знаешь, и расскажи все мне прямо сейчас.

– Не расскажу.

– Ты должна это сделать. Все добытые тобой или подслушанные сведения необходимо сообщить полиции.

– Я ничего не расскажу полиции. Они глупые. Они думают, что это Бренда... или Лоуренс. А я не такая глупая. Я-то знаю прекрасно, что это вовсе не они. У меня давно появилась мысль, кто это мог быть, и я произвела проверку – и теперь я знаю, что была права, – заключила она с радостным удовлетворением.

Я призвал на помощь все свое терпение и начал новую атаку.

– Я не могу не признать, Жозефина, что ты необыкновенно умна, – сказал я.

Она была явно польщена.

– Но скажи сама, какой толк от твоего ума, если тебя не будет в живых и ты не сможешь порадоваться тому, что ты такая умная? Дурочка, разве тебе не понятно, что, пока ты так по-детски все скрываешь, ты находишься в непрерывной опасности?

Жозефина с довольным видом кивнула:

– Конечно, понимаю.

– Ты уже два раза чудом избежала смерти. При первом покушении ты едва не лишилась жизни, а второе стоило жизни другому человеку. И если ты будешь с важным видом расхаживать по дому и объявлять во всеуслышание о том, что тебе известен убийца, будут новые попытки – и погибнешь либо ты, либо кто-то другой. Разве ты этого не понимаешь?

– В некоторых детективах иногда убивают всех подряд, одного за

другим, – сказала Жозефина с явным удовольствием. – А в конце преступника ловят только потому, что он или она единственно и остался в живых.

– Но это не детектив. Это «Три фронтона», Суинли Дин, а ты – маленькая глупая девочка, начитавшаяся больше чем нужно всякой ерунды. Я заставлю тебя сказать мне, что ты знаешь, даже если мне придется душу из тебя вытрясти.

– Я всегда могу что-нибудь наврать, – возразила Жозефина.

– Можешь, но не станешь. Собственно, чего ты ждешь?

– Вы не понимаете, – сказала Жозефина. – Может, я вообще никогда не скажу. А может, я люблю этого человека?

Она сделала паузу, как мне показалось, чтобы полюбоваться произведенным эффектом.

– А если я и скажу когда-нибудь, – продолжала она, – то уж сделаю это как надо. Рассажу всех в круг, разберу все с начала до конца, приведу улики, а потом неожиданно скажу: «Это вы!» – Она театральным жестом выбросила вперед указующий перст как раз в ту минуту, когда вошла Эдит де Хевиленд.

– Брось огрызок яблока в мусорную корзину, Жозефина, – сказала она строго. – Где твой носовой платок? У тебя липкие пальцы. Я собираюсь взять тебя прокатиться на машине.

Встретившись со мной взглядом, она многозначительно добавила:

– Ей полезно отсюда уехать на часок-другой... – Заметив, что Жозефина готова взбунтоваться, она сказала: – Мы поедем в Лонгбридж и будем есть мороженое, крем-брюле.

Глаза Жозефины радостно заблестели.

– Две порции, – сказала она.

– Посмотрим. А теперь пойдешь надень шапочку и пальто и не забудь темно-синий шарф. Сегодня холодно. Чарльз, ходите вместе с ней и подождите, пока она оденется. Не оставляйте ее одну. Мне надо написать пару записок.

Она села за письменный столик, а я эскортировал Жозефину. Если даже Эдит меня бы не предупредила, я все равно бы ходил за Жозефиной хвостом. Я был уверен, что этого ребенка за каждым поворотом подстерегает опасность.

Я только успел критически оглядеть туалет Жозефины, как в комнату вошла София. Она очень удивилась при виде меня:

– Вот уж не ожидала увидеть тебя в роли горничной, Чарльз. Я и не знала, что ты здесь.

– А я еду в Лонгбридж с тетей Эдит, – объявила с важным видом Жозефина. – Мы будем есть мороженое.

– Брр, в такую холодину?

– Крем-брюле прекрасно в любую погоду, – ответила Жозефина. – Чем на улице холоднее, тем от него теплее.

София была хмурая. Я видел, что она чем-то обеспокоена. Бледная, круги под глазами.

Мы вернулись с ней обратно в маленькую гостиную. Эдит промокнула адреса на конвертах и торопливо поднялась.

– Мы отправляемся, – сказала она. – Я велела Эвансу выкатить «Форд».

Она прошла в холл, мы следом за ней.

Мое внимание снова привлекли чемоданы с голубыми бирками. У меня они почему-то вызвали смутную тревогу.

Эдит де Хевиленд сказала:

– Какой прекрасный день, – она натянула перчатки и взглянула на небо. «Форд» уже ждал их перед домом. – Холодно, однако воздух бодрящий. Настоящий английский осенний день. А как хороши эти обнаженные деревья на фоне неба – листочки кое-где еще висят, совсем золотые.

Она помолчала, а потом повернулась и поцеловала Софию.

– Прощай, дорогая, – сказала она. – Не слишком огорчайся. Есть вещи, которые надо принять и пережить.

Затем она сказала:

– Поехали, Жозефина – И села в машину.

Жозефина примостилась на сиденье рядом с ней. Они обе помахали нам рукой, когда машина тронулась.

– Я считаю, что это правильно – увезти на время Жозефину отсюда. Но девочку надо заставить рассказать то, что она знает, София.

– Она, очевидно, ничего не знает. Просто делает вид. Любит напустить на себя важность.

– Все это на самом деле серьезней. Кстати, они выяснили, что за яд был в какао?

– Дигиталис. Тетя Эдит принимала дигиталис от сердца. У нее всегда стоит пузырек с маленькими таблеточками, обычно полный. А сейчас пузырек пустой.

– Но такие вещи надо запирать.

– Она запирает. Но мне кажется, найти ключ для того, кому это понадобилось, труда не составляет.

– А кому это могло понадобиться? Кому? – Я снова поглядел на грудку багажа и неожиданно для себя произнес вслух: – Им нельзя уезжать. Нельзя их отпускать.

София смотрела на меня с удивлением:

– Роджера и Клеменси? Уж не думаешь ли ты?...

– А что ты думаешь?

София как-то беспомощно взмахнула руками.

– Не знаю, Чарльз, – сказала она едва слышно. – Я знаю только одно – снова... снова вернулся этот кошмарный сон...

– Да, я тебя понимаю. Те же слова пришли мне в голову, когда мы ехали сюда с Тавернером.

– Потому что это и есть настоящий кошмар. Ходить среди близких людей, смотреть на их лица... и вдруг увидеть, как эти лица меняются... и перед тобой уже совсем другой человек, не тот, кого ты знаешь, незнакомый, жестокий...

Она вдруг закричала:

– Давай выйдем на улицу, Чарльз, давай выйдем! На улице не так страшно... Я боюсь оставаться в доме...

25

Мы долго пробыли в саду. По молчаливому согласию мы больше ни словом не обмолвились об ужасе, нависшем над нами. Вместо этого София с нежностью и теплотой рассказывала мне об умершей, о бесконечных затеях, об играх, в которые они в детстве играли с няней. Няня знала множество историй про Роджера, про их отца, про других братьев и сестер. Для нее они были все равно что свои дети. Няня снова вернулась к ним помочь во время войны, когда Жозефина была крошкой, а Юстас забавным мальчуганом.

Воспоминания эти были целебным бальзамом для Софии, и я изо всех сил поддерживал наш разговор.

Я подумал о Тавернере – интересно, что он делает? Наверное, опрашивает обитателей дома. Отъехала машина с полицейским фотографом и двумя полицейскими, и тут же около дома остановилась санитарная карета. Я почувствовал, как вздрогнула София. Карета вскоре уехала, и мы поняли, что тело няни увезли, чтобы подготовить его для вскрытия.

А мы все сидели, потом ходили по саду и говорили, говорили без конца – и снова наши слова, чем дальше, тем больше маскировали наши подлинные мысли.

Поежившись, София сказала:

– Должно быть, очень поздно – почти совсем темно. Надо идти. Тети Эдит с Жозефиной еще нет... Им давно пора вернуться.

Меня охватило какое-то смутное беспокойство. Что случилось? Тетя Эдит нарочно держит девочку подальше от скрюченного домишка?

Мы возвратились в дом.

София задернула шторы, мы разожгли камин. Казавшаяся неуместной былая роскошь обстановки вдруг гармонично вписалась в интерьер просторной гостиной. На столах стояли большие вазы с желтыми хризантемами.

София позвонила, и та самая горничная, которую я видел наверху, принесла чай. Глаза у нее были красные, и она непрерывно всхлипывала. Я заметил, что она то и дело испуганно оглядывается назад.

Магда присоединилась к нам, а Филипу чай отнесли в библиотеку. На сей раз Магда была воплощением застывшей скорби. После каждого сказанного слова она надолго замолкала. Неожиданно она спросила:

– А где же Эдит и Жозефина? Что-то они запаздывают.

В голосе ее, как мне показалось, была озабоченность.

В душе у меня росло беспокойство. Я спросил, здесь ли еще Тавернер, и Магда ответила, что он как будто не уехал.

Я отправился на его поиски и, как только увидел, сразу же сказал, что меня беспокоит отсутствие мисс де Хевиленд и девочки. Тавернер немедленно позвонил по телефону и отдал какие-то распоряжения.

– Я сообщу вам, как только получу какие-нибудь сведения.

Я поблагодарил его и вернулся в гостиную, где застал Софию и Юстаса. Магда уже ушла.

– Он сообщит нам, как только что-нибудь узнает, – сказал я.

– Что-то с ними случилось, я уверена, что-то произошло, – тихо ответила София.

– София, дорогая, еще ведь не очень поздно.

– Напрасно вы так беспокоитесь. Они, наверное, пошли в кино, – добавил Юстас и своей ленивой походкой вышел из комнаты.

Я сказал Софии:

– Она могла поехать с Жозефиной в гостиницу или даже в Лондон. Мне кажется, она одна и понимает, какая опасность грозит Жозефине, – понимает лучше, чем мы.

София посмотрела на меня хмурым взглядом, значение которого я не знал, как истолковать.

– Она меня поцеловала на прощание, – промолвила она.

Я не совсем понял, что выражает эта ни с чем не связанная фраза, что София ею хочет сказать.

Я спросил, что делается с Магдой – не очень ли она волнуется?

– Мама? Да нет, с ней все в порядке. У нее ведь отсутствует чувство времени. Она читает новую пьесу Вавасура Джоунза под названием «Женщина располагает». Смешная пьеса об убийстве, там женщина – синяя борода, по-моему, плагиат с пьесы «Мышьяк и старые кружева».^[13] Но там есть хорошая женская роль – женщина с маниакальным желанием овдоветь.

Я больше не задавал вопросов, мы оба молча делали вид, что читаем.

Часы показывали половину седьмого, когда открылась дверь и вошел Тавернер. На лице его можно было прочесть все, что он собирается сказать.

София встала.

– Ну что? – спросила она.

– Мне очень жаль, но у меня для вас плохие вести. Я объявил машину в розыск. Патруль сообщил, что «Форд» с похожим номером свернул с шоссе у Флакспур Хит и проехал через лес.

– По дороге к Флакспурскому карьере?

– Да, мисс Леонидис. – После паузы он продолжал: – Машина обнаружена в карьере. Обе пассажирки погибли. Может, вам будет легче узнать, что смерть была мгновенной.

– Жозефина! – В дверях стояла Магда. Голос ее перешел в вопль. – Жозефина, крошка моя!

София подошла к матери и обняла ее. Я бросился к двери, крикнув на ходу:

– Я сейчас!

Я вспомнил, как Эдит де Хевиленд села за письменный стол и написала два письма, а потом, взяв их с собой, спустилась в холл.

Но писем в руках у нее не было, когда она садилась в машину.

Я кинулся в холл прямо к длинному дубовому комоду. Письма я нашел сразу – они были за медным кипятильником.

То, что лежало сверху, было адресовано старшему инспектору Тавернеру.

Тавернер вошел вслед за мной. Я отдал ему письмо, и он тут же вскрыл его. Поскольку я стоял рядом, я прочел это короткое послание:

«Я надеюсь, что письмо будет прочитано после моей смерти. Я не хочу входить в детали, но я целиком принимаю на себя ответственность за смерть моего шурина Аристида Леонидиса и Джанет Роу (няни). Я таким образом официально заявляю, что Бренда Леонидис и Лоуренс

Браун не повинны в убийстве Аристида Леонидиса. Справка, которую вы можете навести у доктора Майкла Шавасса, 783, Харли-стрит, подтвердит вам то, что жизнь мою можно было бы продлить всего на несколько месяцев. Я предпочитаю поступить именно так и спасти двух невинных людей от обвинения в убийстве, коего они не совершали. Я пишу это в здравом уме и в твердой памяти.

Эдит де Хевиленд».

Когда я кончил читать письмо, я вдруг осознал, что София тоже его прочитала – не знаю, с согласия Тавернера или без.

– Тетя Эдит... – прошептала София.

Я вспомнил безжалостный каблук Эдит де Хевиленд, вдавивший в землю вьюнок. Вспомнил и рано закрывшееся подозрение, казавшееся фантастическим. Но почему она...

София угадала мои мысли, прежде чем я успел их высказать.

– Но почему Жозефина? Почему она взяла с собой Жозефину? – сказала она.

– Почему она вообще это сделала? Чем это объяснить?...

Я еще не закончил фразы, как уже знал ответ. Мне ясно представилась целиком вся картина. Я понял, что все еще держу в руке второе письмо. Взглянув на него, я увидел свое имя.

Оно было тверже и тяжелее, чем первое. Я знал, что в нем содержится, до того как вскрыл. Я разорвал конверт, и из него выпала черная записная книжечка Жозефины. Я поднял ее с пола – она раскрылась на первой странице.

Откуда-то издалека до меня донесся голос Софии, ясный и сдержанный:

– Мы все неправильно понимали... Это не Эдит.

– Не Эдит, – сказал я.

София подошла ко мне совсем близко... и прошептала:

– Это была Жозефина, да?

Мы вместе прочитали первую строчку в черной записной книжечке, выведенную еще не сформировавшимся детским почерком: «Сегодня я убила дедушку».

26

Можно только удивляться, почему я был так слеп. Истина буквально рвалась наружу, и, если вдуматься, одна лишь Жозефина отвечала всем отцовским характеристикам. Ее тщеславие, постоянное важничанье, непомерная любовь к разговорам, бесконечные заявления о том, какая она

умная и какая полиция глупая.

Я никогда не принимал ее всерьез, потому что она была еще ребенком. Но дети ведь не раз совершали убийства, а в данном случае убийство было вполне в пределах ее возможностей. Дед сам указал ей точный способ – он фактически дал ей в руки готовый план. Единственное, что от нее требовалось, – не оставлять отпечатков пальцев, а этой науке легче легкого выучиться даже при самом поверхностном знакомстве с детективной литературой. Все остальное – просто мешанина, почерпнутая из шаблонных романов. Тут и записная книжечка, изыскания сыщика, тут и ее якобы подозрения, многозначительные намеки на то, что она не хочет говорить, пока до конца не уверена...

И наконец покушение на самое себя. Почти невероятная операция, принимая во внимание то, что Жозефина могла легко погибнуть. Но она чисто по-детски этого не учитывала. Она была героиней, а героинь не убивают. Здесь, однако, появились улики – комочки земли на сиденье старого стула в прачечной. Жозефине и только Жозефине могло понадобиться влезть на стул и пристроить на двери мраморный брусок. Он, очевидно, не один раз пролетал мимо (судя по вмятинам на полу), и она снова терпеливо взбиралась на стул и снова укладывала кусок мрамора на дверь, пользуясь шарфом, чтобы не оставлять отпечатков. А потом, когда брусок упал, она едва избежала смерти.

Это была великолепная постановка – блестящее воплощение ее замысла: ей грозит опасность, она «что-то знает», на нее совершено покушение.

Теперь мне было ясно, что она нарочно привлекла мое внимание к чердаку и бакам, когда она там была. Сама же она и устроила артистический беспорядок в своей комнате перед тем, как отправиться в прачечную.

Однако после возвращения из больницы, когда она узнала, что арестованы Бренда и Лоуренс, у нее появилась неудовлетворенность. Расследование было закончено, и она, Жозефина, оказалась вне огней рампы. Тогда она и выкрала дигиталис из комнаты Эдит и опустила таблетки в свой собственный стакан с какао, оставив его нетронутым на столе в холле.

Знала ли она, что няня его выпьет? Вполне возможно. Судя по ее словам в то утро, она не одобряла критического отношения к себе няни. А няня, умудренная многолетним опытом общения с детьми, не могла ли она что-то заподозрить?... Мне кажется, няня знала, всегда знала, что Жозефина не совсем нормальная. Раннее умственное развитие сочеталось в

ней с отсталостью нравственного чувства. Не исключено также, что в ее генах столкнулись разные наследственные факторы – то, что София назвала «семейной жестокостью».

Она унаследовала властную безжалостность бабушки с материнской стороны и безжалостный эгоизм Магды, которая видела всегда все только со своей колокольни. Будучи чувствительной, как Филип, Жозефина страдала от клейма некрасивого, «приблудного» ребенка. Несомненно и то, что ей передалась изначальная искривленная сущность старого Леонидиса. Плоть от плоти своего деда, она напоминала его и умом и хитростью, но с той лишь разницей, что любовь его изливалась наружу, на его семью, а у нее лишь на самое себя.

Я решил, что старый Леонидис понял то, чего не понимал ни один член семьи – а именно, что Жозефина может быть источником опасности для других и в первую очередь для самой себя. Он не пускал ее в школу, потому что опасался, что она может наделать бед. Дома он мог укрыть и уберечь ее, и теперь мне стала понятна его настойчивая просьба к Софии последить за Жозефиной.

И не было ли продиктовано страхом за девочку неожиданное решение Магды отправить ее за границу? Это мог быть и неосознанный страх, скорее неясный материнский инстинкт.

А как Эдит де Хевиленд? Она, очевидно, что-то заподозрила... ее охватил страх, и в конце концов она поняла всю правду.

Я взглянул на письмо, которое все еще держал в руке.

«Дорогой Чарльз, это конфиденциально – для Вас... и для Софии, если Вы сочтете нужным дать ей это письмо. Необходимо, чтобы кто-нибудь знал правду. Я вкладываю в письмо то, что я нашла в пустой собачьей будке у черного входа. Это подтвердило мои подозрения. Действие, которое я собираюсь предпринять, можно судить двояко – не знаю, правильно я поступаю или нет. Моя жизнь в любом случае близится к концу, и я не хочу, чтобы ребенок пострадал, по моему мнению, она пострадает, если ей придется держать земной ответ за то, что она совершила.

В помете всегда есть «бракованный» щенок.

Если я не права, Бог простит меня – я делаю это из любви. Да благословит Господь вас обоих.

Эдит де Хевиленд».

Я колебался только одну минуту, а затем вручил письмо Софии. Вместе мы раскрыли Жозефинину черную книжечку.

«Сегодня я убила дедушку...»

Мы перевернули страницу. Это было очень любопытное сочинение, особенно, как я себе представляю, интересное для психолога. С поразительной откровенностью оно описывало ярость, которую вызывали любые препоны, чинимые эгоцентрическим желанием. Мотив преступления был изложен так по-детски и был настолько несоразмерен, что мог вызвать только жалость.

«Дедушка не позволяет мне брать уроки танцев, и поэтому я решила его убить. Тогда мы поедem жить в Лондон, а мама не будет против танцев...»

Я привожу только несколько пассажей, но все они очень важны для понимания.

«Я не хочу ехать в Швейцарию и не поеду. Если мама заставит меня, я ее тоже убью – только мне негде достать яд. Может, я сама его сделаю. Из тисовых ягод. Говорят, они тоже ядовитые.»

Юстас меня сегодня очень разозлил. Он говорит: я девчонка, и пользы от меня никакой, и моя сыщицкая работа дурацкая. Небось он никогда не думал бы, что я дура, если бы знал, что я совершила убийство.

Мне нравится Чарльз, но он какой-то глупый. Я еще не решила, на кого я свалю вину за преступление. Может, на Бренду и Лоуренса... Бренда противная, говорит, что у меня не все дома, а Лоуренс мне нравится – он рассказал мне о Шарлотте Корде: она убила кого-то там в ванне. Но сделала она это не очень-то умело...»

Последний абзац был весьма недвусмысленным:

«Я ненавижу няню... ненавижу... ненавижу. Она говорит, что я еще маленькая. Говорит, что я рисуюсь. Это она подговаривает маму послать меня за границу... Я хочу ее тоже убить – я думаю, на это сгодится лекарство тети Эдит. И если будет еще одно убийство, полиция вернется и снова станет очень интересно.»

Няня умерла. Я рада. Я еще не решила, куда я спрячу пузырек с маленькими таблетками. Может быть, в комнате у тети Клеменси или у Юстаса.

Когда я буду умирать в старости, я пошлю ее шефу полиции, и тогда все увидят, какая я великая преступница».

Я закрыл книжечку. У Софии по щекам лились слезы.

– Чарльз, Чарльз, это ужасно. Она маленький монстр... но при этом... жаль ее до ужаса.

Я испытывал те же чувства.

Мне была чем-то симпатична Жозефина... И я все еще не утратил симпатии к ней... Не любишь ведь ты кого-то меньше из-за того, что у него

туберкулез или другая смертельная болезнь? Жозефина была, как сказала София, маленьким чудовищем, но чудовищем трогательным. Она родилась с дефектом – выкрученный ребенок из скрюченного домишка.

– А если бы... она не погибла, что бы с ней случилось? – спросила София.

– Очевидно, ее бы послали в исправительное заведение или в специальную школу. Потом освободили бы или, на худой конец, признали невменяемой.

София содрогнулась:

– Лучше уж так, как есть. Но вот тетя Эдит... Мне невыносимо думать, что она взяла на себя вину.

– Она сама выбрала этот путь. Не думаю, что это получит огласку. Мне представляется, что против Бренды и Лоуренса, когда начнется суд, не будет выдвинуто никаких обвинений, и их освободят. А ты, София, – я переменяю тон и взял обе ее руки в свои, – ты выйдешь за меня замуж. Я получил назначение в Персию – мне только что стало известно об этом. Мы поедем туда вместе, и ты забудешь о скрюченном домишке. Твоя мать будет ставить пьесы, отец сможет покупать больше книг, а Юстас скоро поступит в университет. О них больше не надо беспокоиться. Подумай обо мне.

София посмотрела мне прямо в глаза:

– Чарльз, ты не боишься на мне жениться?

– Чего же мне бояться? В бедной маленькой Жозефине сосредоточилось все самое худшее, что есть в вашей семье, а тебе, София, – в этом меня не переубедить – досталось все самое честное и мужественное. Твой дед был о тебе высокого мнения, а он, судя по всему, редко ошибался. Выше голову, друг мой, у нас впереди будущее.

– Я постараюсь, Чарльз. Я выйду за тебя замуж и сделаю тебя счастливым. – Она поглядела на записную книжечку. – Бедная Жозефина, – сказала она.

– Да, бедная Жозефина, – повторил я.

– И какова же правда? – спросил отец.

Я не привык обманывать старика.

– Это не Эдит де Хевиленд, – сказал я. – Это Жозефина.

Отец понимающе кивнул:

– Я и сам уже какое-то время думал об этом. Несчастное дитя...